

РОССИЙСКАЯ ДИАСПОРА В АФРИКЕ

Русские во французских колоніяхъ

вопросъ о допущеніи русскихъ на
в колоніи французской
в Африкѣ

LE SOLDAT-CITOYEN RUSSE EN FRANCE
РУССКІИ СОЛДАТЪ-ГРАЖДАНИНЪ
ВО ФРАНЦИИ

номы, техники,
пр. съ русскими
агрономы, ко

Русская эмиграція
Отправка русскихъ рабочихъ
Алжиръ.

бдительность В. З. С. въ Египтѣ.

Въ виду невозобновленія до
всехъ русскихъ рабо
открывавшихся въ

казанію помощи находящимся
россійскій 3

Русские въ иностранномъ легіонѣ

отправка ля-куртицевъ в Африку.
началье выгонять куртицевъ на работы, отправили в Африку.

RUSSIAN OBSERVERS ABROAD
BOLSHEVISM IN TUNIS AND ALGERIA.
by PROF. M. ROSTOVITZEV.

ая русск
въ иностранно
ещь — почти во все
нныхъ магазинахъ, мас
енныхъ мѣстахъ, гдѣ
овѣкъ — находится рус
же самое происход

спансовъ. Последніе двинулись, было
свидѣвъ бѣшено несущихъ
своихъ спр
weeks in Tunis and Algeria.
reign, French, Italians, Maltese,
ed and questioned. The past
was in my mind as well.
у, whether B

Какъ я мерзъ въ Сахарѣ

d penc
to be
sm and

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт Африки

РОССИЙСКАЯ ДИАСПОРА В АФРИКЕ

20—50-е годы

Сборник статей

МОСКВА
Издательская фирма
«ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА» РАН
2001

УДК 325
ББК -4*63.3
Р76

Ответственный редактор
А.Б.Летнев

Российская диаспора в Африке. 20 — 50-е годы. Сборник
Р76 статей. М.: Издательская фирма «Восточная литература»
РАН, 2001. — 150 с.
ISBN 5-02-018191-9

Африканская составляющая Русского Зарубежья, характерные особенности российской диаспоры в межвоенной Африке — такова проблематика сборника. Впервые в отечественной историографии предпринимается попытка ввести проблему Зарубежной России в африканский контекст и тем самым значительно дополнить существенные характеристики российского эмигрантского феномена в первой половине XX века.

Сборник, открывающий серию трудов о соотечественниках в Африке, составлен из обзорных статей, посвященных северному региону континента. Статьи дополняет обширная библиография по теме.

Основное внимание авторы сборника уделяют судьбе российских изгнанников из собственной страны, которые продолжительное время жили в Египте, Тунисе, Марокко, а также Эфиопии (или посещали эти страны), оставив след в памяти современников.

ББК -4*63.3

ISBN 5-02-018191-9

© Институт Африки РАН, 2001

А.Б.Летнев

ВВЕДЕНИЕ

Говорят, русские тяжелы на подъем. Неправда, старо. Иной, из средних интеллигентов, самой судьбой определен жить и умереть в захолустье, а глядишь — сидит на крыше вагона, на носу — треснувшее пенсне, за сутулыми плечами — мешок, едет заведомо в Северную Африку, и ничего себе, только борода развевается по ветру.

А.Н.Толстой

У Михаила Осоргина скупое, но точно сказано о скитальцах, коллегах-профессорах Казанского университета: «...большинство ушло вслед за чехословаками в Сибирь; дальше их путь — на Дальний Восток, в Китай, в Японию, оттуда океанами в места русского рассеяния — в Америку, в Австралию, черт знает куда и зачем, а кто мог — в Европу». Как видим, Африке в приведенном перечне места не нашлось. Но мы и не должны требовать от эмигрантского писателя перечисления очагов русского рассеяния: он ведь не историк и к тому же рассматривает явление лишь на одном примере. Тут не сетовать, а благодарить надо. В осоргинской миниатюрной модели великого послереволюционного исхода само изъятие из общего списка целого континента красноречивее многих слов. В самом деле, трудно лучше оттенить периферийность, маргинальность, изолированность той части всемирной русской диаспоры, которая очутилась на Африканском материке.

Оказались там наши соотечественники в разное время и по разным причинам. Добирались разными путями. Одни жили там десятилетиями, другие годами, третьи месяцами, четвертые и вовсе не задерживались более нескольких недель.

Начать с того, что до Первой мировой войны поездка в Африку была делом житейским. Российские подданные всех сосло-

вий (располагавшие, разумеется, соответствующими возможностями) выезжали туда по самым обычным поводам. Артисты — на гастроли, художники — на этюды. Журналисты — по заданию редакции, археологи — в экспедицию, охотники — на сафари, а молодожены — в свадебное путешествие. Для этих категорий россиян путешествие на Африканский континент было, конечно, делом менее привычным, чем поездка в Западную Европу, но все же довольно обычным. За двумя исключениями. Ехали туда и преследуемые участники революции 1905 г. (потемкинцы в Египте), и те, кто спасался от черносотенных погромов (еврейская община в Южной Африке).

После 1917 г. в Африку не просто ездили. Туда бежали. Большинство оказавшихся там было просто вышвырнуто, и не только из России, но и из Европы.

Первый поток (около 10 тыс. человек) обозначился еще в декабре 1917 — феврале 1918 г. Этих людей отправили в африканскую ссылку в наказание за непослушание французскому и русскому командованию. То были остатки Русского экспедиционного корпуса на Западном фронте (Франция, Македония), направленного туда еще в 1916 г. царским правительством. Разместили бунтарей в Алжире².

Следующий заметный поток датируется 1919 г. Состоял он из раненых военнослужащих белых армий, работников тыловых служб и гражданских беженцев. Эвакуация, довольно поспешная, шла через Одессу и Новороссийск в различные страны Средиземноморья. После излечения в английских или греческих госпиталях некоторые военные могли еще успеть вернуться, скажем из Александрии, во врангелевский Крым и снова встать в строй; остальные встретили окончание Гражданской войны на чужбине.

Основная масса деникинских войск ушла, как известно, в Крым. Там она, будучи преобразованной в Русскую армию генерала Врангеля, сражалась до ноября 1920 г. Затем настал ее черед быть эвакуированной за пределы России. Эта эвакуация в отличие от предыдущей прошла более организованно. Войска, штабы, тыловые учреждения, госпитали, архивы, военно-учебные заведения, семьи военнослужащих и огромная масса гражданских беженцев — все это было вывезено на военных и вспомогательных судах в Турцию.

Несколько слов о составе российской диаспоры на Африканском континенте в том виде, как она сложилась к началу 20-х годов. Выглядел он так:

- россияне, постоянно или длительное время жившие в Африке и до 1917 г.;

- депортированные французами военнослужащие бывшего Русского экспедиционного корпуса (Алжир);

— военнослужащие Добровольческой армии, эвакуированные в связи с ранением и переправленные в британские госпитали в Египте; их дополняли гражданские беженцы 1919 г.;

— эвакуированные через Турцию врангелевские войска (и в особенности флотские экипажи) плюс гражданские беженцы из Крыма; именно этот поток (1920 г.) составил основную массу эмигрантов в Африке;

— прибывшие морским путем самостоятельно из третьих стран, в том числе с Балтики и «белого» Дальнего Востока;

— безработные россияне, хлынувшие из Европы в связи с экономическим кризисом начала 30-х годов;

— советские «невозвращенцы», в основном моряки торговых судов (очень незначительное число);

— наконец, родившиеся в русских эмигрантских (или смешанных) семьях уже на африканской земле.

Картина, как видим, довольно мозаичная. В итоге всех этих сложных перемещений и приращений в странах Африки, в основном Северной, к 1920 г. оказалось около 30 тыс. россиян.

Со временем от основных североафриканских русских анклавов (Египет, Тунис, Алжир) отпочковывались дочерние новообразования. Вместе с вновь прибывшими из других стран эти переселенцы рассеялись по всему континенту, оседали в виде малочисленных изолированных общин во всем ее обширном тропическом поясе. Что же касается южноафриканского региона, то российская диаспора сложилась там за несколько десятилетий до революционных катаклизмов 1917 г.; численный состав ее (по некоторым оценкам, в одной только Южной Африке в 1921 г. было 25 тыс. выходцев из России)³ сопоставим с числом эмигрантов первой волны в Северной Африке.

Общая численность российских изгнанников, оказавшихся под африканским небом, не идет ни в какое сравнение с сотнями тысяч соотечественников, осевших в крупнейших очагах Зарубежья (Франция, Германия, Чехословакия, Югославия, Болгария, Прибалтика, Маньчжурия). Но не только это резко отличает российскую диаспору на Африканском континенте от всех прочих.

Именно в Африке, в колониальной среде, россиянам пришлось столкнуться с трудностями особого рода. Здесь сложности адаптации, неизбежные в любом случае, независимо от страны пребывания, усугублялись. Дело в том, что массы людей попадали в сферу одновременного воздействия необычного климата, принципиально иной политической культуры (и культуры вообще) и неведомой религии. Психологический шок, испытываемый при этом, был огромен. Африка книжная, умозрительная, художественно, но все же знакомая по «Фрегату „Палладе“», путевым очеркам Александра Елисеева и Василия Немировича-Данченко, по стихам Николая Гумилева, не очень соответствовала Африке

реальной, которая простиралась за оградой беженского лагеря. Египет, вне привычной экзотики, без пирамид и сфинкса, подавлял и обескураживал. Пребывание на родине Ганнибала в постоянных заботах о хлебе насущном не слишком располагало к размышлениям о великом карфагенском прошлом тунисской земли. А сыны Дона и Кубани, рассеянные после годичного лагерного пребывания на о-ве Лемнос по всему Средиземноморью, включая страны Магриба, теперь несколько иначе воспринимали некогда читанный опус знаменитого земляка атамана Петра Краснова «Казаки в Абиссинии». Одно дело — сопровождать в качестве почетного конвоя русскую дипломатическую миссию, и совсем другое — оказаться в той же Абиссинии, или в Марокко, или в Алжире не только без коня и боевого снаряжения, но даже и без куска хлеба.

Психологическое вживание в новую диковинную реальность происходило крайне болезненно. Большинство изгнанников не было приспособлено к жизни в непривычной (субтропической и тропической) географической среде. Ядром диаспоры были военные. Среди них был высок процент офицеров, в общем далеких, за исключением тех же казаков, от физического труда. Но на новом месте зачастую приходилось прятать самолюбие в карман и заниматься именно физическим трудом. Это означало соглашаться работать землекопом, портовым грузчиком, кочегаром, шофером, садовником, сторожем. Альтернативой были должности конторщика, корректора, землемера, библиотекаря, чертежника. Жены офицеров, образованные женщины из обеспеченных семей, в свое время учившиеся в классических гимназиях, а то и в столичных институтах благородных девиц, в общем, ничего не умели делать по дому, как и их матери. Полагались на горничных, нянь, кухарок (как мужья их — на денщиков). Теперь все стало иначе. Женщины считали, что им повезло, если удавалось попасть в зажиточную арабскую либо европейскую семью на должность гувернантки (оптимальный вариант), няни, горничной или работать модисткой, швеей. Надо ли говорить, что все эти профессии не были в колониях уделом европейцев? Что такого рода занятость не лучшим образом сказывалась на общественном статусе российских изгнанников? Трудно жилось бывшему кавалергарду или казачьему есаулу, которого нужда заставляла садиться за руль такси в Марселе или Афинах. Неизмеримо тяжелее приходилось его собрату по новой профессии где-нибудь в Каире или Касабланке. Отсюда психологический надлом, особенно часто проявлявшийся среди бывших офицеров, прошедших войны, революции, голод, а теперь столкнувшихся на чужбине с невероятными унижениями. В такой обстановке ломались даже сформировавшиеся характеры, не говоря уж о молодежи. Свидетельство тому — сообщения о

самоубийствах, неременная принадлежность эмигрантской прессы 20-х годов.

Теперь о других особенностях рассеяния в Африке. Для большинства изгнанников пребывание на этом континенте было повторной эмиграцией, что, естественно, подразумевало и повторную адаптацию. Лишь немногие прибывали непосредственно из России. Основной же массе довелось узнать почем фунт лиха в беженских лагерях Турции, на греческих островах Средиземного моря, на британской Мальте, в других краях. Далее, во многих случаях африканским берегом эмигрантские скитания не ограничивались. Много было транзитных эмигрантов. Часть российских зарубежников постоянно мигрировала; одни прибывали в Африку, другие перебирались в иные страны и даже на иные континенты — в Европу, Австралию, в Южную Америку, Юго-Восточную Азию. Таким образом, Африка выступала зачастую в роли промежуточного этапа. Повторная же эмиграция воспроизводилась в дальнейшем на новом месте, под другим порядковым номером. Такая миграционная мобильность была характерна, впрочем, для всего Зарубежья.

Как происходило обустройство в Африке десятков тысяч наших соотечественников? Каковы были их мысли, надежды, переживания, разочарования? На все эти вопросы и попытались ответить, впервые в постсоветской историографии, авторы предлагаемого сборника. Но прежде чем перейти к его сути, постараемся понять главное. А главным можно считать ответ на такой вопрос: что же помогало изгнанникам выжить в новых, экстремальных условиях?

В наше время приходится сталкиваться с безапелляционными суждениями относительно слабо выраженной способности некоторых национальных меньшинств, преимущественно восточнославянских, к самоорганизации в условиях Зарубежья. В обоснование часто приводятся злоключения «этнических русских» (очередная бездумная калька с английского) в странах СНГ и Прибалтики. Но разве этого достаточно для серьезных обобщений? Обратимся хотя бы к историческому опыту эмиграции первой волны. А он, этот опыт, говорит нам: когда возникала суровая необходимость, россияне — и славянского корня, и все прочие, — попавшие в исключительно сложные условия, проявляли способность и организовываться, и защищать свои интересы. Африканский ареал всемирной российской диаспоры дает немало примеров такой успешной самоорганизации.

Выдавленные за пределы отечества бывшие подданные рухнувшей империи помнили горькие слова приказа последнего главкома Русской армии, обнародованного в Севастополе за несколько дней до эвакуации: «Дальнейшие наши пути полны неизвестности. Другой земли, кроме Крыма, у нас нет. Нет и госу-

дарственной казны. Откровенно, как всегда, предупреждаю всех о том, что их ожидает». После такого предупреждения все понимали: следует надеяться прежде всего на самих себя. Иными словами, сразу же возникла необходимость запустить некие механизмы саморегуляции, самоограничения и самодисциплины, которые только и могли обеспечить коллективное выживание на чужой стороне.

В условиях Африки делать это, по указанным выше причинам, было особенно сложно. Но не невозможно, что и доказали вскоре усилия тех, кому удалось переплавить первоначальную растерянность, даже отчаяние, в твердость и решимость.

Опорой изгнанников — и весьма существенной — были остатки прежних государственных и общественных структур Российской империи, в той или иной мере представленных и на Африканском континенте. По крайней мере в его северной, средиземноморской полосе, где, собственно, и осели в массе своей будущие эмигранты. Мы имеем в виду российские консульства в крупных городах (Каир, Александрия, Порт-Саид, Бизерта, Алжир). Функционировали они до середины 1924 г. Консульства располагали известными средствами, отпущенными в свое время еще царским и Временным правительствами, и скромным штатом служащих. Действовали они под контролем ежегодной конференции русских послов в Париже и, разумеется, под неусыпным наблюдением местной колониальной администрации. Консульские учреждения оказывали беженцам посильную материальную помощь, а также помогали им по части трудоустройства, оформления правового статуса, разъяснения особенностей местного законодательства.

Помимо консульств каким-то чудом сохранились в той же Северной Африке местные отделения Российского Красного Креста и Всероссийского союза земств и городов (сокр. Земгор). Первые помогали инвалидам и сиротам, вторые — всем категориям беженцев (медицинская, материальная, юридическая помощь). Представительства Земгора отпускали средства и на культурно-просветительную работу.

Так обстояло дело с поддержкой со стороны. Более действенной была самопомощь в различных ее проявлениях. Беженцы, которым еще предстояло стать эмигрантами, были просто обречены на создание низовых, самодеятельных организаций и объединений. Именно базовые ячейки помогали изгнанникам вживаться, встраиваться в новую географическую, этническую, социокультурную, конфессиональную реальность. Особенно важно это было на первых порах, когда обустройство в заморских краях только начиналось.

Новосозданные организации становились школой взаимопомощи, спаянности, корпоративизма в лучшем смысле этого сло-

ва. Обычно самостоятельные очаги активности являлись местными отделениями общеевропейских (или страновых — английских, французских и т.д.) российских эмигрантских объединений. Центральное правление располагалось в Европе. Приходилось формировать и автономные объединения на чисто африканской территориальной основе. Когда возникала необходимость согласования усилий в пределах нескольких соседних стран, создавались координирующие центры. Так, в 1920—1924 гг. под председательством военного юриста генерал-лейтенанта Л.Д.Твердого в Бизерте работала Комиссия по делам русских граждан в Северной Африке⁵. Судя по названию, сфера ее деятельности охватывала не только Тунис.

В колониях с незначительным числом эмигрантов и точечным их расселением создание каких-либо объединений, кроме землячеств, исключалось. Зато в странах компактного проживания значительных (по африканским масштабам) масс россиян эмигранты более или менее успешно группировались в рамках ветеранских, профессиональных, религиозных объединений. При таких объединениях работали клубы, библиотеки, кружки различного профиля, ставились любительские спектакли.

Бывшие военнослужащие, и уж во всяком случае офицеры, входили в местные подотделы Российского Общевоинского Союза (РОВС), Морского союза или различных казачьих формирований (донцы, кубанцы, терцы). В соответствии со структурой РОВСа 1-й его отдел официально распространял свою деятельность, по крайней мере с 1930 г., не только на территорию Франции, но и на ее колонии, а также на Египет. Из этого следует, что заморской работой РОВСа из Парижа поочередно руководили среди прочих начальников 1-го отдела генералы П.Н.Шатилов, И.Г.Эрдели.

Корпоративный дух, солидарность определеннее всего проявлялись в военной эмиграции, в особенности у военных моряков, и в казачьей диаспоре. Членство в ветеранских объединениях имело для «русских африканцев» огромное значение. Военные и полуввоенные организации располагали хотя и скромными, но собственными финансовыми средствами. Расходовать их они могли по своему усмотрению. Член РОВСа мог рассчитывать на денежную ссуду, помощь в трудоустройстве, оформлении документов, лечении и т.д.

Остро стояла проблема изоляции — культурной, религиозной, политической — русских анклавов в Африке. Коротковолновые радиоприемники большинству были не по карману. Газеты приходили из Европы с большим опозданием — в основном морским путем⁶. На вес золота ценились русские книги (пусть зачитанные, потрепанные), особенно вдали от обжитых мест. За ними буквально охотились. В какой-то мере выручали эпистоляр-

ные связи с друзьями, родственниками, редакциями газет Русского Зарубежья, разбросанными по всему миру. Интенсивную переписку вели многие, особенно молодежь. Выпускники учебных заведений — от престижного Пажеского корпуса до скромного военного училища — упорно искали и находили адреса одноклассников, обосновавшихся в странах Европы, в США. Такая переписка позволяла своевременно узнавать о новых вакансиях, благотворительных субсидиях, льготных стипендиях. Наиболее энергичные из числа одаренных молодых людей пытались преодолеть рутинный образ жизни в колониях, налаживая связи с печатными изданиями в различных странах. Иные достигали при этом определенных успехов, публикуя стихи, очерки, путевые заметки в берлинских и рижских, парижских и пражских, белградских и даже харбинских газетах и журналах. Тем самым они приобретали известность в масштабах всей диаспоры.

Естественно, далеко не всегда и не всем удавалось добиться интеллектуального самоутверждения и выхода из культурной изоляции. Надо иметь в виду, что при всех неоспоримых достижениях адаптационного плана было бы неверно их фетишизировать. Жилось основной массе россиян в Африке все-таки плохо, причем везде. Конечно, были колонии, где (временами!) удавалось устроиться более или менее сносно. Причины самые различные. В Эфиопии, например, жить было легче потому, что местная ветвь христианства сродни православию. Отсюда давняя, восходящая еще к допетровским временам традиция взаимного изучения и понимания, характерная для россиян и эфиопов. В Марокко и Египте было меньше проблем с трудоустройством. В обеих этих странах колониальная администрация разрешала (до середины 30-х годов) практиковать всем врачам-иностранцам, независимо от того, в какой стране был получен диплом. Между прочим, этого не было в самих метрополиях — ни в Англии, ни во Франции, ни в Бельгии. Ясно, однако, что такая поправка касалась только одной, причем ничтожно малой, части диаспоры. Что же до остальных, то тут определенно просматривается некая закономерность. В переселенческих колониях российские специалисты неизбежно сталкивались с сильной конкуренцией со стороны местных европейцев (речь идет, конечно, о частном секторе; в государственный иностранцев допускали крайне редко). В иных местах, где европейских специалистов было очень мало, колониальная администрация была готова предоставить работу по специальности любому европейцу, хотя бы и эмигранту.

У живших в Африке выходцев из России не было могущественных покровителей, таких, как президент Чехословакии Тамаш Масарик или Александр, суверен Королевства сербов, хорватов и словенцев (так именовалась тогда Югославия). Оба из-

вестны тем, что оказывали существенную помощь россиянам, обосновавшимся в этих странах. Но и в метрополиях, владевших обширными колониями в Африке, находились свои доброхоты. Так, покровительствовал беженцам из России генеральный резидент Марокко французский маршал Лиотэ. Посильную помощь оказывали прежним союзникам по Антанте бывший президент Франции Раймон Пуанкаре, бывший премьер Аристид Бриан, министр колоний Мариус Мутэ. От последнего зависела, в частности, очень важная вещь — утверждение квот на замещение вакансий в органах колониальной администрации иностранцами.

Пожалуй, наиболее благоприятное отношение к изгнанникам выказывали власти Бельгии, хозяева огромного колониального массива в Центральной Африке. На позицию бельгийского монарха повлияла, надо думать, явно выраженная симпатия и официального Петрограда, и российской общественности к маленькой Бельгии, нейтралитет которой был грубо нарушен кайзеровской Германией в 1914 г. Во время Гражданской войны в России Бельгия до самого конца, вплоть до крымской эвакуации, поддерживала белое движение на официальном уровне. А вот что пишет об отношении короля Бельгии Зинаида Шаховская. Пишет со знанием дела, ибо жила в 20-е годы и в Бельгии, и в Бельгийском Конго: «Бельгийцы чрезвычайно тепло встретили первую русскую эмиграцию, к которой также благосклонно относились король Альберт, королева Елизавета и кардинал Мерсье»⁷.

Субъективный фактор — вещь немаловажная, но, увы, проходящая. Влиятельные покровители уходили, зато неумолимая реальность наличествовала всегда. В периоды экономической нестабильности, депрессии, кризиса помощь российским протекже отходила по понятным причинам на второй план. Правительственная (или частная) система контрактации русских эмигрантских кадров, ориентированная на подпитку управленческих механизмов колоний, сразу начинала давать сбой. Размеры квот для иностранцев сужались. Оно и понятно: во время кризисных катаклизмов правительства метрополий были прежде всего озабочены тем, чтобы пристроить в заморских владениях как можно больше своих обездоленных сограждан.

Зато вербовочные пункты Иностранного легиона действовали и между двумя мировыми войнами, и по окончании Второй мировой исправно и бесперебойно. Многие россияне не успели или не сумели укорениться в гражданских колониальных структурах или открыть собственное дело. Такие были вынуждены соглашаться на посулы вербовщиков Иностранного легиона — французского или испанского.

В наемники шли неприкаянные, опустившиеся, лишившиеся нравственного стержня люди. В свое время писательница Ната-

лия Ильина вывела в воспоминаниях некий своеобразный эмигрантский тип, обозначив его так: «мальчики неясных профессий». Таковые, увы, обретались и под созвездием Южного Креста, хотя Ильина-то, типизируя, вела речь прежде всего о за-всегдателях харбинских и шанхайских злачных мест. Об одном таком «мальчике» красочно живописует другая эмигрантская писательница — Нина Берберова: «В восемнадцать лет пошел к Шкуро и кого-то резал... Он шатался где-то, потом поступил в Иностранный легион и уехал в Африку (была война французов с Абд аль-Кримом)... В Африке он опять кого-то резал, вернулся через пять лет... И вот теперь он в немецкой форме, сражается на восточном фронте, вернее — служит переводчиком у немцев в России. Сейчас вернулся в отпуск из-под Смоленска...». Эти строки — из дневниковой записи за декабрь 1942 г. Через полтора года автор дневника возвращается к судьбе своего парижского знакомого, отправившегося на родину в форме гитлеровского вермахта. Свидание бывшего legionера с землею предков заканчивается трагически — похоронкой из штаба германской армии, извещающей его родных о том, что в июле 1944 г. он погиб в бою под Черновицами⁸.

Да, очень разных людей выплескивала на африканские берега разбушевавшаяся российская революционная стихия. Были среди них и люмпены, и авантюристы, и маргиналы профашистского толка. Одно их объединяло: все были озлоблены против большевиков. Одни больше, другие меньше. Но дальше начинались, что называется, нюансы.

Одни, трезвомыслящие, быстро поняли: Ленин и Троцкий в Кремле; это, конечно, плохо, но дело сделано, они — победители, мы — побежденные, и никому не ведомо, сколько продержится в России новый режим. Дальнейший ход мыслей подобного рода в схематичном изложении выглядел примерно так: все эти словопрения между монархистами и «милюковцами», «кирилловцами» и «николаевцами», сменовеховцами, евразийцами и прочими, может быть, и интересны. Но они хороши для сытых, а это не наш случай. Отсюда следовал вывод: придется обустраниваться в этих субтропиках и тропиках, и чем скорее, тем лучше. Это означает: налаживать корреспондентские связи с земляками повсюду — здесь, в Африке, но и в Европе, а также в других странах; если нужно, направлять ходоков; добиваться получения помощи от симпатизирующих иностранцев, международных и собственных эмигрантских благотворительных структур. Короче, не ждать погоды у моря, хотя бы и Средиземного. Только так, трудясь не покладая рук, заработаем на хлеб, не дадим загубить семьи, поднимем на ноги детей, построим храмы, откроем школы, сохраним родную речь. Главное — выжить. Удастся стать толковыми работниками и лояльными жителями приютивших

нас стран — придет к нам, апатридам поневоле, уважение окружающих, да и местных властей.

Иные настроения преобладали среди непримиримых, далеких от разумного прагматизма. Такие предпочитали верить прогнозам своих политических кумиров об очередном «весеннем походе на Москву». Или внимательно прислушивались и приглядывались к словам и делам итальянского дуче и германского фюрера, убеждая себя и других: ну чем не альтернатива «исчерпавшей себя» буржуазной демократии? Или делали следующий шаг: вступали в прямой контакт с доморощенными российскими фашистами. И хотя штаб-квартира последних находилась за тридевять земель, в далекой Маньчжурии, ухитрились формировать на африканской земле (Египет, Алжир, Марокко) среди земляков-эмигрантов некие дочерние фашистские ячейки.

Самые непримиримые находили применение своей нерастраченной политической энергии, вступая в доверительные отношения с франкистами. Обосновавшись в испанской зоне Марокко или в международном по статусу Танжере, они жили до середины 30-х годов более или менее мирной жизнью. Затем эти бывшие «белые» снова пошли в смертельный бой против «красных», встав под знамена испанских мятежников. Им казалось, что теперь-то им удастся отомстить, пусть не на родных просторах, но хотя бы под Мадридом, Толедо или Гвадалахарой, всем большевикам планеты за крымское поражение и за унижительное бегство в заморские края⁹.

Эмигрантам-государственникам, а они явно преобладали, не давали покоя сепаратисты-самостийники. Часть донцов и кубанцев вновь заговорила, на сей раз в эмиграции, об особой славянской казачьей нации, отличной от великорусской, о создании в будущем государства «Казаккии» и т.д. Все это порождало интриги, вело к расколам в эмигрантской среде. Эхо противостояния противоборствующих кланов временами докатывалось и до африканской периферии российской диаспоры. Казаки-самостийники израсходовали немалые суммы на пропаганду казачьего сепаратизма и придание уже существовавшим общевойсковым (т. е. включавшим в себя представителей всех казачьих войск — донского, кубанского, терского, астраханского и т.д.) зарубежным поселениям (станциям) самостийной ориентации. Определенные надежды возлагались в этом плане на «станции» в Алжире и Александрии. Однако самостийники не получили поддержки большинства зарубежного казачества¹⁰.

Политиканство противопоказано любой эмиграции — эту простую истину часто забывают. Как тут не вспомнить бывшего эсера и знаменитого социолога Питирима Сорокина. Ведь он, хотя и по другую сторону Атлантики, не раз наблюдал лихорадочную псевдоактивность в эмигрантской, причем не только

русской, среде. Опираясь на собственный горький опыт изгнанника, Сорокин имел моральное право давать товарищам по несчастью (а эмиграция всегда несчастье) советы. Вот один из самых дельных: «Не строить свое существование целиком на безнадежных мечтаниях и бесплодных спорах. Чем скорее они (эмигранты. — А.А.) приспособятся к их новой стране пребывания, не потеряв при этом своей индивидуальности, и начнут реализовывать свой творческий потенциал, тем будет лучше для них самих, их новой страны и старой родины»¹¹.

Кстати, многие, не дожидаясь разумных советов, так и поступали. Свои знания, опыт, энергию они вкладывали в орошение полупустынь, борьбу с саранчой и тропическими недугами, строительство железных дорог и причалов, освоение недр, прокладку авиатрасс, обучение африканской молодежи. Вот почему на российских медиков, преподавателей, горных инженеров, агрономов, топографов, геологов, гидрологов, портовых диспетчеров, авиаторов в колониях существовал довольно стабильный спрос¹². Но не все успели еще в России стать дипломированными специалистами. К тому же не всякий российский диплом признавался. В то же время в тропиках хронически не хватало квалифицированных медицинских кадров. Отсюда известный либерализм местных администраторов в отношении врачей. Впрочем, русский доктор, скажем блестящий выпускник Санкт-Петербургской Военно-медицинской академии или Харьковского университета, попавший по контракту в колонии, не всегда работал врачом. На месте, «в глубинке» ему могли предложить и должность «младшего врача», т. е., попросту говоря, фельдшера. А его непосредственным начальником подчас назначался какой-нибудь бывший военный медик колониальной службы, специалист средней руки.

Как и прочие эмигрантские сообщества, российские в Африке оказывались во власти ассимиляционных процессов. Но действовала и противоположная тенденция. Ассимиляция замедлялась в силу обособленности, замкнутости эмигрантских общин, существовавших не только в иноязычной, но и в инославной среде. Так или иначе, к началу 40-х годов эмигранты первой волны были в той или иной мере интегрированы в жизнь окружающих их социумов. В то же время им удавалось сохранять этническую и культурную самобытность.

На рубеже 40-х и 50-х годов в странах Африки, как и во всем Зарубежье, произошла удивительная для обеих сторон встреча первой волны эмиграции со второй. Тех, кого называли «старыми эмигрантами», к началу Второй мировой войны в колониях оставалось гораздо меньше. Теперь, два десятилетия спустя, можно было говорить скорее о тысячах, но никак не о десятках тысяч. Старики уходили из жизни. Люди среднего возраста и

молодежь активно мигрировали за пределы континента. В то же время диаспора росла за счет прибывавших в Африку россиян. Одни переселялись в тропики по своей воле, других привозили, не спрашивая их согласия. Так, в первые годы правления властей Виши в Алжире отбывали ссылку русские, депортированные из Франции, как и в 1917—1918 гг., за неблагонадежность. Но гораздо большее число новых поселенцев приходилось не на эмигрантов, а на недавних советских граждан.

Тысячи россиян, бывших советских военнопленных, пополнили собой русские общины в Африке в 1942—1944 гг. Одни служили у Роммеля и помогали солдатам вермахта сражаться против войск Монтгомери и Эйзенхауэра. Другие, напротив, сражались в войсках союзников против итало-германской армии в Северной Африке. Третью привезли в Египет из Южной Франции: они служили в вермахте и были захвачены в плен американско-деголлевскими войсками при освобождении Прованса. Окончилась война, но не окончились мытарства новой волны скитальцев. В соответствии с Ялтинскими договоренностями союзников о военнопленных все они — и сражавшиеся на стороне Гитлера, и воевавшие против него — должны были стать объектом репатриации.

Те, кого брали на учет советские миссии по репатриации, действовавшие от Египта до Алжира, должны были вернуться в Советский Союз. Дальнейшая судьба этих репатриантов достаточно хорошо известна. Однако некоторым удалось избежать возвращения в родные края. На какое-то время они осели в британских лагерях военнопленных в Египте, затем, по мере их закрытия союзниками, стали переходить на положение беженцев, или, по терминологии тех лет, перемещенных лиц. В просторечии их называли *дипийцами* (от английской аббревиатуры D.P., Displaced Persons). Постепенно они устраивались на работу, обзаводились семьями. Для иных спасением выглядел все тот же Иностранный легион. После 1947 г. в состав российских дипийцев в Африке стали вливаться их собратья из беженских лагерей Европы. Так, для многих перемещенных лиц, не пожелавших возвращаться в Советский Союз, первой (после Германии) страной, где они группировались в ожидании постоянного приютища и трудоустройства, стало Марокко¹³.

Врастание «старых эмигрантов» и дипийцев в колониальную среду продолжалось в относительно спокойной обстановке до середины 50-х годов. Затем сама эта среда в силу известных причин стала распадаться. Как же встретили русские в Африке кризис, а затем и крах колониализма? Часть эмигрантов дождалась до провозглашения колониями независимости и обзавелась новыми паспортами. Другая, и немалая, снова снялась с насиженного места. Устрашенные перспективой оказаться невольными

участниками очередного социального эксперимента, эти люди предпочли на старости лет не рисковать, а поискать лучшей доли в иных широтах. Иногда и на других континентах, как это сделали их земляки, жившие в Китае (после революции 1949 г. многие из них поспешили перебраться из КНР в Австралию или Калифорнию). Сохранившаяся часть диаспоры представлена вплоть до наших дней если не во всех странах, то уж, во всяком случае, во всех регионах Африканского континента.

Таковы в общих чертах некоторые сущностные характеристики и особенности российской диаспоры как неотъемлемой части Зарубежья в Африке первой половины XX в. Диаспора была причудливым всемирным новообразованием, совокупностью родственных анклавов, где отчетливо проявлялось взаимное тяготение. Несмотря на огромные расстояния между ними, анклавы эти находились в определенном взаимодействии. Русское Зарубежье было удивительной системой сообщающихся (культурно) сосудов. Обмен изданиями, лекторами, артистами, спортсменами, студентами, литературные юбилеи и конкурсы, даже конкурсы красоты, — все это органично входило в редкую, но довольно прочную культурную ткань Зарубежья. Оказавшись в африканском рассеянии, россияне старались преодолеть дефицит общения с земляками в самой Африке. Делали они это, в частности, путем установления культурных контактов с носителями тех же славяно-православных ценностей, жившими на других континентах.

Зарубежная Россия не была, конечно, неким монолитом. Но было бы упрощением считать ее и бесформенным конгломератом с ностальгической доминантой в сознании изгнанников. Можно говорить о Русском Зарубежье как о самостоятельном, в известной мере всемирном, жизнеспособном социокультурном организме. Культурное взаимодействие увеличивало в конечном счете адаптационные возможности всех участников глобального процесса, где бы они ни жили — в Шанхае или Парагвае, Египте или Конго. В перспективе оно повышало их коллективные шансы на мучительное выживание в ожидании грядущих политических перемен на родине.

Нельзя сказать, чтобы историки-африканисты вообще не занимались изучением африканской составляющей Русского Зарубежья. Изучение, бесспорно, началось, о чем свидетельствуют первые специальные публикации¹⁴. Все это верно. Но верно и другое: специалисты по истории Европы, обеих Америк, Китая успели сделать, особенно в монографическом плане, больше. Отсюда необходимость развернуть глубокое исследование проблемы, расширить источниковую базу, активнее знакомить всех, кому не безразлична история отечественной культуры вообще, история культуры в изгнании в частности, с ее африканской главой.

Институт Африки РАН намеревается перейти от отдельных разрозненных публикаций к долгосрочному исследовательскому проекту «Российская диаспора к югу от Средиземного моря». Предлагаемый сборник — первый результат наших скромных усилий. Концептуально проект исходит из необходимости одновременной разработки по крайней мере трех направлений. Одно из них — освоение обширного корпуса источников, отечественных и зарубежных. Другое — подготовка обзорных, обобщающих материалов странового и регионального плана. Завершает эту триаду публикация (републикация) наиболее ярких и репрезентативных первоисточников, снабженных научным комментарием.

Мы начинаем серию исследований о наших соотечественниках в Африке с первых двух направлений научного поиска, названных выше. По мере накопления и обработки источников проект будет принимать несколько иные формы. Научно-публикаторский его аспект будет усиливаться. Такое смещение приоритетов не означает, конечно, что интерпретаторский компонент будет сходить на нет. Невозможно ведь разделить китайской стеной историческое событие как явление, данность и то же событие как объект научной интерпретации.

Так или иначе, наш первый сборник составлен из обзорных статей, посвященных наиболее изученному региону — северо-африканскому, и обширного библиографического материала по всему континенту. В район исследования вошла и северо-восточная часть Африки, представленная Эфиопией.

Авторы статей неоднократно бывали в описываемых странах. Свои выводы они строят не только на письменных источниках.

И еще два соображения принципиального характера. Авторы интересовали не только знаменитости, выдающиеся россияне, которые посещали те или иные колонии или жили там продолжительное время. Достойна внимания потомков и судьба малоизвестных, а то и вовсе безвестных изгнанников из собственной страны, скромных тружеников из числа бывших солдат, матросов, казаков, юнкеров, студентов, гимназистов, реалистов, курсисток. Всех тех, которые превратились в Африке в фермеров, рабочих, бухгалтеров, санитаров, гувернанток. Ведь и первые и вторые оставили (каждый свой собственный!) след в памяти своих современников.

Далее, мы стараемся рассказывать о наших соотечественниках в Африке по возможности трезво и объективно. Здесь неуместны как их идеализация, так и выставление в неблагоприятном свете. Конечно, авторы отдают себе отчет в том, что соблюдать необходимую объективность — задача не из легких. Основываясь только на эмигрантской периодике и мемуаристике, довольно легко впасть в преувеличение заслуг жителей «другой России». Эта опасность долго еще будет подстерегать эмигрантоведов. По крайней мере до тех

пор, пока единственной источниковой базой будет оставаться то, что сами эмигранты писали о себе.

«Противоядие» здесь одно — прочтение источников во всей их полноте. Предстоит поиск и учет источников, в которых вклад россиян в экономическое, культурное, научное развитие страны пребывания дается независимыми наблюдателями из числа современников, африканцев и неафриканцев. Каждое стороннее свидетельство об общественном признании этого вклада приобретает поэтому особое значение. Это — и рецензия иностранного коллеги на книгу русского автора, и художественная выставка в Европе произведений русского живописца, побывавшего в Африке, и публикация труда русского ученого в иностранном научном журнале, и оценка театрального критика африканских гастролей русского артиста, и конкурсная награда за литературное произведение на африканскую тему. Едва ли надо говорить о том, что все виды общественной реакции такого рода, учтенные к моменту сдачи сборника в печать, были нами использованы. Такие, как выход в 1995 г. книги «Александр Рубцов. Тунисский художник»¹⁵.

В статьях сборника для обозначения колоний (общин) выходцев из России на Африканском континенте употребляются оба термина — «русский» и «российский». Полностью отдавая себе отчет в том, что они не являются синонимами, мы тем не менее полагаем излишним в каждом случае оговариваться относительно полиэтничного содержания понятия «российский».

Соавторы выражают большую благодарность члену авторского коллектива В.П.Хохловой за поиск и подбор большого количества использованных в сборнике документальных свидетельств, зачастую уникальных, о жизни «русских африканцев» в исследуемый отрезок времени.

Они благодарят за ценные замечания своих коллег: д.и.н. Р.Н.Исмагилову, д.и.н. М.Ю.Френкеля, д.и.н. А.М.Пегушева, к.и.н. Ю.Н.Винокурова, к.и.н. Е.А.Глущенко, к.ф.н. Ю.А.Вознесенскую — первых читателей и одновременно взыскательных критиков рукописи будущей книги.

Указатели имен и географических названий были составлены Н.А.Жерлицыной.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Осоргин М.А. Времена. Автобиографическое повествование. Романы. М., 1989, с. 141.

² См.: Чиняков М.К. Русские войска во Франции и Македонии (Салониках) (1916–1918). М., 1997; Летнев А.Б. Алжирская одиссея (Из исто-

рии Русского экспедиционного корпуса на Западном фронте). — Африка глазами современников и историков. М., 1998, с. 129–185.

³ Давидсон А. Муза странствий Николая Гумилева. М., 1992, с. 302.

⁴ Врангель П.Н. Записки. Часть вторая. (Белое дело. Последний главок.) М., 1995, с. 303.

⁵ Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. М., 1997, с. 234.

⁶ Регулярное авиасообщение между Европой и Африкой, а также внутри Африки в 20–30-е годы лишь начинало налаживаться. Среди пионеров в этой области были и наши соотечественники, такие, как шеф-пилот фирмы «Сикорский Эйркрафт Корпорейшен» Б.В.Сергиевский, Г.В.Сахновский, М.В.Правиков.

⁷ Шаховская З. В поисках Набокова. Отражения. М., 1991, с. 197. Добавим, что над темой «Россияне в Бельгийском Конго» плодотворно работает российский историк В.К.Ронин, живущий в Бельгии. Результаты его исследования были опубликованы в сборнике «Одиссей. Человек в истории». М., 2000, с. 223–256.

⁸ Ильина Н. Дороги и судьбы. М., 1991, с. 210; Берберова Н. Курсив мой. Автобиография. М., 1996, с. 487–488, 498.

⁹ Мстить продолжали и в годы Второй мировой войны. Некоторые русские союзники Франко по гражданской войне в Испании в 1941 г. прибыли на советско-германский фронт в качестве добровольцев испанской «голубой дивизии». Было их немного, некоторые так и сгинули на Волховском и Ленинградском фронтах в 1941–1944 гг., где воевало в составе вермахта испанское соединение. См.: Пожарская С.П. «Голубая дивизия» на советско-германском фронте (1941–1943). — Вопросы истории. М., 1969, № 8, с. 107–126; Ламздорф В. Когда победили белые. — Посев. М., 1997, № 6, с. 39–43; Свириденко Ю.П., Ершов В.Ф. Белый террор? Политический экстремизм российской эмиграции в 1920–45 гг. М., 2000, с. 153–159.

¹⁰ См.: Кириенко Ю.К. Казачество в эмиграции: споры о его судьбах (1921–1945 гг.). — Вопросы истории. М., 1996, № 10, с. 3–18; Худобородов А.А. Российское казачество в эмиграции (1920–1945 гг.): социальные, военно-политические и культурные проблемы. Автореф. дис. д.и.н. М., 1997, с. 24–25, 32.

¹¹ Сорокин П. Долгий путь. Сыктывкар, 1991, с. 164.

¹² Первым среди африканистов обратил внимание на обилие русских фамилий в архивных материалах колониальной администрации Французской Западной Африки, равно как и в колониальной научной периодике, Л.Е.Куббель (1929–1989). Особенно его поразило число россиян, привлеченных на работу медицинской службой и разведкой полезных ископаемых.

¹³ См.: Болдырев К.В. Менгехоф — лагерь для перемещенных лиц (Западная Германия). — Вопросы истории. М., 1998, № 7, с. 136–141.

¹⁴ См. библиографические материалы В.П.Хохловой, завершающие сборник. Один из первоисследователей проблемы, проф. А.Б.Давидсон, писал в 1992 г.: «Сейчас появилось много статей под заголовками: „Русский Париж“, „Русский Берлин“, „Русский Харбин“, „Русская Прага“ — о судьбах российской эмиграции. Но никто еще, кажется, не по-

пытался собрать материал о наших соотечественниках в Африке» (Аполлон Давидсон. Муза странствий Николая Гумилева, с. 302). С удовлетворением можно констатировать, что за восемь лет, которые отделяют нас от этого высказывания, все же наметился некий положительный сдвиг. Отечественные эмигрантоведы стараются ныне включать в сферу исследования все пять континентов.

¹⁵ Alexandre Roubtsoff, peintre tunisien. Tunis, 1995.

Ю.В.Луконин

С «НАНСЕНОВСКИМ ПАСПОРТОМ»
НА БЕРЕГАХ НИЛА

Я узнаю их на спектаклях русских
И у витрин с рядами русских книг —
По строгому, холодному обличью,
По сдержанной печали жутких глаз...
В Америке, в Каире и в Берлине
Они одни и те же: боль и стыд.

Саша Черный

С русской диаспорой в стране пирамид автор столкнулся еще в первой зарубежной командировке, причем довольно своеобразно. В 1961 г., при оформлении документов для стажировки в Каирском университете, не столь уж молодому арабисту, человеку с фронтовым опытом, пришлось выслушать от тогдашних столоначальников длинейшие наставления о том, как гражданину СССР надлежит вести себя за границей. Обращалось, в частности, внимание на контакты с местным населением, особенно с неегиптянами (ассимилированными или не ассимилированными разнородными эмигрантскими общинами).

Современному читателю напомним, что в 60-е годы «холодная война» была в самом разгаре. Строгости в отношении выезжавших за рубеж хотя и казались понятными, но все же порождали сомнения. Инструктивные беседы консульских работников в Каире с вновь прибывшими также не устраняли сомнений. «Новичков» предостерегали против провокаций, которые им угрожали чуть ли не со всех сторон. И назывались источники, откуда и от кого они могли исходить: от местных органов политической полиции (*Игараат аль-амния*), западных спецслужб, русских белоэмигрантских организаций, вообще со стороны всяких «бывших» русских.

В отношении последнего источника невольно возникал вопрос: неужели следовало опасаться всей русской общины, каждого русского, не имевшего советского паспорта? Так ли уж сле-

довало опасаться Русского клуба, все еще существовавшего в 60-е годы в Каире? И чем могла навредить советскому гражданину кинокомедия «Романов и Джульетта» с Питером Устиновым в главной роли, которая в то время как раз шла в каирских кинотеатрах?

В таких условиях трудно, конечно, было думать о знакомстве с кем-либо из представителей русской общины, для которых Египет стал второй родиной. Вспоминаю случайную встречу с египтянином-коптом в вестибюле гостиницы «Эверест», что на площади Александрийского вокзала. Египтянин немного знал русский; он представился мне и моему коллеге как архитектор, предложил свои услуги в качестве гида при экскурсиях по городу, в частности при посещении коптского музея и коптского храма в квартале аль-Кахира аль-Кудма. Очевидно, желая сообщить нам нечто приятное, он упомянул в разговоре о знакомстве с кем-то из русских, живущих в Египте. После этого вопрос об экскурсии отпал сам собой. При этом у нас не возникло и тени сомнения, что мы поступаем правильно, отвергая приглашение нашего добровольного гида. Только сейчас понимаешь, что та встреча была уникальным случаем для знакомства с русскими людьми, которые по разным причинам оказались на чужбине.

Не берусь судить, существовали ли в 60-е годы контакты советских официальных представителей (в том числе корреспондентов ведущих газет) с русской общиной в Египте. Возможно, они и были, но в открытых материалах сведения о них не прослеживались. Если что-нибудь о русских эмигрантах и появлялось в печати, то носило в основном негативный характер. Наши соотечественников, и не только в Египте, и их организации, созданные на чужбине, обычно зачисляли в разряд соучастников «холодной войны», естественно на стороне противника.

Как бы то ни было, к глубокому сожалению автора, ему так и не довелось встретиться в 1961—1962 гг. в Египте ни с одним из русских эмигрантов. Проблему русской диаспоры в стране пришлось основательно изучать по письменным источникам, причем через много лет после пребывания в ней. Но, как известно, лучше поздно, чем никогда.

Несколько слов о степени изученности нашего сюжета. Как и российская диаспора вообще, египетский очаг русского рассеяния в качестве объекта исследования был десятилетиями закрыт для исторической науки. Библиотечные, а тем более архивные фонды для научных работников были малодоступными, а то и вовсе не доступными.

Но и в наши дни, когда многое тайное стало явным, трудности исследования сохраняются, хотя и по другим причинам. Прежде всего из-за недостаточности тех же источников. Неудивительно, что первыми о «русских египтянах» заговорили пуб-

лицисты, а не историки. Лишь много позже стали появляться научные труды. Однако исследователи продолжают испытывать затруднения из-за нехватки добротного материала. Полевых исследований не было, да и не могло быть. Упоминания о русской общине в Египте в работах зарубежных ученых слишком фрагментарны. А между тем сам объект исследования — русская община в Египте — с каждым десятилетием менялся. Численность ее неуклонно сокращалась в силу понятных причин (биологических, экономических, политических и проч.). И без того малочисленные русские колонии, их общественные и другие организации приходили в упадок. Исследователям, получившим в 80—90-е годы возможность изучать историю эмиграции, все труднее находить живых свидетелей и участников некогда совершившегося исхода на берега Нила. Нельзя при этом не сказать о большом вкладе в разработку темы журналиста-международника В.В.Белякова. Итогом его изысканий стала добрая и искренняя книга «По следам „Пересвета“. Россияне в Египте»¹, материалы которой были широко использованы при подготовке данной статьи.

Итак, в начале 20-х годов Египту суждено было стать одной из стран, в которых предстояло жить и работать беглецам и изгнанникам после поражения белого движения в России. Для одних Египет станет временным пристанищем в их долгих скитаниях по свету, для других — постоянным прибежищем.

Напомним, что в 1882 г. Египет стал де-факто колонией Англии, хотя де-юре до 1914 г. считался владением Османской империи. В декабре того же года англичане сделали Египет своим протекторатом. Однако уже в феврале 1923 г. им пришлось принять декларацию об отмене режима протектората и провозгласить независимость страны, ввести в ней конституцию. Главой государства считался король Фуад. Тем не менее господство над страной Лондон сохранил.

Меры 1923 г. были вынужденными. Египет, как и многие колониальные и зависимые страны, не остался в стороне от бурных событий, охвативших мир после войны 1914—1918 гг. и революции 1917 г. в России. Его сотрясали политические, социальные, экономические кризисы. В марте 1919 г. и ноябре—декабре 1921 г. дело доходило до восстаний. Противники господства Англии и существовавших в стране порядков объединялись: в конце 1918 г. возник комитет «Египетская делегация» («Аль-Вафд аль-Мисри»), позже (в 1923 г.) преобразованный в партию «Вафд» («Хизб аль-Вафд»). В 1924 г. по Египту прокатилась волна забастовок. Особенно упорной была борьба в Александрии и Каире. Власти — английские и египетские — ответили репрессиями. Репрессивная политика властей не смогла остановить нарастающую борьбу за подлинную независимость страны. В 1936 г. Анг-

лия была вынуждена подписать с Египтом договор о дружбе и союзе, расширивший права египтян во внутри- и внешнеполитических делах. В следующем году Египет наконец-то пустили в Лигу Наций. Но все это отнюдь не означало освобождения страны от английской зависимости. Договор 1936 г. усилил напряженность внутри египетского общества, обострил борьбу за власть между различными социальными силами и политическими группировками.

В 1940—1942 гг. Египет стал ареной военных действий, на которой английская 8-я армия вела сражения с войсками держав «оси». Каир порвал дипломатические отношения с Гитлером (сентябрь 1939 г.) и Муссолини (июнь 1940 г.), но войну им объявил только в феврале 1945 г. В стране были силы, симпатизировавшие Германии и Италии. В 1942 г. они намеревались совершить государственный переворот, переориентировать страну на Берлин и Рим. Британские власти вовремя раскрыли заговор².

Такова была вкратце внутривнутриполитическая обстановка в стране в межвоенные годы и годы войны. В этот период Англии пришлось решать наряду с прочими и проблему российских иммигрантов. Кстати, она не была новой, ибо подданные России жили в Египте давно. В то же время проблема эта никогда не стояла столь остро, как в 20-е годы XX столетия.

Согласно переписи 1882 г., русских в стране было более 500 человек. В последующие десятилетия число их увеличивалось. Всеобщая перепись 1917 г. установила, что русских в Египте насчитывалось 4225 человек. Кем были эти люди? Говоря о 1882 г., вряд ли можно предполагать существование в Египте более или менее сложившейся русской колонии (общины), имевшей характеристики эмигрантской. Тогда помимо российской дипломатической (консульской) службы в Каире, Александрии и Порт-Саиде действовали также представительства разных коммерческих, торговых и пароходных фирм, религиозных и культурных организаций. Например, в 1902 г. в Александрии была учреждена Русская торговая палата. Для работников всех этих служб, фирм, организаций пребывание в Египте было временным. Они оставались подданными Российской империи и по окончании срока командировки возвращались на родину.

В начале XX в. в Египте появилась новая группа выходцев из России. Это по большей части были левые радикалы, бежавшие из страны по тем или иным политическим мотивам. Незадолго до революции 1905 г. Египет использовался ими как перевалочная база для пересылки в Россию марксистской и другой нелегальной литературы. В Александрии и Порт-Саиде вплоть до 1917 г. действовали революционеры, проводившие работу среди земляков, составлявших экипажи российских судов. Царские дипломаты с помощью английских властей как могли препятст-

вовали активности опасных агитаторов. После поражения революции 1905—1907 гг. из России за границу хлынул поток беглецов, спасавшихся от репрессий царских властей. Какая-то часть их избрала своим убежищем Египет и влилась в местную русскую общину, значительно пополнив ее. Точных данных об этой новой группе россиян исследователям обнаружить не удалось. Однако имеются сведения о том, что часть их включилась в пропагандистскую работу среди русских моряков с судов, заходивших в египетские порты, и среди военных нижних чинов, возвращавшихся через Суэцкий канал с Дальнего Востока после русско-японской войны. Другая часть приобщилась к местному рабочему и общественному движению. Все это немало тревожило английские власти и официальных представителей царской России в Египте³. Ценное исследование на эту тему через много лет опубликовал участник событий М.В.Чураков (Я.И.Прокопец), живший некоторое время в Александрии и Каире⁴. Но большинство из этих выходцев из России тоже считали Египет скорее местом временного пребывания.

К сожалению, мы не располагаем данными о социальном, национальном, конфессиональном составе поселившихся в Египте выходцев из России. Имеются, правда, отрывочные сведения о том, что в Египет, как, впрочем, в Сирию, Ливан, Палестину, бежало много армян, спасавшихся от погромов в 1915 г. в Турции и в занятых турецкими войсками районах Западной Армении.

Основная масса иммигрантов селилась в Александрии, Каире, Порт-Саиде. В последнем какое-то время одна из улиц даже называлась «Русской». А весной 1917 г. россияне, обосновавшиеся в Порт-Саиде, создали комитет «для представительства нужд местной русской колонии». В сентябре 1917 г. русские, жившие в Каире, основали Русский клуб. При нем работала библиотека, насчитывавшая более двух тысяч книг на родном языке. Тогда же в книге актов консульства России был зарегистрирован устав общества «Русский гражданин»⁵. Таким образом, можно считать, что к 1917 г. в Египте уже существовала русская эмигрантская община. И речь шла отнюдь не о беженцах, ибо большая часть общины избрала Египет страной своего постоянного или по крайней мере длительного пребывания.

Русская колония на какое-то время пополнилась за счет офицеров и матросов с затонувшего у побережья Египта (в 10 милях от Порт-Саида) русского крейсера «Пересвет»⁶. Экипаж корабля насчитывал 800 человек. Во время трагедии, произошедшей 4 января 1917 г. в результате то ли диверсии, то ли столкновения с минами, то ли атаки германских подводных лодок, погибло 80 матросов и офицеров. Из 720 спасенных 140 имели раны различной степени тяжести. К середине апреля 1917 г. почти вся

команда крейсера была перевезена в союзную Францию, какая-то часть попала в США и Грецию. В Египте остались лишь 57 человек, в том числе 9 тяжелораненых, которые находились на излечении в госпитале Александрии.

Страна пирамид с ее многогранной древней культурой, один из древнейших очагов мировой цивилизации, давно привлекала к себе внимание россиян, особенно деятелей российской науки и культуры⁷. Повышенный интерес проявлялся также к раннему христианству. В Египте побывал Владимир Соловьев. Известна переписка Л.Н.Толстого с египетским мыслителем и общественным деятелем Мухаммедом Абдо, во многом разделявшим его религиозно-нравственные взгляды. В Египте проводили научные и научно-прикладные исследования астрономы Окулич и Н.Н.Донич, почвоведы Анучин, Мальмберг, Павлов, энтомолог Г.Г.Сумаков, агрономы-хлопководы Бушуев и Баратынов.

До Первой мировой войны Египет посетили И.А.Бунин, Вяч.В.Иванов, Н.С.Гумилев, А.Белый, К.Д.Бальмонт, художники К.С.Петров-Водкин, М.С.Сарьян, К.А.Вещилов, скульптор С.Т.Коненков, академики С.В.Бакалович, Б.А.Тураев. Некоторых из них Египет вдохновил на создание научных трудов, художественных произведений, картин, посвященных этой стране, ее народу — прошлому и настоящему египтян. Среди россиян, «болевших» Египтом, были не только ученые и художники, но и коллекционеры, собиратели египетских древностей. В начале века в московских научных кругах широкую известность приобрел Александр Живаго, врач по профессии, египтолог и коллекционер по призванию, объездивший всю страну. Интерес к Египту не ослабевал, а связи России с этой страной постоянно расширялись.

После революционных событий 1917 г., особенно в результате военного краха белого движения, в Египет стали прибывать российские беженцы, спасавшиеся от власти большевиков. Одни пробирались через Турцию и Балканы. Другие уходили на русских и английских судах из Крыма (Севастополь, Керчь, Феодосия) и с Черноморского побережья (Новороссийск, Одесса) через черноморские проливы прямо в Александрию.

Первые более или менее значительные группы россиян стали прибывать в январе — апреле 1919 г. Это было связано с откатом на юг армии Деникина. Следствием же крымского поражения врангелевских войск в ноябре 1920 г. стало уже массовое бегство противников большевистской власти за границу, в частности в Египет⁸.

В декабре 1919 г. в эвакуации беженцев из Новороссийска большую помощь белым оказали англичане. На корабли в первую очередь сажали раненых и больных, женщин и детей. Например, на борту трех английских пароходов разместили 2404 человека⁹. Корабли пришли в Александрию в начале 1920 г. Какое-

то число раненых и больных в пути умерло. Валентина Чирикова (о ней пойдет речь дальше), прибывшая в Египет позже, в марте 1920 г., писала: «В лагере (речь идет о лагере беженцев в Тель эль-Кебире. — Ю.Л.) мы застали несколько сот человек совершенно нищего и в большинстве случаев нравственно деморализованного русского офицерства. Приблизительно половину составляли раненые и сыпно-тифозные»¹⁰.

Корабль с русским названием «Саратов» имел английскую команду. В Новороссийске на нем разместили 1401 человека вместо допустимых по норме 800. На его борту были, в частности, 300 воспитанников Новочеркасского и, по некоторым сведениям, Владикавказского кадетских корпусов. Трехнедельное плавание на «Саратове» было тяжелым и изнурительным. Английская команда не слишком церемонилась с пассажирами: их заставляли чистить в камбузе котлы, самим готовить пищу, а по прибытии в Александрийский порт разгружать баржи с багажом. Затем их пропустили через баню и карантин, после чего стали распределять по лагерям. Лагеря создавались в 1915 г. для пленных немцев и турок, но, как видим, вполнегодились англичанам для размещения беженцев из бывшей союзной державы. По некоторым данным, в течение 1920 г. в Египет только из Новороссийска и Одессы было вывезено около 6 тыс. человек. Другие оценки выглядят еще более внушительно: в 1919 г. в Александрию англичане привезли 4 тыс. русских; позднее, уже в 1920 г., сюда доставили из Константинополя еще 6 тыс. Прибывших поселили в лагерях, находившихся в Тель эль-Кебире (близ Исмаилии, на западном берегу Суэцкого канала), Сиди-Бишре (к востоку от Александрии), Файиде (к югу от Исмаилии), Аббасии (тогда предместье Каира). Таким образом, если учитывать уже существовавшую в Египте до весны 1917 г. русскую колонию в четыре с лишним тысячи человек и беженцев из России 1919–1920 гг., то ее численность превышала 10, а то и 15 тыс.¹¹. Уточнить эти данные довольно трудно, ибо в официальной британской статистике тех лет иммигранты не выделялись. Тем не менее цифры эти не выглядят преувеличенными.

Судя по воспоминаниям самих беженцев, лагерь представляли собой палаточные городки. Самый большой из них находился в Тель эль-Кебире. Все городки располагались в пустыне или полупустыне, были обнесены двойным забором из колючей проволоки и охранялись солдатами из Индии. Выход за пределы лагеря требовал специального разрешения английского чиновника.

Бытовые условия лагерей писатель-эмигрант С.В.Яблоновский, прошедший Тель эль-Кебир, называл ужасными. Он благодарил англичан за спасение от большевиков, но одновременно критиковал спасителей. Критика была, видимо, обоснованной. Больно били по самолюбию и бытовая неустроенность, и унизи-

тельный статус изгоев. Но не будем забывать и о том, что Англия взяла на себя все (и немалые!) расходы по содержанию вынужденных переселенцев из России.

До июня 1920 г. палаточный городок в Тель эль-Кебуре был основным местом размещения беженцев. Крайне перенаселенный и мало отвечавший элементарным санитарно-гигиеническим нормам, он становился для властей предметом растущих тревог. Им все более докучали жалобы, требования, нараставшее недовольство его жителей. К тому же городок располагался недалеко от Каира, который после войны стал главным очагом антианглийских выступлений. Для англичан волнения египтян были постоянным напоминанием о недавних грозных событиях в России, свидетелями и участниками которых были жители Тель эль-Кебура.

Власти решают разгрузить лагерь и переселить большую часть беженцев в деревянные казармы в местечке Сиди-Бишр, в окрестностях Александрии. Здесь также возник настоящий русский городок, вместивший 4 тыс. человек, в основном бывших военных и членов их семей. Летом того же года из Тель эль-Кебура был выведен и Донской кадетский корпус. Близ Исмании, на берегу озера Тимсах возник лагерь на 150 палаток, в которых размещались спальни, классы, столовая, церковь¹².

Здесь мы подходим к весьма существенному моменту — к тому, что историки эмиграции назовут впоследствии социально-экономической адаптацией эмигрантов. За этим бесстрастным термином стоял очень болезненный для каждого беженца процесс — вращение в новую, совершенно необычную среду, встраивание в новый быт.

Экзотика, навеванная гимназическими учебниками, имена, знакомые по литературной классике, вспоминались все реже. Страна пирамид, фараонов, мамелюков, родина Нефертити, Клеопатры? Все это так. Но для них, людей, чудом вырвавшихся из железных объятий Гражданской войны, познавших ее ужасы и голод, прошедших сыпно-тифозные бараки и снова попавших в бараки, хотя и на другом континенте, очень скоро встал главный вопрос — об элементарном выживании. Пирамиды же, пальмы и прочая книжная романтика самой жизнью отодвигались на второй, если не на третий план.

Понимая, что им придется провести в лагерях не один день, беглецы стали, что называется, обустраиваться на египетской земле. Обращения их руководителей к английским властям с просьбами о поддержке тех или иных начинаний чаще всего оставались без ответа. Приходилось полагаться на собственные силы, а также на помощь местных благотворительных организаций (например, Комитета помощи беженцам)¹³. Прежде всего подумали о создании школ, духовных учреждений, налаживании

медицинского обслуживания. Школьным образованием руководили педагогические советы: в Тель эль-Кебире совет возглавлял С.В.Яблоновский, в Сиди-Бишре — бывший профессор Харьковского университета А.Н.Фатеев; педагоги работали безвозмездно. Американское общество молодых христиан прислало в Тель эль-Кебир школьные принадлежности (тетради, грифельные доски и т.д.). Одна школа в Тель эль-Кебире и другая — в Сиди-Бишре получили статус гимназий. Учебным заведениям в Сиди-Бишре много помогал российский консул в Александрии А.М.Петров. В Каире тоже продолжало действовать российское консульство. Но оно не оказывало помощи школам в Тель эль-Кебире и Аббасии, ссылаясь на финансовые трудности.

Донской кадетский корпус функционировал по собственным учебным программам, имел своих педагогов. На учебу в Египте воспитанников корпуса благословил патриарх Александрийский Фотий, специально приехавший в лагерь. В корпусе выросли два будущих поэта (оба выходцы из донских казаков), которыми гордилась казачья эмиграция (Ю.Ф.Гончаров и Н.Н.Воробьев).

В основном на собственные силы и энтузиазм опирались и при организации медицинского обслуживания изгнанников. Группа медиков по инициативе и под руководством знаменитого врача В.Э.Беллина проделала большую работу. Она ставила на ноги раненых и больных, не допускала распространения, в условиях вынужденной скученности, инфекционных заболеваний. В последнем случае медики получали материальную поддержку со стороны английских и египетских властей.

Пациенты и люди, близко знакомые с работой врачей, особо отмечали труд хирургов. Они пользовались в лагерях заслуженным уважением. В походных палатках или примитивных бараках они, к удивлению британских коллег, делали сложные операции. Выделяли среди хирургов Н.А.Добровольскую-Завадскую. В России она работала в Воронеже, возглавляя кафедру хирургической патологии в эвакуированном туда в годы Первой мировой войны Юрьевском (Тартуском) университете. В 1921 г. переехала из Египта в Париж, где успешно работала в Пастеровском институте¹⁴.

Заботились в лагерях и о душах беженцев. Культовые сооружения размещались в тех же палатках. В Сиди-Бишре походная церковь заняла две палатки, соединенные в одну большую. Церковную утварь изготовляли сами, кустарным способом из подручных материалов, вплоть до пустых консервных банок. В 20—40-е годы в стране действовали и настоящие православные храмы, такие, как храм Александра Невского в Александрии¹⁵.

Постепенно налаживалась культурная жизнь. В Сиди-Бишре работали театр, ставивший спектакли для взрослых и детей, духовой и балалаечный оркестры, хор. Все эти коллективы вызывали интерес и признание у местной публики. Артисты стали

получать приглашения на выступления в Александрии. В этом городе не были редкостью русские концерты при участии известных еще в России певцов, музыкантов, артистов балета.

Пришлось подумать и об организации физкультурно-спортивной работы — ведь в беженских лагерях было немало молодежи. В Сиди-Бишре была сооружена спортивная площадка, на которой проводились соревнования. Формировались команды для встреч с местными игроками. Соперниками чаще всего выступали английские и индийские армейские спортсмены.

Требовала естественного выхода не только физическая энергия. Людям хотелось поведать о пережитом за годы скитаний. В палаточных городках появились первые в Египте беженские периодические издания. Уже в 1920 г. в Тель эль-Кебире начал издаваться журнал Донского кадетского корпуса «Донец на чужбине». За 1920—1921 гг. вышло 19 номеров. В 1921 г. в Сиди-Бишре был основан журнал Русского культурно-просветительного общества «На чужбине». В этом и следующем году вышло пять или шесть номеров. Там же в 1922 г. выходило издание Союза русских студентов — журнал «Орион». Союз объединял около 300 студентов, а его представительства в 1922 г. имелись в Каире и Тель эль-Кебире.

Журналы создавались в труднейших условиях. Издатели были ограничены во всем — в денежных средствах, материалах, производственных возможностях. Бумага и краски стоили очень дорого. Основой множительной техники служили гектограф и простая пишущая машинка. Печатать журналы в типографиях было невозможно из-за отсутствия русских шрифтов. Тиражи были небольшими: так, наиболее объемный журнал «На чужбине» отпечатал за два года в общей сложности всего 718 экземпляров.

Зато издания не испытывали недостатка в авторах. Среди беженцев были писатели, поэты, журналисты, ученые и просто образованные люди. У многих из них возникало желание поделиться мыслями, излить душу¹⁶.

Заглянем наугад в некоторые номера хотя бы одного из журналов. Перед нами «На чужбине», номер четвертый за 1921 г. В нем были опубликованы стихи И.Умова (бывшего вице-консула в Александрии), Ф.Щербинина, Д.Верного, а также стихи, подписанные инициалами «Г.Д.» и «Н.З.». С ними соседствуют статьи В.Кушталова «Новейшие течения в науке права», доктора Н.Мокина «Задачи социальной гигиены» и «Почему так кровава русская революция», Н.Валерина «Проблемы общества наций» (речь шла о Лиге Наций. — Ю.Л.), «Постановка школьного дела в Египте», хроника лагерной жизни (общественной, театральной, спортивной и т.п.), карикатуры П.Я.Добрыни-Конюхова (директора школы в Сиди-Бишре) с русским и английским текстом. В журнале было помещено обращение митрополита

Анастасия к египетскому обществу с просьбой помочь русскому народу, России.

Еще один номер того же журнала, январский за 1922 г. И соответственно еще один сугубо достоверный «моментальный снимок» умонастроений, чаяний, разочарований в эмигрантской среде. В статье «Александрийские сигаретчики», в частности, говорилось: «Русские работники в г. Александрии разделяются на несколько категорий по роду своего труда. Это — сигаретчики, шоферы и механики, трамвайные служащие (кондуктора, контролеры и вагоновожатые), рабочие на разных фабриках, квалифицированные мастера на различных предприятиях и небольшое число служащих в конторах, разных бюро, мастерских и т.п. В общем, как правило, надо считать, что все эти занятия низкого порядка, и редко кто получает лучше оплачиваемые и более почетные должности, как то: преподаватели или просто надзиратели в лицеях, техники, инженеры, чиновники какого-либо учреждения, банка и т.п.». Далее автор подробно рассказывал о тяжком, во многом унижительном и неблагодарном труде сигаретчиков — уличных торговцев табачными изделиями.

В письме русской женщины из Каира рассказывалось о трудностях, с которыми сталкивались эмигрантки, отважившиеся или вынужденные в силу обстоятельств покидать лагерь в поисках работы по найму. Как правило, они служили горничными в европейских семьях. Автора письма возмущало отношение многих глав семейств — как египетских, так и европейских, — которые почему-то были уверены в легкой доступности прислуги из числа русских женщин. Столь беспардонное отношение к себе россиянки нередко испытывали и на другой работе — в правительственных учреждениях, в магазинах и иных местах (так было, кстати, не только в Египте). Отправительница письма в редакцию решительно отметала такое отношение как оскорбительное и несправедливое: «Поведение русской женщины в Египте может заслужить лишь одобрение. Загляните, как работают наши русские женщины в Каире. Не привыкшие к тяжелому труду, девушки в мастерской модных нарядов сидят целыми днями, согнувшись над иглой. Дело растет и ширится. Учительницы музыки, танцев, иностранных языков целые дни бегают из одного конца Каира в другой. Сестры милосердия работают целыми днями. Как ни тяжело русским женщинам, решившимся на самостоятельный заработок, все же они с достоинством несут свое знамя русских интеллигентных женщин...». И этим они заставили европейцев изменить свой взгляд: в их отношении уже проглядывало уважение. Заканчивала автор письма словами: «Много сил дает сознание, что в случае неудачи есть угол, куда можно приехать, временно передохнуть, чтобы снова вступить в борьбу за существование. Тяжело может отразиться в случае, если кам-

пы (лагеря. — Ю.А.) закроют и мы очутимся тогда без угла и приюта».

В хронике культурной жизни лагеря Сиди-Бишр (была в журнале и такая рубрика) обращают на себя внимание литературные вечера. Их устраивал Союз русских студентов; на них обсуждалось творчество А.Белого, зачитывались отрывки из только что вышедшего романа А.Н.Толстого «Хождение по мукам». Специальный вечер был посвящен Ф.М.Достоевскому. Свои произведения читали и местные русские авторы. Отмечалась годовщина перебравшегося из Тель эль-Кебира в Сиди-Бишр самодеятельного театрального коллектива (одним из его спектаклей была комедия Г.Ф.Квитки-Основьяненко «Шельменко-денщик»). В благотворительном вечере, сбор от которого передавался Обществу русских инвалидов и увечных в Египте, участвовало до 120 артистов, включая симфонический, духовой, балалаечный оркестры, смешанный хор. Присутствовали и благотворители из числа местных европейцев, а также египтяне. Напечатанные в номере стихотворения Г.З.Денисова, Ф.Щербинина и одного анонимного автора были пронизаны печалью и тоской по родине¹⁷.

Пробовали беженцы свои силы и в предпринимательской деятельности; власти этому не препятствовали. Но такие попытки чаще всего оканчивались неудачей, что, в общем, объяснимо. Большинство беженцев составляли бывшие военные, которые имели весьма относительное представление о мире бизнеса. Мало кто из них владел сколько-нибудь достаточными денежными средствами и опытом, столь необходимым в условиях рынка. Рассчитывать на чью-либо финансовую поддержку им было опять-таки трудно, ибо они не могли предъявить надежных гарантий погашения ссуды. Разорявшиеся дельцы становились полицейскими, клерками, уличными торговцами или перебивались случайными заработками.

Беженцы с высшим образованием и опытом работы, получившие признание еще в России, все же могли рассчитывать, что их знания и способности будут востребованы и в Африке. На это уповала и часть офицеров. Работодателями чаще всего были европейцы.

Покидать беженские лагеря изгнанники начали уже в 1920 г. И конечно, направление новой миграции не всегда было в сторону египетских городов. Многие стремились выехать в Европу, Америку, Австралию, на Дальний Восток — все зависело от добытой визы. В начале 20-х годов Египет стал своеобразным перекрестком, через который шел поток русских беженцев как с Востока, так и Запада. Он захватывал и неудержимо влек далее людей, оказавшихся на берегах Нила. Вот что писал по этому поводу А.А.Марков (литературный псевдоним Шарки): «В два-

дцатых годах мне, одному из первых русских в Александрии, удалось устроиться, поступив на службу в полицию порта, что было соединено с постоянным заработком и некоторыми возможностями содействовать землякам. По этому случаю наш дом вскоре превратился в караван-сарай для проезжавших через Египет русских...». И далее: «Были здесь стремившиеся в иностранные легионы и из этих легионов бежавшие: глоб-троттеры, пешком и на велосипедах, служившие в китайском флоте и парагвайской кавалерии, бежавшие из войск Кемалья и Красной армии, просто едущие в Южную Африку, Америку и Австралию, искавшие труда люди и от труда бегущие...»¹⁸.

Среди покинувших Египет уже в 1920 г. был писатель-натуралист Н.А.Байков, живший с марта этого года сначала в Тель эль-Кебуре, а затем в Сиди-Бишре. Вот что он писал о своем отъезде: «Когда на Дальнем Востоке образовалось белое Меркуловское правительство¹⁹ и большевики должны были очистить Приморье, англичане предложили русским эмигрантам, находившимся в Египте, выехать во Владивосток. Из трех тысяч беженцев выразили желание ехать только 75 человек, причем половина состояла из женщин и детей разного возраста»²⁰.

Другая часть бывших обитателей беженских лагерей селилась в крупных египетских городах. Каждый старался жить, примеряясь к обстановке. Многие, если не все, зависело от возможностей получить работу. Вот что, например, запомнила из рассказов старших членов семьи Татьяна Монти (в девичестве Серикова). Ее дедушка и бабушка в 1920 г. попали в лагерь в Тель эль-Кебуре. Там их дочь познакомилась с молодым офицером. Они поженились, родилась Татьяна. Когда вся семья выбралась из лагеря, дедушка и бабушка уехали во Францию, а отец и мать рассказчицы остались в Египте. Отец, в прошлом военный летчик, вынужден был работать шофером у какого-то вельможи, мать — гувернанткой в арабской семье. Вместе с другими русскими они арендовали в Александрии дом с большим садом. Из России в Египет, продолжала Татьяна Серикова-Монти, выехали в основном офицеры и помещики. Они не были знакомы с физическим трудом. Вот и решили друзья ее родителей жить одним домом: так было легче²¹.

Промытарившись в том же Тель эль-Кебуре, в Каир переехал в 1920 г. художник И.Я.Билибин. Как живописец, иконописец, сценограф, педагог и особенно иллюстратор книг для детей он получил известность еще в дореволюционной России. Вскоре он вызволил из лагеря дочерей писателя-демократа Е.Н.Чирикова — старшую Людмилу (художника-графика, его ученицу в России) и младшую, уже знакомую читателю Валентину. В Каире Билибин и его ученица рассчитывали работать по специальности. Но с заказами поначалу было плохо. Людмиле

Чириковой приходилось зарабатывать на жизнь исполнением танцев в русской концертной труппе и уроками рисования; Валентина устроилась в госпиталь сестрой милосердия.

Когда у Билибина благодаря хлопотам бывшего русского консула в Египте появились заказы, он оборудовал в центре Каира собственную студию. Помогали ему сестры Чириковы и давняя его ученица Ольга Сандер (урожденная Белобородова).

Позже вместе с Билибиным работал А.С.Бибиков (по прозвищу «Есаул»). Старшая Чирикова помимо студии Билибина иногда трудилась в Арабском музее, делая по заданию его директора зарисовки старинной керамики. В 1922 г. сестры уехали в Чехословакию, чтобы поддержать там престарелого отца, тоже эмигранта. Билибин же женился в 1923 г. на художнице А.В.Щекатихиной-Потоцкой, ученице Н.К.Рериха. Выехав из Петрограда в Германию в командировку для ознакомления с Берлинской фарфоровой мануфактурой, художница в советскую Россию не вернулась, а отправилась вместе с сыном в Каир, куда звал ее будущий муж.

Среди работ, которые Билибин выполнил по заказам местных меценатов — греков Бенаки и Костагли, выделяются декоративные панно «Борис и Глеб на корабле», «Плач Ярославны», эскизы иконостасов и фресок для греческой госпитальной церкви (в Каире), Сирийского православного храма (в Александрии). В 1922 г. он оформлял балеты композитора Н.Н.Черепнина «Русские сказки» и «Роман мумии» для египетского турне великой Анны Павловой. Через два года произведения художника экспонировались на персональной выставке.

Как считает В.В.Беляков, подробно проследивший пятилетний египетский отрезок творчества художника, Билибин помимо названных выше работ создал множество других. Но они разошлись по всему миру или все еще хранятся в самом Египте в частных коллекциях, оставаясь недоступными исследователям. Египетскими мотивами отмечено и творчество А.В.Щекатихиной-Потоцкой (масло, графика, росписи по фарфору).

В 1925 г. Билибин перебрался из Египта во Францию. Но тоска по родине, желание служить своему народу взяли верх. В 1936 г. он выехал в Советский Союз, жил и работал в Ленинграде, где умер в страшные блокадные месяцы 1942 г. Пишущий эти строки, служивший тогда в армии в блокадном Ленинграде, видел (и в какой-то мере сам пережил) страдания мирных жителей города. Зимой 1941—1942 гг. было трудно, почти невозможно спасти от голода даже выдающихся представителей творческой интеллигенции. Многие из них и не желали, чтобы их как-то выделяли и спасали. Видимо, таким был и Иван Яковлевич Билибин. А.В.Щекатихиной-Потоцкой удалось пережить блокаду (женщины легче переносили голод). Она дожила до 1967 г. До

конца своих дней она оставалась одним из ведущих советских мастеров росписи по фарфору²².

Возвращаясь к беженским лагерям на египетской земле, существовавшим в 1920—1921 гг., попробуем разобраться в формально-юридических последствиях их расформирования. Масса обитателей покидала палаточные городки, расселяясь в городах дельты Нила. Это неизбежно влекло за собой изменение их правового статуса.

В 20-е и даже 30-е годы в международном праве не было четкого и ясного различия между статусом беженца и эмигранта. Между тем положение беженца значительно отличалось от положения эмигранта. И это несмотря на то, что тогда еще не были разработаны национальные законодательные акты и международные правовые нормы, в которых определенно фиксировались бы статус и права тех и других.

В структуре Лиги Наций, основанной в 1919 г., на первых порах начало действовать управление по делам беженцев во главе с верховным комиссаром. Им был назначен знаменитый полярный исследователь Фритьоф Нансен. В 1924 г. в Женеве был создан так называемый Нансеновский комитет (документы, которые он выдавал беженцам, назывались тогда «нансеновскими паспортами», а самих обладателей паспортов именовали «нансенистами»). Первая международная конвенция по беженцам была подписана в 1926 г., но только к середине 1928 г. были учреждены представительства Нансеновского комитета в центрах русского рассеяния. К тому же конвенция не носила обязательного характера. Лишь в 1933 г. была принята новая Женевская конвенция, которая имела уже обязательный характер для подписавших ее государств. Но потребовалось еще время, чтобы эти государства ратифицировали конвенцию. Франция, например, сделала это только в конце 1936 г., когда у власти было левое правительство Леона Блюма²³.

На практике статус и права беженца и эмигранта сильно отличались. Если быть точным, беженец не имел ни статуса, ни прав, эмигрант же приобретал и то и другое. Натурализовавшись, он становился подданным, в данном случае Египта. Но, становясь им, он терял российское гражданство (подданство). Далеко не всех это устраивало. Трудно было выходцам из великой страны смириться с положением людей второго сорта — и где? В сущности, в одной из колоний! Далее, отказ от российского гражданства сильно осложнял будущее возвращение на родину. А о нем мечтали многие. В принципе, можно было выехать и в США, или перебраться в славянские страны Европы, или во Францию, Германию, Прибалтику, наконец, в Маньчжурию, где еще в начале XX в. сформировалась крупная русская община. Но не с египетским же паспортом пускаться в такие

вояжи! Вот почему многие беженцы, выбравшись из лагерей, не спешили принимать египетское гражданство (подданство), хотя особых препятствий для этого, равно как и для выезда из Египта, не было.

В 1922 г. английские власти в Египте, исходя из политических и экономических соображений, решили, что местным русским будет лучше в Европе, прежде всего в государствах со славянским населением. Они пошли на ликвидацию лагерей и перевод их обитателей в Югославию, Болгарию, Чехословакию и другие страны. Число оставшихся россиян оценивалось в 1,5 тыс. человек²⁴. Из них 900 жили в Каире, 650 — в Александрии, 30 — в городах зоны Суэцкого канала. Неизвестно, учитывалась ли при этом русская община, существовавшая в Египте к 1917 г. В египетской статистике последующих десятилетий, начиная с материалов переписи 1926 г., дореволюционная эмиграция не выделяется. Как бы то ни было, численность русской колонии в Египте, если верить различным сведениям, быстро сокращалась. Если в оценках на 1 января 1922 г. в стране было 1000—1500 россиян, то, согласно утверждениям подкомитета частных организаций по делам беженцев от 1 января 1930 г., их было 500, а по данным Нансеновского комитета, относящимся к 1936—1937 гг., — только 350²⁵.

Все эти данные требуют, конечно, критического подхода. Вернемся хотя бы к оценке на 1 января 1922 г. Ведь беженские лагеря (а в них находилось не менее 4 тыс. человек) были закрыты не 1 января 1922 г., а, видимо, намного позже. К тому же сам процесс закрытия не мог занимать всего несколько дней или недель. Если, далее, численность русских сокращалась столь быстрыми темпами, то не совсем понятно, зачем понадобилось англичанам создавать в 1926 г. при египетском МВД специальное подразделение (Русское бюро), которое занималось беженцами. И наконец, не будем забывать, что статистика не могла учесть всего. Ведь русские не только уезжали из страны. Некоторые эмигранты, помыкавшие по белу свету, приезжали в Египет (и оседали в нем), приезжали отовсюду — из Европы, Америки, Австралии.

Как и беженцы, эмигранты испытывали потребность в сплочении, объединении, организации, чтобы противостоять нелегким испытаниям, отстаивать свои права, интересы, сохранять культурные и другие традиции.

Еще в 1920 г. в Каире была основана поликлиника со штатом русских врачей-специалистов. Ее директором был профессор Московского университета К.Э.Вагнер. Тем самым врачам обеспечивалась стабильная работа, а беженцам и местному населению — бесплатная или за символическую плату квалифицированная врачебная помощь.оборотным капиталом стали 300 фун-

тов стерлингов, данные займы бывшим генеральным консулом России в Каире А.А.Смирновым из средств генерального консульства.

На основе поликлиники, а затем и небольшого стационара при ней было создано Русское медицинское общество, объединявшее врачей и фармацевтов. Его возглавлял В.Э.Беллин. Общество периодически (два раза в год) публиковало бюллетень русской поликлиники. Публичные лекции по медицине читали квалифицированные специалисты (в частности, профессор В.М.Платонов). В работе общества участвовал А.Я.Поппен, в прошлом профессор Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге.

Русская поликлиника стала одним из важных центров общения и сплочения «русских египтян». При ней была открыта православная часовня, в которой проводились воскресные богослужения, ритуальные службы. По эскизам Билибина был сооружен иконостас. Художниками Н.В.Савиным, В.Н.Стрекаловским, С.В.Дивовым, В.Р.Рутковским, Платоновой были написаны иконы. Церковным хором руководили регенты Глаголев, Савин, Балаба, Венедиктов, Кобелянский. Протоиерей Симеон Неделько вел пастырскую работу²⁶.

В Каире действовал и Русский клуб (известен и как Русское объединение). В нем работали бесплатные читальня и библиотека с фондом в 3 тыс. русских книг. Читателей обслуживали библиотекари А.В.Савин, И.А.Цуриков. При клубе действовали шахматный кружок (руководитель — С.П.Юрицын), дешевая столовая (заведующий — П.Н.Рантюк). В зале клуба читались лекции, давались концерты, ставились драматические и музыкальные спектакли, проводились Дни русской культуры. Концерты и спектакли устраивались Русским артистическим обществом, которым руководил В.Н.Стрекаловский. Русская библиотека была и в Александрии (заведующий — П.Я.Добрыня-Конюхов). Г.С.Литвиненко держал в Каире магазин русской книги.

Связь русской общины с египетскими властями осуществлялась через российского консула в Каире Н.И.Виноградова. Правда, в 1923 г. египетское правительство прекратило официальные отношения с дипломатическими представителями дореволюционной России и назначенцами Временного правительства. Но не устанавливало оно их и с Москвой. Российские консульства были закрыты. Взамен их, как уже говорилось, было учреждено Русское бюро, которое и представляло российских эмигрантов. Его возглавил А.А.Смирнов. Вскоре он умер и его место занял полковник Скорятин. Отделения бюро действовали в Каире (директор — Н.И.Виноградов), Александрии (директор — А.М.Петров), Порт-Саиде (директор — Скабриевский). Они были открыты по инициативе египетских властей и занимались выдачей

различных документов (вид на жительство, справки, в том числе из бывших консульских архивов, и т.п.). Напомним еще раз: утратившие российское гражданство (подданство) получали взамен «карточки беженцев» («нансеновские паспорта»).

Материальную поддержку нуждавшимся оказывало Русское благотворительное общество, в руководство которого вошли В.Э.Беллин, В.Казаков, И.П.Венедиктов, г-жа Рапп, В.Н.Евфанов. Его отделения действовали в Каире (председатель — доктор Б.В.Булгаков), Александрии (председатель — г-жа Бретцель), Порт-Саиде (председатель — А.К.Старицкий). Финансы общества пополнялись за счет пожертвований состоятельных египтян и местных европейцев. Другим источником была организация праздничных лотерей, русских вечеров и даже платных балов для иностранцев. Нетрудоспособных ветеранов войны опекало каирское отделение Союза военных инвалидов, центр которого находился в Париже. В Египте было открыто в общей сложности девять русских инвалидных домов и мастерских — сапожных, переплетных и других (данные на март 1938 г.).

В структуру российских организаций, действовавших на берегах Нила, входили также местное отделение Земгора (Александрия, уполномоченный — С.Н.Маслов) и местный отдел РОВСа (председатель — генерал-лейтенант Гельмгольц).

Особняком стояли российские масоны в Египте, создававшие свои ложи. Известно, например, об организации в 1927 г. в Александрии особой русской ложи «Астрея».

Какая-то часть «русских египтян» восприняла, по разным причинам, идеи фашизма. Имеющиеся на этот счет факты, к сожалению, фрагментарны. Так, по некоторым сведениям, ближневосточная штаб-квартира русских фашистов находилась в Каире. Руководили ею некий Столбецов, затем Георгий Таубе. Из других источников вырисовываются связи египетского филиала российского фашистского движения с его главным очагом — маньчжурским. Еще в 1935 г. некий Тедли, обосновавшийся в Берне, объявил себя полномочным представителем российского фашистского союза в Европе и Африке. Союз этот действовал в 30-е годы в Харбине под весьма сочувственным присмотром японских оккупационных властей. Возглавлял его К.В.Родзаевский. По всей видимости, руководители египетского «очага» союза Данкер и Марков (служащий британской полиции) были действительно связаны с харбинским руководством. Оба распространяли фашистскую литературу, причем даже среди экипажей советских судов, заходивших в Александрию. Направляли они и корреспонденции в газету «Наш путь», которая издавалась российскими фашистами в Харбине. Данкер и Марков (не исключено, тот самый хозяин транзитного «каравансарая» в Александрии, о котором говорилось выше) должны

были соперничать с параллельной фашистской организацией, действовавшей в Египте. Она ориентировалась не на «харбинского фюрера», а на собственного, коим был А.А.Вонсяцкий. Живя в США, он вел свою игру, провозгласив создание еще одного формирования — так называемой Всероссийской национально-революционной партии фашистов. О численности и проявлениях активности сторонников Вонсяцкого в Египте ничего не известно²⁷.

Среди россиян, долго живших в описываемое время в Египте, было немало именитых деятелей культуры. Уже упоминались И.Я.Билибин, А.В.Щекатихина-Потоцкая, Л.Е.Чирикова, А.С.Бибиков. В Египте жили и работали другие художники — В.Н.Стрекаловский с сыновьями Всеволодом, Николаем, Романом, Е.Кассеситов, А.В.Дивов и С.В.Дивов, Мак (псевдоним П.П.Иванова), В.Я.Рутковский, Н.В.Савин, Н.Н.Богаевский (был также поэтом, печатался под псевдонимом Николай Воробьев). Скульптор Б.О.Фрейдман-Клюзель был первым директором Центра современных изящных искусств на Замалеке (Каир). Произведения русских мастеров живописи украшали некоторые каирские музеи — военный, исторический, сельскохозяйственный.

Определенный след в культурной жизни Египта оставили известные деятели искусства, приезжавшие туда на гастроли из Европы и Америки²⁸. Дважды (в 1923 и 1928 гг.) на египетской сцене выступала Анна Павлова. В 1933 г. во второй раз (первый — тридцатью годами ранее) приезжал Ф.И.Шаляпин. В начале 30-х годов в Александрии гастролитовал А.Н.Вертинский, оставивший описание города, его музеев. В Египте давали концерты скрипач Я.Хейфец (1926 г.), знаменитый казачий хор имени атамана Платова. Н.А.Поль, победительница в 1932 г. конкурса красоты «Мисс Россия» (ежегодно устраивался в Париже редакцией «Иллюстрированной России»), после успешного турне получила ангажемент в Каирскую королевскую оперу в качестве примабалерины. Жила в Каире и победительница того же конкурса 1936 г. А.А.Гедеонова, правнучка директора Российских императорских театров, внучка директора Эрмитажа.

В Каире устраивались выставки русского изобразительного искусства. Так, в 1930-е годы выставлялись произведения скульптора Паоло (Павла Петровича) Трубецкого. Сам он, живя постоянно во Франции или Италии, выезжал в связи с организацией своих выставок во многие места, в том числе в Каир и Александрию.

Крупный вклад в культурную жизнь Египта и России, мировой культуры внес востоковед В.С.Голенищев²⁹. Его научные открытия, связанные с историей Древнего Египта, собранная им и переданная в дар Музею изящных искусств в Москве уникальная коллекция египетских и переднеазиатских древностей (свы-

ше 6 тыс. предметов) обеспечили ему одно из первых мест в списке выдающихся египтологов всех времен. Достаточно назвать впервые переведенные, прокомментированные и опубликованные папирусы из коллекции Эрмитажа в Санкт-Петербурге, Московский (назван по месту хранения) математический папирус, описание путешествия Униамона в Финикию, найденные и описанные произведения искусства, в том числе знаменитые Файюмские портреты. Голенищев был крупным исследователем и автором трудов по древнеегипетскому языку, литературе, искусству.

Еще в 1915 г. Голенищев выехал из России во Францию на родину жены. После 1917 г. оказался на положении эмигранта. С 1921 г. благодаря хлопотам коллег, видных западных ученых, продолжил работу в Египте. По несколько месяцев в году проводил в Каире. В этом городе он преподавал в университете, создал при нем первую кафедру египтологии. В том же Каире он занимал должность профессора во Французском институте восточной археологии, участвовал в составлении каталога древних папирусов Египетского музея. В.С.Голенищев был учителем и наставником многих известных египетских ученых.

В подготовке национальных кадров участвовали также профессор В.М.Викентьев (преподавал в Каирском университете древнеегипетский язык), историки супруги Г.И. и Е.С.Лукьяновы, доктор медицины Г.В.Анреп, ученик академика И.П.Павлова. Он долгие годы руководил на медицинском факультете Каирского университета кафедрой физиологии³⁰.

Значителен вклад в изучение истории Египта, особенно эллинистической эпохи, историка античности и археолога академика Российской Академии наук с 1917 г. М.И.Ростовцева. Впервые он посетил страну в 1907 г., а в следующем опубликовал в столичном журнале «Гермес» путевой очерк «Александрия». Вообще же до революции он напечатал более десятка статей и рецензий по истории эллинистического Египта. Именно он вместе с Б.А.Тураевым, Я.И.Смирновым и другими коллегами настоял на приобретении в пользу музея имени императора Александра III коллекции египетских древностей, собранных В.С.Голенищевым. Приезжал М.И.Ростовцев в Египет и после революции, уже будучи эмигрантом. Особенно плодотворной оказалась поездка 1931 г., в частности в Луксор, с целью закупки древних папирусов для Йельского университета, где он тогда работал. Здесь уместно напомнить, что семнадцатью годами раньше именно Ростовцев предлагал закупить папирусы для нужд Российской Академии наук, но этому помешала начавшаяся война.

О том, что любого иностранца, в том числе россиянина, желающего преподавать в Каирском университете, ожидают не только научные лавры, но и тернии, Ростовцев знал достаточно

хорошо. Об этом свидетельствует его переписка с коллегами-эмигрантами. Так, в апреле 1926 г. он дружески предостерегал от безбрежного оптимизма историка-византиста А.А.Васильева, работавшего в одном из американских университетов и подумывавшего о нескольких учебных семестрах в Каире: «Конечно, Америка не фунт изюма, но и Каир-то ведь осиное гнездо. Иностранцев там терпят, не более. При первой возможности выставят под предлогом, что не можешь читать по-арабски»³¹.

И все же нельзя не признать, что британские власти и европейские предприниматели старались использовать интеллектуальный потенциал эмигрантов, особенно технических специалистов и медиков³². Достаточно вспомнить об инженерах — Лелявском, одном из руководителей строительства плотины в дельте Нила, Калашникове, усовершенствовавшем в стране мукомольное дело, А.К.Старицком, главном механике Управления по эксплуатации Суэцкого канала (на канале трудилась, кстати, большая группа русских специалистов). Профессора А.В. и Б.В.Булгаковы оставили ценные труды по тропической медицине. Исследования в Египте, а также Судане проводил зоолог К.Н.Давыдов. Здесь названы имена только тех, которые были на виду. А сколько было иных — этих эл-москофи, как звали их в арабском просторечии!

Шло время, численность русской колонии неуклонно сокращалась. Естественное старение, тяжелый климат, неустойчивое материальное положение, неблагоприятные психологические факторы — языковой барьер, конфессиональные различия, а в итоге отчуждение от основной арабской массы населения — делали свое дело. Многие эмигранты так и не адаптировались к жизни в Египте. Одни не смогли, другие не захотели, все еще считая эту страну лишь временным пристанищем. Тревожила россиян и нараставшая в межвоенные годы политическая нестабильность. Вполне реально вырисовывалась перспектива ухода англичан из Египта. Это порождало новую неуверенность, стремление избежать худшего. И когда появлялась возможность уехать в Европу, Америку, Австралию, эмигранты делали это без долгих колебаний.

Достоверные материалы о позиции оставшихся в стране русских по отношению к союзникам по антигитлеровской коалиции, с одной стороны, и державам «оси» — с другой, отсутствуют. Известно, однако, что в «группе Попского» (псевдоним Владимира Пенякова — русского, родившегося и выросшего в Бельгии) «русских египтян» не было. Эта диверсионно-разведывательная группа успешно действовала в начале войны в составе английской 8-й армии.

Доподлинно известно и другое. В Египте, как и в других странах Северной Африки, оказались другие русские — совет-

ские военнопленные, которые волей судеб находились по обе стороны фронта. Одни, вырвавшись из плена, сражались в рядах союзных армий, другие были привезены нацистским командованием в качестве вспомогательной рабочей силы и пополнили так называемые трудовые батальоны. Об этом можно судить по свидетельствам различных авторов. Например, П.А.Демченко (будущий журналист-международник, служивший в 1943 г. в советских войсках в Иране) после войны вспоминал, что видел английский воинский эшелон, в котором несколько вагонов занимал батальон, сформированный из бывших советских военнопленных. Батальон следовал из Северной Африки в Советский Союз. Видимо, какая-то его часть состояла из россиян, захваченных союзниками после их высадки в Северной Африке в ноябре 1942 г.³³ Воспоминания Демченко в известной степени подтверждаются современным английским исследователем, опирающимся на рассекреченные архивы Форин оффиса и военного министерства Великобритании. Он полагает, что некое число бывших советских военнопленных было захвачено вместе с немецкими войсками в Северной Африке в 1943 г. Их сосредоточили в Египте, а затем английское командование переправило их через Багдад и Тегеран в СССР. Кроме этого, летом 1944 г. при освобождении Южной Франции войсками союзников было взято в плен несколько тысяч бывших советских граждан, находившихся в частях вермахта. В большинстве своем это были люди из нестроевых команд. Американцы передали пленных англичанам, а те переправили их подальше от зоны боевых действий — в Египет, а затем и в Советский Союз. Судьба их известна: многие после так называемой фильтрации попали в сибирские лагеря³⁴.

Точных данных о численности «старой эмиграции» в послевоенные годы нет. Некоторые эмигранты выехали из Египта в Швейцарию, Францию, США. И все же в стране сохранились эмигрантские организации и учреждения межвоенных лет. Речь идет о землячестве (последним его руководителем был О.В.Волков, автор четырех книг о Египте), Русском клубе (Каир, улица Имад ад-Дин), русской богадельне в каирском квартале Гелиополис и некоторых благотворительных фондах. В Каире и Александрии по-прежнему действовали православные храмы. Но общественная активность соотечественников постепенно угасала. Июльская революция 1952 г., свергнувшая монархию и приведшая к власти военных во главе с Г.А.Насером, заставила многих призадуматься. Эмигранты старшего поколения, сохранившие недобрую память о революционной России, сочли за благо перебраться в другие, более безопасные края. В особенности после установления тесных отношений между насеровским Египтом и хрущевским Советским Союзом

и Суэцкого кризиса 1956 г. Что же касается молодых, то те, кто учились в западных университетах, предпочитали не возвращаться в Египет.

В 1981 г. Русский клуб в Каире был закрыт. Русская богадельня и церковь в Гелиополисе были переданы греческой православной общине. Та же участь постигла эмигрантские учреждения и храмы в Александрии.

Но не хотелось бы заканчивать статью на этой печальной ноте. Скажем и о ростках нового, обнадеживающего. Менялось отношение официальных представительств нашей страны в Египте если не к русской диаспоре, то хотя бы к памяти о ней. Так, дипломаты взяли на себя заботу по уходу за памятником погибшим русским морякам крейсера «Пересвет» в Порт-Саиде. Они помогали ухаживать за русским кладбищем в Александрии. Узнав об этом, уже знакомая читателю Т.Н.Серикова-Монти сказала собеседнику из Москвы: «Знаете, о чем я очень жалею? Что мои родители чуть-чуть не дожили до сегодняшних дней. Вот бы они порадовались тому, что нас, русских эмигрантов, на родине вновь считают своими»³⁵. Слова эти вызовут, надо думать, полное понимание большинства граждан возрожденной России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Беляков В.В. По следам «Пересвета». Россияне в Египте. Каир, 1994.

² Луцкий В.Б. Новейшая история стран Зарубежного Востока. Т.1. М., 1954, с. 333—350; Теплоу А.В. Из истории борьбы египетского народа за независимость. — Африка. Проблемы истории. М., 1986, с. 114—136; Африка. Энциклопедический справочник. Т. 1. М., 1986, с. 505—507.

³ Френкель М.Ю. Революционное влияние России на Египет в 1902—1917 гг. — Из истории социалистических идей в Африке. М., 1990, с. 51—67; он же. Русские революционеры в Египте в 1906—1907 гг. — Народы Азии и Африки. М., 1985, № 3, с. 94—101.

⁴ Чураков М. Аресты русских революционных моряков в Египте в 1907 и 1913 гг. — Африканский сборник. История. 1. М., 1963, с. 131—142; он же. Народное движение в Магрибе под знаменем хариджизма. М., 1990 (вводная статья отв. ред. Матвеева В.В.).

⁵ Иллюстрированная Россия. Париж, 1928, № 37, с. 17; Русская зарубежная книга, ч. 2. — Библиографический указатель 1918—1924 гг. Прага, 1924, с. 4.

⁶ Морские записки. Нью-Йорк, 1945, III, № 3, с. 110—118; Беляков В.В. По следам «Пересвета», с. 64—69.

⁷ См.: Народы Ближнего Востока. Выпуск XV. Египет глазами россиян. Середина XIX — начало XX в. Политика. Экономика. Культура (составитель Горячкин Г.В.). М., 1992.

⁸ Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. Деникин, Юденич, Врангель. М., 1991, с. 456—463.

⁹ Яблоновский С. Из беженских скитаний. Голос минувшего. На чужой стороне. — Журнал истории и истории литературы. Берлин, 1928, № 6 (XIX), с. 79—110.

¹⁰ Беляков В.В. По следам «Пересвета», с. 101.

¹¹ Беллин В.В. Жизнь русских в Египте. — Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. Париж, 1971, с. 319—324; Абганк-Коссовский Вл. Русская эмиграция. Итоги за тридцать пять лет. — Возрождение. Париж, 1956, тетрадь 51, с. 127—137 (эти цифры подтверждает Справочник-альманах, Берлин, 1922, с. 94—95); На чужбине, Александрия. Сиди-Бишр, 1921—1922, № 4—5.

¹² Абганк-Коссовский Вл. Русская эмиграция; Марков А. Кадеты и юнкера. — Русские кадеты и юнкера в мирное время и на войне. Сан-Франциско, 1961, с. 216—222, 247; Яблоновский С. — Часовой. Париж, 1933, № 101—102, 110—111; Иллюстрированная Россия. Париж, 1933, № 22, с. 21—22; Гончаров Ю. Донской Кадетский корпус в Египте. — Вольное казачество. Прага, 1929, № 31, с. 20—21; 1931, № 79, с. 13—17.

¹³ Фонды этих организаций создавались за счет пожертвований королевской семьи, египетской знати, представителей европейского капитала. В 1927 г. в Париже вышел сборник для детей «Молодая Россия». Редактором его был Саша Черный, предисловие написал Александр Яблоновский (не путать с С.В.Яблоновским), проведший первые месяцы эмиграции в Египте. Он рассказал о первой церкви в лагере Тель эль-Кебир, устроенной в бывшей овчарне. «Колоколом», призывавшим на вечернюю молитву, служила обыкновенная сковорода, по которой били палкой. И все же радостно было сознавать, продолжал он, что и здесь, в африканской пустыне, за тридевять земель от России, мы слушаем те же слова и те же молитвы, которые слышали когда-то Дмитрий Донской, Петр Великий и позднее Пушкин, Грибоедов, Чехов... Протягивалась какая-то невидимая нить между этой жаркой, песчаной пустыней и нашей родиной, и мы чувствовали, что мы русские и что сердце наше не оторвалось от русской земли и от родного народа.

¹⁴ Вестник РСХД. Париж — Нью-Йорк, 1954, № 35, V—VI, с. 49—50; Иллюстрированная Россия, 1937, № 1, с. 6.

¹⁵ Журнал Московской патриархии. М., 1947, № 5; 1949, № 10; 1964, № 12; 1965, № 12.

¹⁶ Первым историографом самостоятельной эмигрантской периодики в Египте был пражский журналист Евгений Недзельский. Ему принадлежит обстоятельный очерк на эту тему, опубликованный в двух номерах журнала «Воля России». См.: Недзельский Е. Мемуары лагерей. — Воля России. Прага, 1925, № 5, с. 133—146; № 6, с. 57—68. См. также: Вольное казачество. Прага, 1931, № 76, с. 13—17; № 94, с. 13—16; 1932, № 108—109, с. 26.

¹⁷ Беляков В.В. По следам «Пересвета», с. 110—120.

¹⁸ Марков А. Кадеты и юнкера, с. 216—222. Другой автор дополняет эти наблюдения не менее живописными подробностями. В 1920 г. в Порт-Саиде власти задержали российские корабли «Орел» и «Якут». На них закончились уголь, вода, провизия. На просьбы капитана М.А.Ки-

тищина о необходимых поставках британцы отвечали отказом. Тогда капитан направил верховному комиссару Англии в Египте отчаянное послание: если в течение 36 часов требование о поставках и разрешении на выход из порта не будет удовлетворено, он затопит оба корабля поперек Суэцкого канала. Через два часа на борт было доставлено все необходимое для продолжения рейса. *Н.Кагесников*. Краткий очерк Белой борьбы под Андреевским флагом на суше, морях, озерах и реках России в 1917—1922 годах. Нью-Йорк, 1965; Москва, 1993, с. 58—59.

¹⁹ Недолговечный режим, установленный при опоре на японских интервентов в Приморье братьями С.Д. и Н.Д. Меркуловыми (1921—1922 гг.).

²⁰ *Байков Н.А.* По Белу Свету. Харбин, 1937, с. 145.

²¹ *Беляков В.В.* По следам «Пересвета», с. 121—133, 193—204.

²² Там же; см. также: Русское Зарубежье. Золотая книга эмиграции. М., 1997, с. 725—726.

²³ *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия, с. 18—19.

²⁴ *Беллин В.В.* Жизнь русских в Египте, с. 319—324.

²⁵ *Раев М.* Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919—1939. М., 1994, с. 261; *Беляков В.В.* По следам «Пересвета», с. 97—99. Не всегда русские покидали Египет по собственной воле. Случалось, что их выслали. В 1925 г. британские власти, обвинив группу эмигрантов (34 человека, из них 15 мужчин, 6 женщин, 13 детей) в пробольшевистских симпатиях, посадили их на пароход и отправили в Одессу. Советское правительство заявило по этому поводу протест. В 1928—1929 гг. были высланы из Египта еще 13 человек. В 1926 и 1930 гг. русских эмигрантов власти не выпустили на берег в Порт-Саиде (см.: *Языков Н.* Записки журналиста. По белу свету. Шанхай, 1937, с. 76—79).

²⁶ *Беллин В.В.* Жизнь русских в Египте, с. 319—324; *Иллюстрированная Россия*. 1928, № 37, с. 17; *Русский Альманах*. Справочник. Париж, 1931; *Русская эмиграция*, *Альманах*. 1920—1931. Вып. 1. Белград, 1931, с. 11—13; *Русский врач в Чехословакии*. Прага, 1935, № 10; 1936, № 9; 1938, № 8—9.

²⁷ *Онегина С.В.* Российский фашистский союз в Маньчжурии и его зарубежные связи. — Вопросы истории. М., 1997, № 6, с. 150—160.

²⁸ См.: *Красовская В.* Анна Павлова. Л.—М., 1965; *Носова В.* Балерины. М., 1983; *Вертинский А.Н.* Дорогой длиною. М., 1991; *Северюхин Д.Я., Лейкинг О.Л.* Художники русской эмиграции (1917—1941). Биографический словарь. СПб., 1994, с. 80—85, 373, 464, 502, 532—534.

²⁹ См.: *Струве В.В.* Значение В.С. Голенищева для египтологии. — Очерки по истории востоковедения. Сб. III. М., 1960; *Коростовцев М.А.* Становление египтологии в России. — Изучение Африки в России. М., 1977, с. 7—9. Имя Владимира Голенищева по сей день носит существующий при Высшей Парижской школе практических знаний Центр по изучению религий Древнего Египта.

³⁰ *Беллин В.В.* Жизнь русских в Египте, с. 319—324; *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия, с. 182—183 (в частности, называются имена еще и других египтологов — А.Н. Пьянкова, М.В. Малинина, П. Бобровского); см. также: Русское Зарубежье. Золотая книга эмиграции, с. 38—39.

³¹ Скифский роман. О великом русском историке, филологе-классике и археологе академике М.И.Ростовцеве. Под ред. акад. Г.М.Бонгард-Левина. М., 1997, с. 45, 62, 63, 68, 172, 213, 266, 349.

³² Сложнее обстояло дело с гуманитариями. В 1924 г. Каирский университет предложил поэту Вяч. Иванову, бедствовавшему в Италии с сыном и дочерью, возглавить кафедру истории римской литературы. Однако британские власти Египта, узнав, что он проживает в Риме по советскому паспорту, предложение аннулировали.

³³ *Беляков В.В.* По следам «Пересвета», с. 207.

³⁴ *Толстой Н.Д.* Жертвы Ялты. М., 1996, с. 82, 96, 192, 430. См. также: Вторая мировая война и Африка. Сб. статей. М., 1996, с. 11, 15.

³⁵ *Беляков В.В.* По следам «Пересвета», с. 166.

Ю.В.Луконин

МАРОККАНСКИЕ БУДНИ ИЗГНАННИКОВ

В моей роте около сорока человек русских... У меня, между прочим, замечательный русский хор... Есть и солисты. Два у меня тут солдата совсем не могут вклеиться в эту обстановку, один барон Т..., нежный блондин, мягкотелый, никак даже до капральского чина достукаться не может, поет цыганские песни, а другой длинный и худой молодой господин в очках, сын помещика Орловской губернии, поет песенки Вертинского: «Твои пальцы пахнут ладаном», ты видишь эту картину... в горах Среднего Атласа, одетый в шинель legionера, закрыв глаза и раскачиваясь, кто-то с надрывом поет о пальцах, пахнущих ладаном...

(Зиновий Пешков — Максиму Горькому, февраль 1924 г.)

Автор статьи в 1964—1967 гг. работал в Марокко в Советском культурном центре (другое название — Библиотека при Посольстве СССР в Марокко). Он имел возможность наблюдать изменение отношений советских официальных инстанций к выходцам из России, сравнивать с тем, что видел несколькими годами раньше в Египте. А изменения были заметными. О запретах, ограничениях контактов с русскими эмигрантами больше не говорилось. Однако в каждом случае о содержании разговора, характере встречи рекомендовалось сообщать соответствующему сотруднику посольства. Каждый, кто работал тогда в том или ином советском заграничном учреждении, знал, кому и что «положено», а кому и что «не положено». Более того, о таких «кадровых нюансах» в советских учреждениях в Марокко, похоже, догадывались и члены русской общины.

В силу должностных обязанностей автору неоднократно доводилось сталкиваться с эмигрантами из России. Многие из них навещались в Советский культурный центр. Обычно они приходили туда с просьбой дать им что-нибудь из новинок художественной литературы. В первую очередь просили толстые журналы — «Новый мир», «Знамя», «Неву». При этом выказывали удивительную осведомленность о том, что уже вышло или готовилось выйти в свет в Москве или Ленинграде. Получив в дар книги или журналы, они благодарили и приглашали в гости. Но тут срабатывало незримое табу: заведующий культурным центром, коим был пишущий эти строки, воспользоваться приглашением не мог, ибо не принадлежал к категории работников кому было «положено» вступать в более тесные контакты с эмигрантами. В итоге так и не удалось поговорить запросто, по-человечески. Невидимая стена отчуждения продолжала существовать. Десятилетия взаимного непризнания и неприятия в то время не позволяли ее разрушить.

По случаю годовщины Октября посольство устраивало официальные приемы. На них приглашались и некоторые члены русской общины. Одной из наиболее колоритных фигур среди приглашенных был отец Владимир — настоятель небольшого православного храма, построенного на средства прихожан. Бывали на приемах и господа Башкиров, владелец консервных заводов, Игнатьев (брат известного генерала), возглавлявший крупную строительную фирму, Полев, врач-офтальмолог, и другие местные русские. Советское посольство устраивало помимо основного также отдельный, как бы неофициальный прием для эмигрантов — обычно 13 ноября. В 1966 г. побывал на таком приеме и автор статьи. Прием прошел по стандартному МИДовскому сценарию тех лет: краткая речь сотрудника посольства, ответное слово представителя русской общины, угощение «а ля фуршет», кинофильмы.

На одном приеме присутствовал бывший штабс-капитан, воспитанник знаменитого Александровского военного училища, что на Знаменке, в самом сердце старой Москвы. Того самого училища, которое окончили в свое время Александр Куприн и Борис Зайцев. Запомнился рассказ штабс-капитана — живой, непосредственный, одобренный множеством бытовых деталей. Женат он на француженке, дочери богатого дореволюционного домовладельца в Петрограде. В Гражданской войне не участвовал: уже в середине 1918 г. эмигрировал вместе с семьей во Францию, но жилось там трудно, особенно в пору экономических потрясений. В начале 30-х годов семья последовала примеру некоторых соотечественников, решивших перебраться из метрополии в Северную Африку. Поверили рекламе, изображавшей страны Магриба эдаким подобием земного рая, и остановили свой выбор на Марокко.

На месте все оказалось иным, чем рисовалось в воображении. Ведь в Марокко в то время ехали не только русские, но и французы, испанцы, итальянцы, греки, выходцы из других европейских стран, которых выталкивали из родных мест экономические неурядицы. Власти французской и испанской зон (страна тогда была разделена), естественно, оказывали предпочтение соотечественникам. Французы и испанцы были более обеспеченными в материальном отношении, являлись носителями культуры, которую обе метрополии насаждали на марокканской земле. К тому же они были лучше организованы (партии, ассоциации, землячества; например, в бывшей французской зоне и в 60-е годы все еще можно было наблюдать деятельность землячеств, объединявших выходцев из Нормандии, Бретани, Жиронды, Прованса, Бургундии). Если требовалось защитить свои интересы, оказать давление на местную администрацию и даже на парижские или мадридские власти, то французы и испанцы делали это, будучи уверенными в успехе. Что касается русских эмигрантов, то им приходилось вести самую настоящую борьбу за существование. В поисках работы они разбредались по всему Марокко — от Танжера и Уджды на севере до Агадира и Марракеша на юге.

Бывший штабс-капитан сам заговорил о возможности возвращения на родину. Большая часть эмигрантов любила Россию, переживала за нее, особенно в годы Второй мировой войны. Некоторые участвовали в боях в рядах союзников и в составе Французской африканской армии (ФАА), освобождали Северную Африку и Францию. Но многие, подчеркивал мой собеседник, не принимали советский режим, боялись его, хотя и не чувствовали себя в чем-то виноватыми. Да и родственные связи были многими эмигрантами утрачены. Они опасались, что, вернувшись на родину, не справятся со многими проблемами экономического, социального да и психологического плана: жилье, пенсии, адаптация. А вечный вопрос об отцах и детях? Молодежь успела воспринять иные ценности, жила в другом мире. Молодые люди считали себя французами, испанцами и хотели ими оставаться...

Много лет спустя после примечательной беседы с седовласым российским офицером, заброшенным судьбой в знойный Рабат, услышанное тогда не раз всплывало в памяти. И не только потому, что помогало восстановить прерванную связь времен. Думалось и о другом. В невеселом повествовании штабс-капитана зеркально отразилась судьба его поколения — неприкаянных и вечно не устроенных. Противоречивость, двойственность, ненадежность положения постоянно присутствовали в жизни изгнанников. Так было в 20—40-х годах. Но и в послевоенные годы мало что изменилось, даже после установления в 1958 г. совет-

ско-марокканских дипломатических, экономических и прочих отношений. Все это так. Но важно отметить и другое. Отношения эти продолжали и поднимали на новый уровень традиционные дружественные связи между двумя странами. Такая летопись взаимного познания достаточна поучительна, о чем свидетельствуют ее первые заполненные страницы¹.

О марокканском султанате в России знали уже в первой половине XVIII в.² В 1737 г. в Санкт-Петербурге был издан атлас, на одной из карт которого в Северо-Западной Африке было обозначено «Королевство Марокское». Первые официальные контакты между правительствами двух государств были установлены через третьи страны в 1777 г. В мае 1778 г. на танжерском рейде бросили якоря два российских фрегата. Одному из капитанов (Н.С.Скуратову) в июле были вручены письма султана Сиди Мухаммеда бен Абдаллаха к императрице Екатерине II и вице-президенту Адмиралтейской коллегии графу Чернышеву. С этого момента началась переписка между двумя монархами. До нас дошли подлинники писем, относящихся к 1782—1783 гг. Обе стороны и в последующие годы неоднократно выражали пожелания об установлении широких отношений. Но дальше этого дело не шло.

Интерес к Марокко со стороны официальных кругов России и ее общественности не уменьшался и в XIX в. В русской печати появлялись очерки об этой стране, подготовленные иностранными и отечественными авторами. Первым русским, посетившим Марокко в частном порядке, был В.П.Боткин, философ и литературный критик, брат основоположника клинической медицины в России С.П.Боткина. Осенью 1845 г. он побывал в Танжере. Свои путевые впечатления он включил в «Письма об Испании», опубликованные отдельной книгой. И в дальнейшем в России печатались свидетельства путешественников, но они касались в основном городов, лежащих на марокканском побережье Атлантики и Средиземного моря.

Первыми россиянами, совершившими длительное путешествие во внутренние области страны, были князь К.А.Вяземский, член Российского географического общества, и его жена. В 1881 г. они проехали верхом из Танжера через Рабат, Мазаган (ныне Эль-Джадида) до Марракеша и из Марракеша через Мекнес, Фес, Уджду до Тлемсена (Алжир). После них во внутренних районах дважды побывал, уже в начале XX в., Вас.И.Немирович-Данченко, тоже член Российского географического общества, писатель и журналист (брат известного режиссера). В северной части страны он посетил Танжер, Тетуан, Рабат, Мазаган, Фес, Мекнес, Ваззан, Лараш (Эль-Араиш), а в восточной — предсахарскую область Тафилалет. Немирович-Данченко опубликовал несколько художественных очерков, а также книгу «Край золо-

того заката. (Очерки таинственного Магриба)». Интерес к странам Магриба он сохранял до конца своей долгой жизни, уже на эмигрантском ее этапе (он умер в 1936 г. в Праге).

В 1881 г. царское правительство присоединилось к Мадридской конвенции по Марокко, а в 1906 г. участвовало в соглашении, подписанном в Алхесирасе. По разным причинам оно не одобряло, а зачастую и противодействовало политике колониальных держав (Англии, Франции, Германии, Испании), направленной на закабаление и поглощение магрибского государства.

Было бы преувеличением утверждать, что хитросплетения международной политики начала XX века — марокканские кризисы, «прыжок Пантеры» и прочие недавние события — так уж занимали мысли первых беженцев. Столь же неверным было бы утверждение, что они вообще ничего не знали о Марокко и марокканцах. Что касается страны, то некий хрестоматийный минимум сведений о ней, несомненно, отложился в памяти людей. Здесь роль Вас.И.Немировича-Данченко, всероссийски известного географа-популяризатора и очеркиста, была значительной. Марокканцев некоторые тоже успели увидеть воочию. Сначала в 1916—1917 гг., на Западном фронте, где воевали по просьбе союзников переброшенные туда четыре особые бригады царской армии, о чем уже говорилось во Введении. В 1918 г. остатки Русского экспедиционного корпуса (так называемый Русский легион, часто его путают с Иностранным легионом) были даже влиты в 1-ю Марокканскую пехотную дивизию французской армии и в ее составе в ноябре 1918 г. дошли до поверженной кайзеровской Германии³. Но и другие россияне, например мирные жители Одессы и Севастополя, тоже сталкивались с марокканцами. Дело в том, что в 1919 г. несколько тысяч магрибинцев (алжирцев и марокканцев) были участниками недолговременной французской оккупации некоторых районов Причерноморья⁴.

Коротко говоря, прибывшие в Марокко из вздыбленной революциями и войнами России осматривались, припоминали все могущие оказаться полезными сведения о стране и арабском мире и понемногу обустривались на новом месте.

О русской колонии в Марокко, существовавшей и до Первой мировой войны, мы располагаем лишь отрывочными сведениями. Собственно, говорить о колонии до 1914 г. можно с большой натяжкой. В Танжере, например, где располагались дипломатические представительства, жил всего один российский подданный — врач, работавший в местной французской больнице. К 1914 г. число подданных России несколько увеличилось. В Танжере жил сотрудник миссии, в Фесе — золотых и серебряных дел мастер, в Касабланке — еще несколько россиян. Вот почему петербургские власти поначалу спокойно доверяли защиту интересов российского государства в Марокко дипломатам из Шве-

ции, Испании, Франции. Времена, однако, менялись, и в 1897 г. в Танжере появился генеральный консул России. В 1909 г. генеральное консульство было преобразовано в миссию и тем самым уравнивалось со статусом представительств других держав. До 1912 г. миссию возглавлял П.С.Боткин (племянник В.П.Боткина), имевший ранг посланника. Но в 1913 г. — уже в годы французского протектората — ее снова объявили генеральным консульством. С этого года дипломатические отношения России с Марокко осуществлялись через российское посольство в Париже и Бюро генерального резидента Франции в Рабате. После 1917 г. между Москвой и Рабатом долгое время не было никаких официальных отношений.

Первый поток беженцев, эмигрантов, противников большевистского режима и просто несогласных с новыми порядками на родине Марокко не достиг, остановившись в соседнем Алжире. Тем не менее уже в 1921 г. и в Марокко появились русские. Речь идет о завербованных в ряды французского (а позже и испанского) Иностранного легиона.

Массовая вербовка бывших денкинцев и врангелевцев во французский Иностраннный легион началась в самом конце 1920 г. Проводилась она в Турции, куда устремился главный поток беженцев с Северного Кавказа, Украины, из Крыма. При заключении контракта сразу выплачивались 500 франков — сумма по тем временам значительная. Контракт сулил сытую и беззаботную, как казалось, жизнь и, будучи продленным, давал право на приличную военную пенсию и ряд других льгот. Минимальный срок службы устанавливался в пять лет; по обоюдному согласию он мог быть продлен до 10 и даже 15 лет. В январе 1921 г. первые завербованные были размещены в учебном лагере близ Константинополя, где провели два месяца. Затем их партиями стали отправлять в различные французские владения. Первая партия из 300 человек 23 марта 1921 г. отбыла в Алжир, где в городе Сиди-Бель-Аббес (департамент Оран) находился главный центр Иностранного легиона, дислоцированного в основном в Магрибе.

Позднее, в 20—30-е годы, Иностраннный легион (французский и испанский) пополнялся за счет русских военных, прибывавших из Западной Европы, с Дальнего Востока, а также из различных стран Африки. Спрос на бойцов бывших белых армий возрастал в те годы, когда в той или иной стране, находившейся под властью Франции или Испании, местное население поднималось на борьбу против иноземного господства. А подъем антиколониального движения наблюдался в то время во многих владениях обеих метрополий. Особенно активно повстанцы действовали в Сирии и Марокко, а также в Мавритании. В том же Марокко французские (и испанские) военачальники смогли за-

вершить совместные операции по замирению воинственных берберов лишь к середине 30-х годов. Но и после этого колониальные власти чувствовали себя неуверенно. Требовалось постоянное присутствие мобильных воинских контингентов, в первую очередь Иностранного легиона, специально натренированных для боевых действий в колониях, в особенности в труднопроходимой горной и пустынной местности.

Помимо профессиональных военных в легион вступали гражданские лица призывного возраста, в частности бывшие студенты. В 1923 г. пражский эмигрантский журнал «Студенческие годы» писал, что в Иностранном легионе служило около 300 студентов. Служба в колониях проходила в тяжелых условиях. Легион, утверждал журнал, в большинстве своем состоял из деклассированных элементов многих наций. Порядки в нем были близки к тюремным. В журнале с тревогой сообщалось об участии студентов-легионеров в боях, о первых жертвах⁵.

Долгие десятилетия советский читатель питался мифологизированной информацией об Иностранном легионе⁶. Причина проста: отсутствовал доступ к первоисточникам. Между тем уже в 20-е годы в эмигрантской прессе печаталось немало материалов о легионе и о русских в легионе, материалов достаточно объективных.

В 1927 г. некий капитан М., бывший гвардеец, дал интервью «Иллюстрированной России». Сам он прослужил в Иностранном легионе пять лет. Ныне русских в легионе стало меньше, сообщал он. Срок контрактов у многих из них истекает в 1927 г. Иное дело, прежние годы: в некоторых полках было до 80% русских. Еще в 1921 г., продолжал капитан, началось «наше засилье». Беженцы в Галлиполи и Константинополе записывались в легион массами. Подавляющее большинство составляли бывшие офицеры (30%) и казаки. Русские, по словам капитана, пользовались отличной репутацией у командования, товарищей-легионеров, у местного населения. Некоторые русские офицеры прошли стажировку в Сен-Сире и занимали командные должности наравне с французами. В легионе поддерживалась дисциплина, но не более строгая, чем в царских гвардейских полках. Он отмечал изменения к лучшему в составе легиона, нравов легионеров, резкое сокращение числа авантюристических элементов⁷. А.П.Лукин, один из первых историков военной эмиграции, подтвердил в той же газете некоторые факты, изложенные в интервью капитана М. Он назвал 1921 год «историческим» в жизни Иностранного легиона в том смысле, что в него сразу вступили 6500 русских воинов — офицеров, солдат, казаков⁸. Но и десять лет спустя в легионе все еще насчитывалось 2—3 тыс. россиян.

Почему в газетном интервью была опущена фамилия капитана-легионера? Надо думать, не совсем удобно было бывшему

офицеру императорской гвардии, наверняка дворянину, афишировать факт платного наемничества. Но жизнь заставляла многих достойных людей забывать о гордости и идти в наемники. Вот еще одно свидетельство, и снова безымянное, на этот раз некоего есаула Б. Легионер, свидетельствовал он в 1924 г., прослуживший около трех лет, получал «сверхсрочные деньги». Его обычное жалованье в Марокко, где велись военные действия, было выше, чем в Алжире: солдат в Марокко получал 60—63 франка в месяц (в Алжире — 20—30 фр.), капрал — 93 (45 фр.), сержант — 476 (360 фр.). Во время походов жалованье повышалось. Питание солдат и капралов в казармах было неплохим; сержанты столовались отдельно, оплачивая еду из своего кармана. Большинство легионеров русского происхождения стали капрами либо сержантами. Многие из новоиспеченных унтер-офицеров посчитали это пределом своих достижений и собирались продать контракты на следующие пять лет. Их прельщала единовременная выплата при подписании контракта большой суммы (2000 фр.). Есаула Б. тревожили, между прочим, частые браки русских легионеров, включая казаков, с местными испанками и француженками, что сопровождалось переходом в католическую веру. Таких он считал навсегда потерянными для России⁹.

Служили русские и в испанском легионе. Однако связанные с этим факты относятся скорее к политической жизни Испании второй половины 30-х годов, чем к нашей теме. К тому же они приводятся чаще писателями, нежели историками. Впрочем, у литературных героев всегда есть реальные прототипы. Так и в нашем случае. Тот же А.П.Лукин напечатал в 1933 г. повесть «Дон Мигуэль», в ней выведены два летчика русской морской авиации из испанского Иностранного легиона. Прообразом одного из них считается Н.А.Рагозин, дослужившийся в испанской авиации до чина подполковника. В 1923—1926 гг. он участвовал во франко-испанской войне против мятежных марокканских племен — рифов¹⁰. Кстати, в этой войне сложили голову десятки (а может быть, сотни) ее русских участников во французской либо испанской форме. В 1930 г. парижский журнал «Часовой» поместил фото памятника погибшим в Марокко легионерам из 1-го кавалерийского полка. На нем высечены 16 русских фамилий¹¹. Но ведь погибших было больше. Сколько именно? И все ли поставлены памятники? Не знает никто. Писатель Лев Никулин, побывавший в 1929 г. в испанской зоне Марокко, посетил среди прочих мест военное кладбище в Сеуте. Поразили его выбитые на надгробиях имена легионеров: «...лежат рядом Мюллеры, Сидоровы, Дюпоны, Смиты»¹².

Да, многие писали о легионе, и писали по-разному. Одно из ценных свидетельств о службе в легионе, на этот раз француз-

ском, оставил З.М.Пешков¹³. Ценных потому, что, получив французское гражданство, он несколько лет прослужил в легионе, в частности в Марокко и Алжире, имел чин капитана, командовал сначала ротой, затем батальоном. Весной 1925 г. его полк был брошен на усмирение берберских племен, не признававших власть Испании и Франции. Так батальон под командованием Пешкова оказался в провинции Таза (Северное Марокко) для ведения боевых действий против армии независимой Республики Риф. В батальоне были представители 26 национальностей.

Об умонастроениях Пешкова во время войны против рифов читатель сможет составить собственное мнение, ознакомившись с его книгой «Иностранный легион в Марокко», вышедшей в Париже в 1927 г. Полностью на русский язык книга не переводилась. Но наш читатель перестроечной поры успел получить представление о ней по обширным фрагментам, которые ввел в оборот биограф Пешкова М.Я.Пархомовский. Концепцию Пешкова — историка легиона — характеризуют такие его оценки: «трехцветное знамя Франции», «честь и верность», «кочующие труженики», «пионеры» (это все о легионерах), «цивилизация края» и т.д. Нужны ли здесь комментарии?

Впрочем, апологетика соседствует в книге с признанием, пусть косвенным, порочности колониальной войны. Он словно извиняется и оправдывается, когда говорит о своем участии в боях против непокорных рифов: «И делаю я это потому, что верю — это во имя Добра. Но разве Добро и Зло не дети одной матери, имя которой Жизнь?». Из книги следует, что командир батальона пресекал стремление некоторых легионеров изображать рифов как неких inferнальных носителей зла. Одного своего подчиненного он увещевал в таких выражениях: «На вашем месте я не называл бы их канальями. Это — повстанцы»¹⁴.

Менее высокопарно, более приземленно, да и в общем более объективно высказывались об Иностранном легионе другие участники событий. Вот что писал в середине 20-х годов неизвестный легионер уже упоминавшемуся видному деятелю эмиграции Вас.И.Немировичу-Данченко в Прагу: «Я живу в центре политическо-экономической и религиозной жизни вновь завоеванного племени, которое занимает часть Большого Атласа... Мавры, временно подчинившись два года назад, не оставляют мысли сбросить с себя власть чужеземцев. Привыкшие к независимости, они презирают наши законы и порядки. Набеги на нас почти не прекращаются...». В другом письме тому же адресату говорилось: «Кормят хорошо. Но однообразная, полная невидимой опасности (пули из-за куста, из-за угла, из-за песчаного бугра) жизнь создает необходимость искусственных возбуждений. Книг нет. Газеты редки. И все-таки для такой службы — а русскому выбирать не из чего — нужно особое счастье»¹⁵. Что

же касается французского командования, то оно, по утверждению одного из пражских эмигрантских журналов, считало, что для «русских варваров» и Иностранный легион «благодаяние»¹⁶.

Когда речь идет о куске хлеба, особенно привередничать изгоям не приходится. Но и до «благодаяния» было, конечно, далеко. Особенно страдали легионеры от недостатка общения, бытовой неустроенности, духовного голода.

Солдаты из России, даже офранцузенные, конечно же, продолжали оставаться русскими, верными родной культуре, православию, всем духовным ценностям, которых они в одночасье лишились. Это подтверждают их многочисленные письма землякам, которые направлялись как по частным адресам, так и в редакции эмигрантских газет.

Такие газеты и журналы, как правило, имели специальную рубрику для переписки с читателями. Чаше других в редакции писали легионеры. Обычно письма содержали просьбы о переписке. Встречались обращения о знакомстве, предложения о браке с русской девушкой, женщиной, вдовой с детьми, которых корреспондент готов усыновить (удочерить). Письма приходили из разных точек Марокко — Бени-Меллаля, Ксар-эс-Сука, Марракеша, Мекнеса, Феса, Уджды, Агадира, даже из очень отдаленных мест (предгорья Атласских гор, полупустыни и пустыни Южного и Восточного Предсахарья), где размещались небольшие гарнизоны и изолированные военные посты. По просьбе корреспондентов редакции газет печатали и письма к затерявшимся родным, однополчанам. Среди отправителей было немало москвичей, петербуржцев, киевлян, казаков с Дона, Кубани, Терекa. Характерно письмо трех легионеров из Тадлы (2-й полк Иностранного легиона). Они писали: «Русские легионеры, оторванные от родины, заброшенные судьбой в дикие пустыни Африки, с трудом получающие русское печатное слово, редко слыша родную речь, просят дорогих соотечественников откликнуться на их просьбу и помочь посильно присылкой русской литературы. Также будут очень рады переписываться и делиться впечатлениями с русскими людьми»¹⁷. Мотив этот постоянно присутствует в переписке.

Просьбы и мольбы такого рода не оставались без ответа. При Иностранном легионе формировалась библиотека из дарственных книг. Основная часть книжного богатства находилась при штабе 1-го полка в Сиди-Бель-Аббесе (Алжир), но небольшие библиотеки имелись при штабах других полков, дислоцированных и в Марокко. Читали жадно, запоем — ведь русская книга была единственной опорой, лекарством против отчаяния и нравственного падения¹⁸.

Письма легионеров приподнимают завесу над состоянием ума и души людей, которые были поставлены в неимоверно тяжелые

жизненные условия. В то же время они позволяют корректировать некоторые безбрежно оптимистические утверждения апологетов легиона, и не только французских. Чтобы закончить эту тему, несколько слов о жизни демобилизованных легионеров. У иных она складывалась благополучно, особенно у добившихся получения французского гражданства. Теперь они были обеспеченными пенсионерами и завидными, с точки зрения местных французов и испанок, женихами. Но не всем жилось безоблачно. Были и такие, чья судьба бесхитростно изображена в стихотворении тех лет:

Он в тревожном, глухом Марокко
Охранял чужие форты,
Расцветали, вяли надежды.
Но отчаяться — Боже упаси!
И теперь — все такой, как прежде, —
Он сидит за рулем такси!¹⁹

Строго говоря, легионеров лишь условно можно считать частью русской общины тогдашнего Марокко. Ведь полки легиона не были привязаны к определенной территории, подвластной Франции. Они постоянно перемещались — с боевых позиций в тыл; из Марокко в Алжир, на кратковременный отдых; из Алжира в новую «горячую точку» тех лет, скажем в Сирию или Индокитай, и т.д. Иное дело — гражданская диаспора, обосновавшаяся в стране. То был гораздо более стабильный компонент русского присутствия.

Численность гражданских эмигрантов определить довольно сложно. Ясно одно: число гражданских лиц измерялось скорее сотнями, нежели тысячами. Первая компактная группа русских прибыла в Марокко из Туниса в январе 1922 г. Заявки на гражданских специалистов рассылались из Рабата и в последующие годы. Власти протектората и сам генеральный резидент Лиотэ покровительствовали техническим специалистам из числа русских, в особенности бывшим морским офицерам, и имели на это основание. По данным Земгора, приглашенные маршалом Лиотэ специалисты на новом месте устроились хорошо, нашли заработок и были, в общем, довольны своей жизнью. Но попытки организовать дальнейшие переселенческие акции закончились неудачей, ибо новых вакансий не предвиделось²⁰.

Прибывали беженцы и из других краев — Турции, Египта, греческих островов Эгейского моря. Сосчитать земляков первым попытался известный в эмиграции журналист Константин Парчевский²¹. В 1937 г. он приехал в Марокко по заданию своей редакции для подготовки серии очерков. У него выходило, что русская община насчитывала 500 человек, т. е. несколько превосхо-

дила общины Египта и Алжира тех лет (350 и 300 человек соответственно).

Мастерству очеркиста и бытописателя из парижских «Последних новостей» мы обязаны дошедшей до нас точной, в деталях выписанной картиной межвоенного бытия русских в Марокко²². К ней мы еще не раз будем обращаться.

Сооружение дорожных коммуникаций, телеграфной и телефонной сети, строительство административных и других зданий требовало квалифицированных специалистов и просто толковых работников. Прибывавшие довольно легко находили работу и сравнительно быстро становились на ноги. Демобилизованные из Иностранного легиона пользовались немалыми льготами по части трудоустройства. Особенно ценилось знание английского языка: оно открывало двери для поступления в штаты американских компаний, ввозивших в страну нефтепродукты, автомобили, сельскохозяйственные орудия, или в филиалы действовавших в Марокко банков США. Другие работали в менее престижных, но вполне гарантирующих постоянный заработок сферах — в различных звеньях администрации протектората, в строительных фирмах и т.д. Врачи открывали кабинеты и успешно практиковали, благо власти протектората признавали де-факто российские дореволюционные дипломы.

Люди постепенно обзаводились хозяйством, иногда собственным делом, загородной дачей, автомобилем. Но всерьез бизнесом по многим причинам не занимались. Опасались экономических потрясений. А они действительно не замедлили вскоре проявиться.

В Европе и Америке грянул экономический кризис. К началу 30-х годов положение российских изгнанников в Марокко стало меняться к худшему. Получить место в городах побережья становилось труднее. Приходилось соглашаться на работу по найму во внутренних районах страны, например на рудниках по разработке месторождений фосфоритов в Хурибге. Все это предвещало тяжелые времена. И хотя кризис не так больно задел колониальное Марокко, как саму метрополию, условия жизни и труда и здесь ухудшились. Сокращались ставки заработной платы, замедлялось продвижение по службе. Начались увольнения, особенно после завершения работ по прокладке железных и шоссейных дорог, возведению современных портовых сооружений. Обострялась борьба из-за вновь открывавшихся вакансий. Власти, французские и иностранные предприниматели теперь, как правило, брали в штат французов, прибывавших в поисках работы из метрополии. Но из Франции по тем же очевидным причинам пытались перебраться в Северную Африку и новые группы неприкаянных русских.

Некоторые переселенческие акции планировались довольно масштабно, например в казачьей эмиграции. Так, к началу 30-х годов относятся планы переселения эмигрантов-казаков из Южной Франции в Северную Африку и создания там целых казачьих поселений (станций). В журнале «Казак» один из казачьих лидеров, Н.М.Мельников, призывал к созданию «алжирской станции» (она охватывала и территорию восточного Марокко). Из статьи следовало, что земли под «станцию» будто бы обещали дать в провинции Уджда, в долине р. Мулуя. Говорилось также о финансовой помощи властей переселенцам, о реальной возможности найти работу у «богатых арабов». С критикой проекта на страницах того же журнала вскоре выступил инженер-геолог, семь лет проживший в Марокко и хорошо знавший страну. Подписался он псевдонимом «Донец». Геолог утверждал, что все орошаемые земли в Марокко были скуплены еще до мировой войны, что в силу нехватки воды страна находится в зоне рискованного земледелия, что цены на земельные участки высоки, а набор выращиваемых культур невелик. Намеки на «богатых арабов» и особенно на правительственные субсидии автор статьи называл несерьезным отношением к делу²³.

Проекту не суждено было осуществиться (как и аналогичному плану переезда в Марокко казаков из Греции). Многое, если не все, упиралось в финансирование. Переселение, обустройство, обеспечение на первых порах сельскохозяйственными орудиями и другими материалами потребовало бы огромных средств. Трудно было рассчитывать на помощь французского правительства или администрации. В годы экономического кризиса начала 30-х годов Франция не могла себе позволить массового переселения даже собственных граждан.

При расселении российских изгнанников в пределах Марокко обнаружилось их явное (и естественное) тяготение к наиболее модернизированной прибрежной зоне. Большинство обосновалось в двух самых крупных городах — Рабате и Касабланке. Остальные — маленькие группки и даже отдельные семьи — селились там, где имелаась работа: в Мекнесе, Фесе, Марракеше, Хурибге (во французской зоне), Тетуане, Лараше (в испанской). Несколько семей осели в Танжере, номинально остававшемся под суверенитетом марокканского султана.

Жили русские тихо и лояльно. Их политические взгляды и настроения при всем их различии никому не причиняли беспокойства. Для многих эмигрантов французские интересы в Марокко перестали восприниматься как нечто чуждое. Дело шло к добровольной ассимиляции, особенно молодого поколения. Молодые люди, заканчивавшие в Марокко или метрополии французские лицеи и университеты, уже ничем не отличались от французских сверстников. Русские родители часто одобряли

смешанные браки, гордились тем, что их сыновья женились на «настоящих» француженках или их дочери выходили замуж за «настоящих» французов.

Объединяло «русских марокканцев» в основном православие. До 1927 г. община в Марокко не имела православного прихода. Некое подобие церкви размещалось в Рабате в бараке, бывшем общежитии строительных рабочих. Инициатором создания прихода стал митрополит Евлогий, резиденция которого находилась во Франции. Откликаясь на настоятельные просьбы земляков из Марокко, особенно легионеров, митрополит не раз обращался к властям Франции с просьбой дать согласие на посылку в протекторат православного священника. Официальной реакции на эти обращения не последовало. Между тем из Марокко приходили новые жалобы на отсутствие пастыря. Тогда Евлогий решил самостоятельно направить в Рабат своего человека, отца Варсонофия (Толстухина), бывшего монаха Валаамского монастыря²⁴.

Прибыв в столицу протектората, о. Варсонофий подготовил устав православного прихода. Власти зарегистрировали устав. Вся русская община участвовала в обустройстве первого в Марокко православного храма, покамест временного. Приход о. Варсонофия раскинулся по многим городам и весям протектората; ему приходилось выезжать для совершения службы и в Касабланку, и в Марракеш, и в Мекнес. Между тем о. Варсонофий задумал построить в Рабате настоящий храм. Средства на постройку были собраны эмигрантами. В русских заграничных газетах появилось следующее воззвание: «Православные русские люди! К вам, находящимся в рассеянии, зываем о помощи на постройку храма Божия в Африке, в Марокко. Скитаясь в пустынях и вертепах, часто превращенных в храмы, и в пропастях земных, мы оценили потерянное величие и благолепие наших богослужений. Мы, заброшенные в Марокко, приступаем к устройству из деревянного барака пока временного храма. Средств к сему нет никаких. Помогите нам, русские люди и все сочувствующие этому святому делу, помогите зажечь лампаду христианства — выстроить православный храм в стране магометанства»²⁵.

Денежные средства добывались также с помощью благотворительных акций. За билет на русский бал-концерт богатые арабы и европейцы платили по 3—5 тыс. франков. Помощь в приобретении земельного участка под храм пришла с неожиданной стороны. Крупный арабский землевладелец Джибли, женатый на русской, продал участок за символическую плату — купчая на землю обошлась о. Варсонофию всего в один франк. Освящение храма Воскресения Христова в Рабате состоялось в 1932 г. На торжество прибыл из Парижа сам Евлогий. После этого митрополит посетил многие города Марокко, где встречался с единоверцами.

В Марракеше митрополит остановился у члена епархиального управления и парижского приходского совета В.Н.Сенютовича, владельца крупных плантаций апельсиновых и оливковых деревьев. Марракешская община была не слишком сплоченной. И это понятно; один из эмигрантов говорил К.Парчевскому: «Насыпало нас сюда из разных мешков, люди все разные, живут кружками...». Безусловно, сказывались социальная и имущественная неоднородность диаспоры, различия в политических взглядах и ориентации тех или иных группировок, отдельных личностей. Это в особенности обнаруживалось на проходивших нерегулярно собраниях, где обстановка напоминала, по ироничному замечанию Парчевского, борьбу между «Алой и Белой розами». Случались споры и на заседаниях благотворительного и приходского комитетов. Главным культурным событием года, к чему тщательно готовилась вся община, был бал-концерт в Рабате или Касабланке. Он пользовался популярностью и приносил устроителям солидный доход, направлявшийся на те или иные нужды общины. После него жизнь замирала на целый год, все снова разбредалось, замыкалось в повседневных заботах. Небольшие костюмированные балы проводили русские общины и в других марокканских городах.

Те, кто накопил значительные средства, начали покупать землю. В городах на приобретенных участках строились дома, в сельской местности новые владельцы обзаводились хозяйством. Местные острословы называли такие хозяйства «дворянскими выселками». Некий Дезире, француз по происхождению, но выходец из России, в память о российском поместье дал своему марокканскому владению южнее Рабата название «Устиновка». Вокруг «Устиновки» постепенно появлялись участки и строения других русских. Так возникло небольшое российское поселение.

Владельцы участков наивно пытались было возродить столь милый их сердцу «усадебный» быт канувших в небытие русских «дворянских гнезд». Бесподобную реплику одной из таких марокканских «помещиц» передает все тот же Парчевский. «Все у нас хорошо, — говорила она ему, — только вот мужики плохо работают, за всем самой следить надо».

Относительно благополучная жизнь в Марокко вела к тому, что изгнанники реже вспоминали о России. Эмигрантские газеты и журналы, пароходами доставлявшиеся из Европы, приходили с опозданием. Поэтому эмигранты чаще читали местные газеты на французском языке. На работе, на улице, при общении с европейцами и образованными арабами и берберами они разговаривали на том же языке. Все это приводило к постепенному психологическому и культурному отдалению от исторической родины, ко все большему приспособлению к жизни колониального общества. Один из собеседников сетовал в разговоре с

Парчевским: «...национального у нас остается лишь церковь да гастрономия».

Приезжали в Марокко семьями. Но, бывало, создавали их и здесь. Нередко семьи распадались, а бывшие супруги разъезжались. Люди служили, растили детей, мечтали. Умирали: кто в бою с рифами, кто в своей постели, кто на больничной койке. Эмигрантская периодика пестрит сообщениями о кончине соотечественников. Память наиболее известных отмечалась некрологами. Если полистать журнал «Часовой», выходивший с 1929 г. в Париже, можно встретить множество сообщений о завершении земного пути российскими поручиками и ротмистрами, есаулами и полковниками, генералами и адмиралами. И перечень мест последнего упокоения — Рабат, Мекнес, Касабланка. Были и безвестные могилы, затерявшиеся в пустыне или в горах.

Многие сыны России так или иначе познакомились с Марокко. Иные не были постоянными его жителями, а лишь транзитными пассажирами. Особенно много таких транзитников пришлось на 1940—1942 гг., пору вишистского господства. Переселенцы из Франции в США, случалось, задерживались на какое-то время (или их задерживали) в марокканских портовых городах. Среди них были философ Г.П.Федотов, писатель и врач В.Я.Яновский.

Родословные именитых семейств всегда интересны. Интерес возрастает, когда речь заходит о жизнеописании гигантов отечественной истории и культуры, их предков и потомков. В нашем случае он возрастает вдвойне: оказывается, в летописи прямых потомков Л.Н.Толстого имеется марокканская страница. Младший сын великого писателя, Михаил Львович (1879—1944), долго жил в Марокко и закончил там свои дни. Еще до того, как Михаил Львович перебрался вместе с сыном Сергеем Михайловичем из Франции в Марокко, там уже жили другие его дети — дочь Татьяна, сыновья Владимир и Петр. Татьяна была замужем за А.К.Львовым, агрономом, служившим в министерстве сельского хозяйства Марокко. Владимир, дипломированный архитектор, работал в местной строительной фирме «Буайе». Петр имел диплом топографа. Вслед за Михаилом Толстым в Марокко приехала остальная часть семьи — жена Александра Владимировна, дочери Александра и Софья.

Члены семьи Михаила Львовича не жили в Марокко безвыездно. Свое время они делили между Магрибом и Францией. Семья все более дробилась: одни уезжали в Европу, другие в Америку — Северную и Южную. Дочь Михаила Львовича Александра вышла замуж за Игоря Константиновича Алексеева (Станиславского, сына основателя МХАТа). Какое-то время после революции К.С.Станиславский, тесть Александры, еще перепи-

сывался с осевшим в Марокко сыном. Позднее Александра жила с мужем и дочерью во Франции. И.К.Алексеев владел имением в Сиди-Бетташе, близ шоссе Рабат—Касабланка. А управляющим у него работал А.В.Глебов, кстати, брат жены Михаила Львовича, бывший гвардейский офицер, затем шофер такси в Париже.

Дольше других детей рядом с Михаилом Львовичем находились Сергей и Софья. Но и они часто отлучались в Европу. В 1941 г. Софья выходит замуж за Р.Н.Лопухина и уезжает с ним в Канаду. А в октябре 1944 г. М.Л.Толстой умирает в Рабате в клинике Дюбуа (эту клинику после установления советско-марокканских дипломатических отношений посещали обычно работники советских учреждений). Он оставил книгу воспоминаний «Мои родители». Сергей же Толстой был автором мемуаров и научных трудов в области медицины. Именно он издал в Париже в 1989 г. книгу «Дети Толстого», в которой и рассказал о жизни отца, его детей и внуков²⁶.

В 1937 г. Сергей Толстой женился на Ольге Вырубовой, которая намеревалась купить землю в том же Сиди-Бетташе, рядом с имением И.К.Алексеева (Станиславского). От их брака в мае 1938 г. родились близнецы Александр и Михаил, которые иногда наезжали в Марокко.

Осенью 1942 г. внук великого писателя снова оказался в Рабате. Там он стал свидетелем высадки союзников, а затем и участником освобождения Марокко от власти Виши и контроля держав «оси». Как врач, был мобилизован и работал сначала в военном госпитале в Рабате, а затем главным врачом гражданского отделения госпиталя в Мекнесе. Вернувшись после войны во Францию, он прожил там до самой кончины в 1996 г.

Помимо Толстых в Марокко жили представители не менее известных в отечестве славных фамилий — Трубецкие, Шереметевы, Оболенские, Игнатьевы, Гагарины. Вспоминает французская актриса Маша Мериль, урожденная княжна Гагарина: «Однажды мой отец получил предложение от французского правительства возглавить экспериментальную фруктовую плантацию в Марокко (до революции усадьба Гагариных специализировалась на выращивании фруктов). Мой отец с радостью согласился: впервые за годы эмиграции он получил постоянную зарплату. И вся семья... переехала в Марокко»²⁷.

Четыре десятилетия прожила в Марокко пианистка А.Н.Быкова, в замужестве Апраксина, правнучка А.С.Пушкина. В 1932 г. семья Апраксиных переехала из Франции в Касабланку. Глава семьи граф Н.Е.Апраксин работал на заводе инженером, затем открыл собственное небольшое дело. Дочь Апраксиных Мария какое-то время жила с мужем в Береге Слоновой Кости, затем вернулась в Марокко. По словам его советских собеседников, в последние годы жизни Н.Е.Апраксин приходил на все со-

ветские суда, заходившие в Касабланку, смотрел на борту советские кинофильмы и очень тосковал по родине. После смерти мужа А.Н.Апраксина переехала во Францию, где поселилась в доме для престарелых под Парижем²⁸. Скончалась она в 1986 г.

Если потомки аристократов вели семейные хроники, хранили дедовские реликвии, письма родных со всего света, то рядовые эмигранты поступали иначе. В силу принадлежности к иной культурной традиции, находясь к тому же в гораздо более стесненном материальном положении, они не всегда задумывались о сохранности семейных архивов. В итоге мы знаем об эмигрантских буднях большинства «русских марокканцев» меньше, чем о жизни элитарных слоев диаспоры.

Да и обязательно ли устанавливать, кем именно был тот или иной эмигрант, добрые дела которого попадали на газетные полосы, — столбовым дворянином или простолюдином?

Трудясь в различных сферах экономической и культурной жизни Марокко, эмигранты не только зарабатывали средства к существованию. Они вносили посильный вклад в развитие страны. Особенно много сделали в этом отношении геологи, гидрологи, почвоведы. Г.Шуберт некоторое время возглавлял геологическое управление в администрации протектората. Г.О.Щероцкий долгие десятилетия работал в области гидрологии, преподавал минералогию и петрологию в Горной школе Рабата. На горном отделении Инженерной школы подготовил и опубликовал петрологический словарь. Заметный след в изучении почв Марокко оставили Г.М.Брысин и особенно Н.В.Гуськов, который с 1934 по 1940 г. проводил также разведку полезных ископаемых в Северном Марокко. Он же создал общую геологическую карту страны, которой пользуются до сих пор. Жили в Марокко и другие специалисты. Какое-то время там работал врачом К.К.Лозино-Лозинский, выпускник Санкт-Петербургской Военно-медицинской академии и медицинского факультета Флорентийского университета, участник экспедиций Н.К.Рериха в Индию и Тибет. Получал заказы инженер и архитектор В.Н.Литвинов. Историк и филолог Ю.Н.Завадовский готовил в начале 30-х годов к публикации древние арабские рукописи. По возвращении на родину в 1951 г. был научным сотрудником ряда учреждений Академии наук СССР²⁹.

Некоторые видные деятели культуры зарубежья вошли в историю российско-марокканских отношений весьма предметно — своими полотнами, акварелями, гуашью, графикой. Хранятся они в различных музеях мира и частных коллекциях.

Дважды — в 1928 и 1932 гг. — в Марокко побывала З.Е.Серебрякова (урожденная Лансере). В обоих случаях ее поездки финансировал бельгийский меценат барон Броуэр. И делал это не бескорыстно: ставил условием, что выберет и купит все, что

ему понравится из написанного художницей. В 1928 г. Серебрякова побывала в Марракеше, в 1932 г. — в Фесе. Позже она говорила об этих поездках как о самом ярком событии в годы пребывания на чужбине. Сильное впечатление на нее произвели необычность природы, своеобразие жизни, цельность и непосредственность людей³⁰.

Результаты поездок были весьма плодотворными. Только из Марракеша художница привезла 60 этюдов. А.Н.Бенуа называл парижские выставки картин Серебряковой «изумительными». «Своей коллекцией Марокко, — отмечал он, — созданной в течение всего только шестинедельного пребывания, она просто всех поразила: такая свежесть, простота, меткость, живость, столько света». А вот оценка выставки работ художницы в 1932 г. французским искусствоведом К.Моклером. Серебрякова, писал он, «воспроизводит местный колорит Феса и Марракеша с подлинной достоверностью, просто и деликатно, сохраняя при этом всю силу обаяния изображаемого, что могут полностью оценить те, кто долго испытывал на себе воздействие этих неповторимых мест». К.Моклер утверждал, что в отличие от Матисса, который в свое время создал марокканский цикл, живописный темперамент художницы «подкреплен глубоким и упорным изучением натуры». «Никогда еще современное Марокко не было увидено и воспето лучше», — считал он³¹.

З.Е.Серебрякова поддерживала переписку с В.И.Шухаевым, известным живописцем, сценографом, монументалистом, педагогом. Этот художник тоже побывал в Марокко в 1930 г. В поездке он выполнил множество этюдов и зарисовок; некоторые из них позже легли в основу больших полотен. Кисти Шухаева принадлежит портрет Пешкова, которым открывается упоминавшаяся книга об Иностранном легионе. В 1935 г. Шухаев с женой Верой Николаевной, декоратором и дизайнером, вернулся на родину. Но супружеской чете в отличие от семьи Билибина суждено было испытать всю тяжесть беззакония сталинской поры.

В 1937 г. в Париже состоялась выставка произведений молодой талантливой художницы О.М.Бернацкой. Ее рисунки и гуаши тоже составили марокканский цикл. В самом Марокко художница выставилась в Марракеше; две ее картины («Торговые ряды в Марракеше» и «Площадь Джамаа аль-Фна») находятся в марракешском музее. По отзывам специалистов, художнице мастерски удалось запечатлеть все очарование Арабского Востока. Бернацкая дважды посетила Марокко, хотя оба визита не поддаются точной датировке. Самые яркие впечатления о стране оставило первое посещение; художница упорно стремилась снова поехать туда, чтобы поработать более основательно. И ей удалось впоследствии это сделать, воспользовавшись покрови-

тельством властей, которые даже предоставили в ее распоряжение студию³².

Картины, сюжеты которых были навеяны встречей с Марокко, создал также А.Е.Яковлев, один из друзей Шухаева. В середине 20-х годов в течение полугода там жил и творил русский художник Н.В. де Сталь. Сам он об этой встрече с Марокко отзывался так: «Мне понадобилось шесть месяцев в Африке, чтобы понять, в чем именно заключается живопись»³³.

О литераторах-эмигрантах, писавших о Марокко, уже говорилось. Помимо Вас.И.Немировича-Данченко и К.Парчевского (он даже собрал свои газетные очерки о Марокко и выпустил их отдельной книгой) назовем еще несколько имен: Л.А.Фейнберг (выступал под псевдонимом Леонид Гребнев), Н.А.Альнкин (псевдоним Борис Незлобин). Последний с 1927 г. жил в Касабланке, где, видимо, и завершил работу над поэтическим сборником «Сполохи» (издан в Париже в 1960 г.).

В начале 40-х годов жизнь подвергла россиян в Марокко новым испытаниям. Точные данные об участии в мировой войне эмигрантов, живших здесь, или сюда перебравшихся, или просто бежавших от «нового порядка» в Европе, к сожалению, отсутствуют. Имеются лишь разрозненные сведения об этом. Так, В.И.Алексинский писал, что на стороне де Голля выступало множество русских из Северной Африки³⁴. Свидетельство это тем более примечательное, что принадлежит одному из «русских марокканцев», добровольно примкнувших к войскам «Свободной Франции» и прошедших с боями огненные дороги войны.

Два автора — один из них служил в авиации, другой во флоте — получили после победы над фашизмом громкую литературную известность. Особенно бывший летчик — Ромен Гари (Роман Касев). Он стал известным романистом, дипломатом, членом Французской академии. В автобиографической книге «Предчувствие зари» он воспроизводит тяжелую, тревожную атмосферу вишистского безвременья в Марокко, описывает свои скитания по Мекнесу и Касабланке перед дерзким побегом в британский Гибралтар, навстречу боевым будням в одном из подразделений деголлевской авиации³⁵. Что же касается бывшего моряка, контр-адмирала запаса Алекса Васильева, то его перу принадлежит сборник увлекательных новелл «Неизвестные солдаты минувшей войны». В нескольких новеллах он воскрешает пережитое им в Северной Африке, в частности высадку мощного союзного десанта в Марокко и Алжире в ноябре 1942 г.³⁶.

Многие русские вполне осознанно становились в Марокко на сторону антигитлеровской коалиции, включавшей Советский Союз (а для них Россию), и сражались с войсками «оси». Они по праву считали себя победителями над нацизмом и фашизмом, гордились этим.

Но их радость и гордость омрачались суровой реальностью: эмигранты не имели возможности разделить свои чувства с соотечественниками на родной земле. Отсюда психологическое напряжение, свойственные многим эмигрантам комплексы. По-прежнему угнетало отчуждение от остальных жителей страны, сознание собственной второсортности, независимо от социального статуса и материального положения. В середине 60-х годов наблюдателю, сколько-нибудь знакомому с жизнью Марокко, бытом его жителей, бросалось в глаза следующее обстоятельство. Если местные французы, полтора десятилетия назад потерявшие политическую власть над Марокко, все еще пытались вести себя как «хозяева», пусть и бывшие, если местные испанцы и итальянцы, как и ранее, видели себя привилегированными группами населения, если американцы считались все же приемлемыми, то у местных русских просто на лицах было написано, что они иммигранты. Иными словами, люди, которые при любых обстоятельствах не очень-то уверены в своем будущем. Настроения неуверенности усилились после того, как в 1965 г. король Хасан II провозгласил политику «марокканизации», по сути затрагивавшую все стороны жизни страны. Начался отток иностранцев, среди которых были владельцы земли, предприятий, доходных домов, фирм, туристических агентств. На глазах менялся состав населения, прежде всего городского.

Все это не могло не тревожить остатки диаспоры. Ведь новые марокканские власти не очень-то считались теперь и с местными французами, за которыми стояла бывшая метрополия, одна из ведущих держав. А им-то, российским изгоям, помощи ждать было неоткуда.

И хотя Европа по-прежнему подступала своим испанским берегом почти вплотную — ведь марокканское побережье и скалы Гибралтара разделяют какие-нибудь 15 км, — самая родная для них часть этой Европы, именуемая Россией, была дальше любой дали. До нее, до России, пролегал путь в семь десятилетий.

Немногим довелось пройти этот неимоверно долгий путь и встретиться с возродившейся Россией.

И все же такие люди есть!

Среди них графиня Мария Шереметева, прожившая в Марокко 60 лет. В 1998 г. в газетах промелькнуло сообщение: старейшей представительнице аристократического рода вручен в Рабате российский паспорт. Всю свою жизнь прожила эта женщина, покинувшая Россию маленькой девочкой, с «паспортом беженца». Но так и не согласилась отдать свое гражданство ни одной из стран, которые предлагали ей сделать это³⁷. Так произошло на марокканской земле это удивительное возвращение из России в Россию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Россия—Марокко: история связей двух стран в документах и материалах (1777—1916). Авт. и сост. Н.П.Подгорнова, под ред. А.М.Васильева, Ю.В.Луконина, П.В.Стегния, А.А.Ткаченко. М., 1999.

² Здесь и далее факты из истории русско-марокканских отношений даются по: Мусатова Т.А. Россия. Марокко: далекое и близкое прошлое. М., 1990.

³ См.: Васильев В.А. Legionеры чести. — Родина. М., 1993, № 8—9, с. 98—100.

⁴ О военно-политической стороне этой оккупации писали многие отечественные историки. О бытовой, чисто человеческой, известно меньше. С неподражаемым юмором вспоминала атмосферу встречи одесских обывателей и «марокканских оккупантов» из французского десанта Надежда Тэффи (см.: Тэффи Н.А. Житье-бытье. Рассказы. Воспоминания. М., 1991, с. 342).

⁵ См.: Студенческие годы. Прага, 1923, № 1, с. 37—40; № 5, с. 32—34.

⁶ Раньше писать о легионе объективно мешало идеологическое табу, ибо он все время сражался против дружественных СССР народов — вьетнамского, египетского, алжирского. Но и в новой России средства массовой информации, особенно электронные, вновь возвращаясь к этой теме, подчас приносят объективность в жертву сенсационности.

⁷ Иллюстрированная Россия. Париж, 1927, № 8.

⁸ Иллюстрированная Россия. 1933, № 36.

⁹ Трагедия казачества. М., 1994, с. 307, 396—397, 424—425. См. также журнал «Дон», Ростов-на-Дону, за 1990—1991 гг.

¹⁰ Морские записки. Нью-Йорк, 1954, XII, № 3. Вместе с Рагозиным в испанской авиации с 1923 г. служил капитан В.М.Марченко.

¹¹ Часовой. Париж, 1930, № 23, с. 2. Возрождение. Париж, июнь 1959 г., тетрадь 90, с. 91—101; Часовой, 1971, № 535; Яремчук А.П. Русские добровольцы в Испании, 1936—1939. Сан-Франциско, 1983, с. 253—254, 365.

¹² Никулин Л. Письма об Испании. М., 1931, с. 223—237.

¹³ З.М.Пешков (Свердлов) — старший брат Я.М.Свердлова, крестник А.М.Горького. Генерал французской службы и дипломат. Участник Сопротивления.

¹⁴ См.: Пархомовский М. Сын России, генерал Франции. М., 1989, с. 182—187.

¹⁵ Немирович-Данченко В. Наши в даях. — Всеславянский календарь. «Пламя». Прага, 1926, с. 98.

¹⁶ Своим путем. Прага, 1926, № 8-9, с. 36—40.

¹⁷ Часовой, 1930, № 31.

¹⁸ Студенческие годы, 1923, № 5, с. 32—34.

¹⁹ Часовой, 1936, № 173, с. 7.

²⁰ Возрождение. Париж, 1956, тетрадь 51, с. 134; Монастырев Н.А. Гибель царского флота. СПб., 1995, с. 122; Иллюстрированная Россия, 1925, № 26; Часовой, 1931, № 67. Отчет о деятельности Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей (февраль 1921 — апрель 1922 г.). Париж, 1929, с. 13, 28.

²¹ К.К.Парчевский — журналист, печатался с 1920 по 1941 г. в парижских «Иллюстрированной России» и «Последних новостях». Главная тема очерков — трудные эмигрантские судьбы. В 1941 г. вернулся на родину.

²² Парчевский К. Русские углы. — Вокруг света. М., 1996, № 1, с. 63–66.

²³ Казак. Париж, 1933, № 1, 3–4; Казаки за границей. София, 1934, с. 101; Вольное казачество. Прага, 1935, № 170, с. 24–25.

²⁴ Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия (1868–1946 гг.), изложенные по его рассказам Т.Манухиной. Париж, 1947, с. 548–554.

²⁵ Русская православная церковь за границей, 1918–1968. Т. II. Нью-Йорк, 1968, с. 1252–1293; Игумен Ростислав (Колупаев). Русские в Магрибе. — Русская мысль. Париж–Москва, 24–30 сентября 1998 г.

²⁶ Толстой С.М. Дети Толстого. Тула, 1994, с. 202–204, 209.

²⁷ См.: Ferrand J. Les princes Obolensky. Recueil généalogique et photographique (31e, 32e, 33e et 34e générations). Р., 1992; Русская мысль. Москва–Париж, 2–8 октября 1997 г.

²⁸ Русаков В.М. Уважены за имя. Рассказы о потомках А.С.Пушкина. М., 1987, с. 228–229.

²⁹ Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. Париж, 1971, с. 132–134; Мулибанг С.Д. Биобиблиографический словарь советских востоковедов. М., 1977, с. 207.

³⁰ Князева В.П. Зинаида Евгеньевна Серебрякова. М., 1979, с. 184–194. См. также: Северюхин Д.Е., Лейкинг О.Л. Художники русской эмиграции. СПб., 1995, с. 93.

³¹ Серебрякова З. Письма. Современники о художнице. М., 1987, с. 92, 199; Серебрякова З. К 100-летию. М., 1986, с. 93.

³² Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия, с. 271; Северюхин Д.Е., Лейкинг О.Л. Художники русской эмиграции, с. 530.

³³ Иллюстрированная Россия, 1938, № 22; Временник Общества друзей русской книги. Париж, 1925, с. 37.

³⁴ Алексинский В.И. Несколько слов о русских добровольцах в рядах «Войск Свободной Франции». — Вестник Русских Добровольцев, Партизан и Участников Сопротивления во Франции. Париж, 1947, с. 23–27.

³⁵ Gary R. La promesse de l'aube. Paris, 1980.

³⁶ Vassilieff Alex. La guerre des soldats inconnus. Nice, 1991.

³⁷ Новые Известия. М., 16.05.1998.

Ю.В.Луконин, С.С.Новиков

РОССИЯНЕ В ТУНИСЕ

По составу своему контингент беженцев наполовину состоит из крестьян, казаков и рабочих; остальная половина — из молодежи (учеников средних учебных заведений и студентов), офицеров флота и лиц интеллигентных профессий (докторов, юристов, священников, чиновников и т.п.)... При небольшом размере средств все-таки можно помочь тунисийским беженцам... Первые предприятия общественного характера пробудят энергию и веру в измученной, забитой беженской массе, предоставленной самой себе, без всякого руководства, без знания языка и условий быта.

(Из доклада представителя Русского Красного Креста П.П.Перфильева «Русские беженцы в Тунисии», лето 1921 г.)

Восточная часть Арабского Магриба также стала прибежищем для российских изгнанников. Там, на земле легендарного Карфагена, был расположен еще один французский протекторат — Тунис.

Несколько слов о стране, которую еще в начале XX в. называли у нас Тунисией, а ныне по названию ее столицы именуют просто Тунисом.

В 1881 г. Тунис, населенный арабами и в меньшей степени берберами, формально считавшийся владением Османской империи, был захвачен Францией. Париж навязал тунисским беям сначала договор, а затем (в 1883 г.) конвенцию, которая закрепляла установление французского протектората над страной. Уже в 80—90-е годы XIX в. в стране начали селиться выходцы из Европы.

Первым россиянином, посетившим Тунис и описавшим страну и ее обитателей, был морской офицер Матвей Коковцов. Было это в царствование Екатерины II, в 1776 г. В XIX в. в этой стране вели географические, этнографические и антропологические исследования П.А.Чихачев и А.В.Елисеев. В тунисские порты нередко заходили русские военные корабли.

В странах Средиземноморья развивался туризм. В начале XX в. развалины древнего Карфагена и другие достопримечательности привлекали немало любознательных и, добавим, состоятельных людей из различных стран Европы. Были среди них и россияне. Так, в 1911 г. в Тунисе побывал поэт Андрей Белый, обстоятельно описавший поездку. В 1914 г., в самый канун мировой войны, в Тунис приехал талантливый молодой художник Александр Рубцов, да так и остался там (умер он в 1949 г.), навсегда войдя в историю обеих культур.

В годы Второй мировой войны на долю Туниса выпали тяжкие испытания. В июне 1940 г. он оказался под властью правительства Виши, ориентировавшегося на Гитлера и Муссолини. С ноября 1942 г. по май 1943 г. тунисская территория была полем ожесточенных сражений между войсками держав «оси» и высадившимися в Магрибе в ноябре армиями союзников. Военные действия сопровождались страданиями и гибелью людей, разрушением хозяйства. Однако разгром итало-германских войск и их капитуляция в мае 1943 г. привели не к освобождению страны, а наоборот, к восстановлению колониальной зависимости. Реформирование режима началось лишь после войны.

Таков вкратце общеисторический фон, на котором происходило формирование русской общины Туниса¹.

Тысячи русских людей прибыли в Тунис в конце 1920 г. на борту военных кораблей. Этому предшествовало соглашение между двумя ведущими державами Антанты. В начале декабря 1920 г. Франция договорилась с Англией, что примет Русскую эскадру, созданную на базе бывшего Черноморского флота. Соглашение имело скорее материальную, чем гуманитарную основу. Франция, один из основных кредиторов белого движения, превратила эскадру в залог погашения военных кредитов (не забывала она и о довоенных царских долгах)².

Переход Русской эскадры из Константинополя в Бизерту осуществлялся в декабре 1920 — январе 1921 г. четырьмя эшелонами, в сопровождении французских военных кораблей. 22 и 23 декабря 1920 г. первые корабли бросили якорь в водах оз. Бизерта, где размещалась французская военно-морская база Сиди-Абдалла. Находящийся поблизости город носит то же название — Бизерта. В начале января 1921 г. сюда пришли основные силы эскадры: два броненосца, два крейсера, десять миноносцев, пять канонерок, четыре подводные лодки, тральщик, девять

вспомогательных и транспортных судов. Два корабля вообще не входили в состав Черноморской эскадры: «Якут» прибыл из Владивостока, «Китобой» — с Балтики.

Во время перехода эскадры из Турции в Тунис ею командовали вице-адмирал М.А.Кедров и начальник штаба контр-адмирал Н.Н.Машуков (они же осуществляли командование и в Тунисе, но недолго). В число руководителей входили также контр-адмиралы П.П.Остелецкий, М.А.Беренс, А.М.Клыков, капитан 2-го ранга М.В.Копьев (отряд подводных лодок), генерал-лейтенант инженер-механик флота М.П.Ермаков (отдел вспомогательных кораблей), другие высшие и старшие офицеры. Общая численность экипажей судов, членов их семей и не связанных непосредственно с флотом беженцев превышала 5 тыс. человек³.

Таким образом, в Тунис попало примерно в три раза меньше эвакуированных и бежавших россиян, чем в Египет. Но между беглецами из Крыма (и прочих мест), оказавшимися соответственно в Египте и Тунисе, была не только численная разница. В Египет прибыла дезорганизованная масса военных чинов и гражданских лиц. В Тунис же в боевом строю пришла эскадра, насчитывавшая 30 вымпелов, т. е. значительная военная сила. И если в первом случае все эвакуированные, в том числе военные, быстро оказались на положении бесправных беженцев, а вскоре и эмигрантов-апатридов, то во втором переход к статусу эмигранта проходил постепенно и растянулся на несколько лет. Такая постепенность придавала жизни русских на тунисской земле определенную специфику.

На первых порах хозяева протектората обеспечивали продовольствием всех прибывших русских. Но уже в начале 1921 г. количество пайков стали сокращать. В итоге людям, не связанным напрямую с эскадрой (казаки, чиновники врангелевской администрации, студенты), пришлось самим заботиться о пропитании. А ведь среди них были не только безусые юнцы, но и отцы семейств.

Численность русской колонии постоянно колебалась: увеличивалась, когда часть экипажей списывалась на берег, уменьшалась, когда многие в расчете на лучшую долю уезжали во Францию, Югославию, Чехословакию. Но и остававшиеся не считали Тунис постоянным пристанищем. Многие надеялись на скорое падение власти большевиков и возвращение к родным очагам. Коротко говоря, текучесть диаспоры, постоянные миграции были в межвоенный период едва ли не самой характерной чертой эмигрантского существования. Если часть моряков и гражданских беженцев перебиралась в Европу, то другие предпочитали соседние страны Магриба. Причем в обоих случаях не всегда по собственной инициативе. Квалифицированные специалисты бы-

ли нужны и в метрополии, и в Алжире, и в Марокко. А таких людей среди морских офицеров всегда хватало. Вот и заманивали россиян французские вербовщики — и государственные чиновники, и доверенные лица частных фирм. Кого во Францию (временами, конечно), кого в иные места французской колониальной империи. Если говорить о русских общинах Марокко и Алжира, то картина здесь предельно ясна: обе неизменно прирастали за счет русской колонии Туниса.

Между тем корабли эскадры по-прежнему стояли на якоре на внутреннем рейде Бизерты. Сменилась ее командная верхушка, новым командующим стал контр-адмирал М.А.Беренс, начальником штаба — контр-адмирал А.И.Тихменев. Быстро прошла эйфория торжественной встречи (французское правительство представляла победитель при Вердене маршал Петен), потекли однообразные будни. И вскоре начались разного рода неприятности.

Провиантом прибывших русских снабжали со складов французской армии. Некая часть снабжения осуществлялась стараниями американского и французского Красного Креста. Со временем количество французских пайков и их размеры начали сокращаться, а ассортимент — ухудшаться. Сокращение ударило по личному составу эскадры. Его тоже пришлось уменьшать: к январю 1922 г. до 1500, а к лету того же года — до 500—550 человек. Это означало перевод на берег многих моряков и ухудшение снабжения офицерских семей.

Списание на берег влекло за собой нехватку жилья. Проблема эта вскоре проявилась со всей остротой. Тогда в плавучее общежитие быстро переоборудовали бывший броненосец «Георгий Победоносец», где поселили семейных моряков. Как вспоминают участники событий, флотские острословы тут же окрестили броненосец «бабаносцем». Остальных разместили в лагерях, оборудованных под Бизертой и с самого начала предназначенных для гражданских беженцев. Со временем русские землячества возникли в разных местах — в самой столице протектората, г. Тунисе, в Сусе, Сфаксе, Гафсе, на рудниках, в сельских районах и даже в далеких южных оазисах на границе с Сахарой. В г. Тунисе на каждой улице можно было услышать русскую речь.

О жизни и быте обитателей лагерей сохранились яркие свидетельства. Возьмем наиболее известный из лагерей — Сфаят, в котором поначалу размещались семьи многих преподавателей и офицеров-воспитателей Морского корпуса⁴ (сам корпус располагался в одном километре от лагеря). В Сфаяте были возведены деревянные бараки под черепичными крышами. Семейным выделялись отдельные комнаты. Одинокие жили в помещениях казарменного типа, где каждая койка отделялась от другой занаве-

сями из одеял. Женщины не только шили обмундирование для гардемарин и кадетов, но и ради заработка выполняли заказы французских интендантов. Мужчины в свободное от службы время тачали сапоги. Для пополнения продовольственных ресурсов Морского корпуса было создано подсобное хозяйство; в нем разводили птицу, свиней, коз, кроликов. В лагере были своя столовая, больница на 40 коек, гостиница, скорее ночлежка, богадельня и нечто вроде приюта для временных безработных. Позже при поддержке Земгора создаются мастерские — пошивочная, плотницкая, кустарных художественных изделий, а также мыловарня и прачечная. Был в лагере и собственный магазин, торговавший всем понемногу. Со временем в Сфаяте была открыта библиотека, располагавшая книгами, журналами, газетами, преимущественно на русском языке.

Оставшиеся на кораблях моряки продолжали нести свою, теперь вдвойне нелегкую, службу. Надо было содержать в порядке вооружение, механизмы, машины; зачастую это приходилось делать офицерам, ибо матросов не хватало. Надлежало проводить учения по боевой подготовке, осуществлять текущий и, с помощью французов, доковый ремонт.

Многое зависело от организации досуга моряков. В новых, непривычных условиях, вдали от родных мест проще простого было опуститься, спиться от тоски. Вот почему всячески поощрялись различного рода кружки, занятия спортом, чтение.

Для молодых офицеров командование организовало учебу. Функционировали артиллерийский класс, класс судовождения, подводного плавания. Особое внимание уделялось Морскому корпусу, в полном составе эвакуированному из Севастополя. Новый директор корпуса вице-адмирал А.М.Герасимов (он сменил на этом посту вице-адмирала С.Н.Ворожейкина) добился от властей выделения учебных помещений на берегу, в бывших казармах форта Джебель-Кебир (по-арабски — «Большая гора»; иногда его называют кратко — Эль-Кебир). В 1921 — 1922 гг. в корпусе обучалось 235 гардемарин и 110 кадетов. В штат преподавателей и офицеров-воспитателей входили 60 человек; обслуживающий персонал насчитывал 40 человек. С января 1921 г. по май 1925 г. корпус осуществил пять выпусков морских офицеров. Почти лишенный средств, учебных пособий, корпус, по мнению первоисследователей проблемы, сохранял в юношах веру, дисциплину и чувство долга.

Параллельно с сокращением личного состава эскадры упразднялись роты гардемарин, заканчивавших курс обучения. К маю 1925 г. таких рот в Джебель-Кебire вообще не было. Большинство бывших гардемарин уехало в Европу — во Францию, Бельгию, Чехословакию. Некоторые из них были приняты на службу в ВМС Франции, а также Югославии. Повезло и тем,

кому предоставили возможность продолжать учебу как стипендиатам. Так, 26 гардемаринов выпуска 1922 г. были приняты на математический факультет Сорбонны (Париж)⁵.

Тем временем отношение французских властей к эскадре, ее экипажам и командирам ухудшалось. Не довольствуясь сокращением личного состава и упразднением гардемаринских рот, они взялись и за корабли. Прежде всего, полностью изъяли боекомплект к различным видам корабельного вооружения. Впрочем, не без основания.

По сведениям врангелевской контрразведки, среди матросов сильны были пробольшевицкие настроения. Замечены они были еще до эвакуации из Крыма, и именно тогда командование в срочном порядке стало разбавлять кадровые судовые команды более надежными с точки зрения верности белой идее солдатами и офицерами, но абсолютными профанами в морском деле. Были среди них и казаки, и юнкера, и гимназисты. Сам генерал Врангель не строил на сей счет никаких иллюзий. В сентябре 1920 г. ему был совершенно ясен, по его собственным словам, «сборный, случайный, неподготовленный состав команд». Падение уровня морского профессионализма привело, в сочетании со штормовой обстановкой, к ряду серьезных аварий во время перехода эскадры через Средиземное море. Все это отнюдь не было секретом для французских спецслужб. Вот почему русским адмиралам трудно было спорить с командованием военно-морской базы Бизерты. А оно настойчиво требовало разоружения кораблей и списания экипажей (отнюдь не только из соображений экономии флотских пайков) на берег⁶.

Начали французы с малых кораблей. Чтобы восполнить недавние потери французского флота в мировой войне, отобрали транспорт-мастерскую «Кронштадт», ледокол «Илья Муромец», танкер «Баку», спасательное судно «Черномор». В порядке погашения царских долгов передали частным судовладельцам четыре канонерки, два транспорта, тральщик, буксир, посыльное судно.

Пока тогдашние хозяева Туниса не трогали крупных боевых кораблей. Как вскоре выяснилось, их ждала иная судьба. Напомним, что 28 октября 1924 г. Франция признала СССР и установила с ним дипломатические отношения. Одним из пунктов на франко-советских переговорах о признании был вопрос о Русской эскадре в Бизерте. Париж согласился передать эскадру Москве. И уже на следующий день после признания СССР правительством Эррио на всех судах эскадры Андреевский флаг был спущен. А 30 октября военно-морской префект Бизерты адмирал Эксельманс объявил о том, что французские власти протектората прекращают всякую поддержку эскадры⁷. Одновременно в знак протеста против такого решения своего правитель-

ства он подал в отставку. Один эмигрантский автор горько прокомментировал незаурядный поступок французского военачальника: «...Нашелся лишь один адмирал, который посмел пойти на резкий протест, и адмирал этот, к нашему стыду, был французской службы, с которой он и ушел»⁸.

Французские власти нервничали. Они опасались реакции моряков, возмущенных резким поворотом Парижа в сторону Кремля. Нельзя было исключить актов саботажа: иные отчаянные матросские головы могли причинить судам ущерб, заминировать их, а то и открыть кингстоны и затопить. Но командующий эскадрой Беренс заверил французов, что ничего подобного не случится. Его поручительство было передано прибывшей в конце декабря 1924 г. советской технической комиссии во главе с известным кораблестроителем академиком А.Н.Крыловым⁹.

После тщательного осмотра эскадры комиссия составила список судов, которые должны были быть переданы СССР. В него вошли броненосец «Генерал Алексеев», шесть миноносцев, четыре подводные лодки. Поскольку не все корабли были в технически удовлетворительном состоянии, комиссия потребовала произвести необходимые ремонтные работы. Франция эти требования отклонила. Тогда свои услуги предложила Италия¹⁰.

Однако Москва так и не дождалась передачи обещанных кораблей. В Западной Европе поднялась волна протестов против выполнения франко-советской договоренности по части передачи эскадры. Большинство государств опасалось, что это приведет к чрезмерной активизации советской внешней политики. Особенно были встревожены правительства причерноморских и прибалтийских стран. С ними соглашалась и Англия. Только Швеция и Италия занимали нейтральную позицию¹¹. Острая дискуссия развернулась в Лиге Наций. Да и в самой Франции, прежде всего в сенате и колониальных кругах, громко заговорили о советской угрозе французским заморским владениям и морским коммуникациям. От имени российской эмиграции с резким протестом выступил П.Н.Врангель.

Враждебная Советам кампания сделала свое дело. Франция уклонилась от выполнения соглашения по флоту. Корабли эскадры остались в Бизерте, но их судьба была незавидной. Лишенные необходимого повседневного ухода и с годами капитального ремонта, суда, несмотря на попытки консервации механизмов, ветшали, утрачивали мореходные и боевые качества. Одни из них французы успели продать тем или иным странам. Другие были обречены на демонтаж, продажу на металлолом. В обоих случаях экипажи снимали корабельные орудия, отсоединяли замки к ним, а затем сбрасывали те и другие в море. Последним подвергся разборке броненосец «Генерал Алексеев».

Незавидной была и судьба экипажей. Часть моряков покинула Бизерту, перебравась в Европу и на другие континенты. Другая осела в Тунисе на временное или постоянное жительство.

Говоря о русской колонии в Тунисе, историки, и особенно публицисты, обычно делают основной упор на трагедии эскадры. Более того, зачастую вообще ограничиваются военно-морским аспектом темы. Это не совсем справедливо. При таком подходе на первый план невольно выходят корабли, а люди, экипажи явно обделяются вниманием. Не будем забывать и о другом: помимо моряков в Тунис попали тысячи россиян, прибывших на кораблях в качестве пассажиров. Долгие годы, и даже десятилетия, многие из них жили и трудились в этой стране.

Итак, что же происходило с местными русскими — и бывшими морскими чинами, и прочими — после спуска с флагштоков Андреевского флага? В беженских лагерях страны, а именно туда пришло в конце 1924 — начале 1925 г. значительное флотское пополнение, было немало высокообразованных людей, специалистов широкого профиля, с хорошим знанием иностранных языков. Морские офицеры всегда входили вместе с верхушкой гвардейских кавалерийских полков в элиту российской императорской армии. Да и рядовой и унтер-офицерский состав экипажей набирался обычно из горожан, в первую очередь квалифицированных рабочих. Стало быть, моряки, решившие осесть в Тунисе, могли в принципе рассчитывать на получение работы. И они ее находили, правда, чаще не такую, которая отвечала бы их квалификации, поскольку они не были гражданами Франции.

Одним из условий постоянной работы была натурализация (отказ от российского гражданства и приобретение французского). Власти протектората даже поощряли в 20—30-е годы натурализацию европейцев, в том числе русских. Расчет был прост: они были заинтересованы в том, чтобы французская община, пополнявшаяся за счет натурализовавшихся, численно превышала бы итальянскую. Дело в том, что с приходом в начале 20-х годов к власти в Италии Муссолини итальянские притязания на Тунис, восходящие к последней четверти XIX в., получили новый импульс. А для проведения в жизнь своих экспансионистских замыслов в отношении Туниса Рим очень рассчитывал на местную итальянскую общину¹².

Со временем состав беженских лагерей менялся и сокращался; в основном в них оставались женщины и дети, инвалиды и больные. Работоспособные мужчины отправлялись на заработки. Найдя работу, они выписывали к себе родственников. Заключались браки; молодые семьи стремились создать очаг за пределами лагерей. Иные юноши и девушки отваживались на рискованные шаги: уезжали на учебу или просто в расчете на удачу в Европу, благо она была рядом.

И в Тунисе нашим соотечественникам приходилось в поисках постоянного рабочего места забывать о самолюбии. Доставалось всем — дворянам, интеллигентам, простолюдинам. Просто первым было труднее переносить оскорбительные для самолюбия испытания. О прежних престижных профессиях и способах заработка приходилось забывать и привыкать к новым. Юристы и филологи вынуждены были становиться сапожниками или поварами. Появилась тунисская разновидность египетских «сигаретчиков» — «бисквитчики». Так называли здесь уличных торговцев. При этом считалось, что этим людям еще повезло. А неудачниками были, по мнению земляков, те, которые работали грузчиками, шахтерами, сельскохозяйственными рабочими на виноградниках, апельсиновых и оливковых плантациях и фермах европейских колонистов, трудились землекопами на прокладке подземных магистралей или тянули телеграфные линии через сахарские пески. Еще один немаловажный момент. Соглашаясь на любые условия труда, русские невольно становились конкурентами местных труженников (арабов и берберов, итальянцев) и тем самым вызывали к себе неприязненное, если не враждебное отношение. Борьба из-за рабочих мест, даже между мелкими торговцами, приобретала жесткий характер.

На первых порах все же можно было найти занятия, приносившие какой-то доход. Со временем, однако, делать это становилось все труднее. В особенно тяжелом положении оказались высшие и старшие командиры бывшей эскадры. Люди преклонного возраста, не имевшие гражданских специальностей, не обладавшие крепким здоровьем, а главное, тяжелее других переживавшие крах идеалов, служению которым была отдана еще со времен Порт-Артура и Цусимы вся жизнь, с большим трудом адаптировались к новой реальности. Надежды на то, что французские власти как-то позаботятся о них, не оправдались. Вот и получалось, что вице-адмирал Ворожейкин начал с разведения кроликов и коз, продажи молока, одно время был даже кладбищенским рабочим, а в конце концов получил место бухгалтера в одном из учреждений общественных работ. Контр-адмирал Беренс шил и продавал женские сумочки, работал в типографии. Генерал-майор Завалишин трудился сторожем во французском лицее. Командир миноносца «Жаркий» А.С.Манштейн делал домашнюю мебель, мастерил на продажу байдарки, а его жена трудилась горничной.

Не могли найти достойного применения своим знаниям и многие гражданские беженцы. В силу объективных причин в Тунисе спрос на специалистов был вообще ограничен. Далее, большинство россиян не желало, как и в Египте или Марокко, расставаться с российским гражданством. Получить же должность в структурах протектората можно было лишь при усло-

вии все той же натурализации. И опять мы вынуждены возвращаться к такому своеобразному работодателю, как Иностранный легион. На тунисской земле через вербовочные пункты легиона прошло немало бывших пассажиров русских кораблей, прибывших сюда из крымских портов. В их числе были кубанские и донские казаки, бывшие студенты, чиновники. Для всех тех, кто не нашел работы, но мог носить оружие, оставался еще легион или другие части колониальных войск, например Французская африканская армия (ФАА). По некоторым оценкам, в Тунисе в легионе, а также в ФАА служили сотни русских. В составе легиона впервые был сформирован кавалерийский полк, в котором только командир и его заместители были французами, а остальные бойцы — рядовые, сержанты, офицеры — все были казаками. Полк дислоцировался в районе г. Сус; его подразделения охраняли конными разъездами также границу протектората с итальянской колонией Ливией.

Служба в легионе не могла, конечно, вызывать симпатий у коренного населения Туниса к тем русским, которые, как и легионеры иных национальностей, участвовали в карательных операциях. В тех самых, о которых Николай Туроверов, бывший донской подъесаул, а затем известный поэт и легионер, скажет:

Нам все равно, в какой стране
Сметать народное восстание,
И нет в других, как нет во мне,
Ни жалости, ни сострадания¹³.

Как и в других африканских странах, беженцы пытались как-то сплотиться, создать собственные организации — залог выживания. Организации и объединения могли носить исключительно общественный и благотворительный характер. Правовой режим протектората запрещал иностранцам основывать общества политической направленности. Впрочем, членам таких обществ не возбранялось публично выражать свои взгляды и мнения о положении в России и мире.

Еще на эскадре был создан Комитет защиты интересов беженцев в Северной Африке. Затем, уже на берегу возникли объединения офицеров полков бывшей Добровольческой армии — алексеевцев, корниловцев, дроздовцев, марковцев. Затем было создано общество гардемарин, выпускников Морского корпуса. Формировались, как водится, филиалы (отделы) ветеранских объединений, центры которых находились в Европе. Например, Союза русских комбатантов (ветеранов войны), его главой был вице-адмирал Ворожейкин, Общества русских офицеров (руководитель тунисского отдела — подпоручик Б.Шкунов). Со временем в стране была сформирована общая организация военных — Союз русских офицеров, — которую возгла-

вил капитан 1-го ранга Лебедев. При нем был учрежден суд чести (председатель — генерал-майор В.М.Власов)¹⁴. Группировались и невоенные элементы эмигрантского сообщества. Так, возникло Русское собрание. Просуществовало оно недолго; здание, где размещалось собрание, уже в конце 1922 г. занял Студенческий союз. В Тунисе, по сообщениям эмигрантских изданий, находилось до 600 бывших студентов. Правда, сюда по инерции зачисляли и студентов, служивших в Иностранном легионе. Формально же вступать в любые общественные и тем более политические организации легионер никак не мог: он подписывал на этот счет строжайшее обязательство. Союз установил связи со студенческими эмигрантскими центрами в Париже и Праге, примкнул к международной студенческой организации. В его руководство входили П.Т.Проценко (председатель), П.Г.Орсич, Г.В.Батулин, В.П.Сахаров и Смирнов. Бывший председатель Я.С.Яценков представлял союз в Париже. Таким образом, если исключить заочное членство легионеров (300—400 человек), то окажется, что в Студенческом союзе в Тунисе насчитывалось несколько более 200 членов.

Руководство эмиграции в странах Европы было обеспокоено судьбой студентов, попавших на Африканский континент. Оно усматривало в студенческой молодежи будущее России. Отсюда стремление облегчить их участь, а в перспективе добиться получения стипендий для продолжения образования во Франции, Югославии, Чехословакии, Болгарии. В эмигрантских центрах рассчитывали при этом на субсидии не только отдельных правительств, но и Лиги Наций. Не пренебрегали и поддержкой международной студенческой общественности. Известно, например, что практическими аспектами помощи русским студентам, находившимся в Африке, занимался Международный студенческий съезд, собравшийся в 1922 г. в Лейпциге¹⁵.

Серьезные усилия предпринимались для вызволения студентов из Иностранного легиона. Делать это было не так-то просто: студенты-легионеры были добровольными контрактниками, и французский закон был отнюдь не на их стороне. К большому удовлетворению русской колонии в Тунисе, удалось уберечь от вступления в легион большинство гардемарinov, закончивших Морской корпус в Бизерте. Почти весь выпуск 1922 г., более 80 человек, был переправлен в Чехословакию, где выпускники смогли продолжить учебу.

Самоорганизация, внутренняя структуризация общины давала определенные плоды. Появилась возможность оказания самопомощи. Начал проводить кредитные и снабженческие операции Русский кооперативный союз, что приносило его пайщикам определенную выгоду. Посильную помощь оказывали местные отделы Земгора (патронаж над школами, библиотеками, бюро тру-

да, столовыми, лечебницами для беженцев). Немалые средства Земгора расходовались на культурно-просветительные нужды. Из Франции в Тунис регулярно доставлялись крупные партии книг, периодических изданий, которые пополняли библиотечные фонды русской общины. Часть книг и журналов передавалась в порядке помощи русским землячествам Алжира и Марокко¹⁶.

На территории Туниса действовал также отдел РОВСа. Возглавляли его, как правило, бывшие моряки.

Нельзя не упомянуть эмигрантские издания, выходившие на тунисской земле. Ориентированы они были в основном на молодого читателя. Под руководством капитана 2-го ранга Н.А.Монастырева¹⁷, командира подводной лодки «Утка», в Бизерте с 1921 г. выходил первый журнал русского морского зарубежья — «Морской сборник». За пять лет вышло три десятка номеров. Сюда надо добавить еще четыре выпуска «Журнала Кружка Морского училища», издававшегося молодыми энтузиастами из числа военных моряков. В первые годы изгнания в стране пользовались популярностью и «гражданские» журналы общественного и литературно-художественного профиля. К ним относились «Студенческий листок» (издание Центрального бюро по объединению студенческих организаций в Северной Африке), «Скорпион» (юмористический, редактор — капитан Игнатъев), «Черная лилия» и «Жили-были» (редактор — А.Воеводин). Журналы издавались в трудных условиях; редакции испытывали постоянную нехватку денег, бумаги, множительной техники (шапирографы и гектографы). И все же Монастыреву и его помощникам удалось развернуть небольшую типографию. В журналах начинали свою литературную жизнь молодые писатели и поэты; некоторые из них впоследствии снискали известность далеко за пределами Туниса.

Ветеранские, студенческие объединения, редакции журналов служили важными очагами общественной жизни. Но главным ее средоточием оставались православные приходы. Они создавались всюду, где существовали русские землячества. Самыми крупными являлись приходы в городах Бизерта и Тунис.

Первый приход в столице организовал еще в конце 1920 г. протоиерей Константин (Михайловский), успевший завоевать симпатии не только соотечественников, но и местных арабов и греков. Начиная он с проповедей в греческом православном храме. Первый собственно русский православный храм был основан в начале 1921 г. в одном из помещений форта Джебель-Кебир. Иконостас был взят с крейсера «Генерал Корнилов», а всю церковную утварь изготовили умельцы из прихожан. Церковными колоколами служили снарядные гильзы и судовые колокола. Нашлись и собственные иконописцы; «своя» икона была выполнена в древнерусском стиле. О строительстве постоянного

храма в первые годы еще не думали, ибо все зависело от дальнейшей судьбы эскадры. Пока же многое оставалось слишком зыбким и неопределенным.

Православная паства гордилась своими духовными наставниками. Наибольшую известность получил протоиерей Георгий (Спасский). Отец Георгий родился в 1877 г. Закончил Московскую духовную академию, был законоучителем в Вильне, настоятелем собора в Севастополе, главным священником Черноморского флота; с ним и ушел сначала в Константинополь, а затем в Бизерту. Его отличали высокая образованность и ораторский талант. С прихожанами он общался во время постоянных перемещений по Тунису — с корабля на корабль, из лагеря в лагерь, пешком со странническим посохом в руках. Впоследствии о. Георгий описал в эпистолярной форме свои странствия; его письма были опубликованы в 1938 г., через четыре года после его кончины¹⁸.

Его преемником и новым пастырем русской общины в Тунисе стал отец Константин. Последнему принадлежит главная заслуга в возведении постоянных православных храмов в городах Бизерты и Тунис. Это был высокообразованный, преданный своему делу и интересам верующих священнослужитель. Именно он стал одним из инициаторов строительства храма—памятника кораблям Русской эскадры. Храм-памятник, построенный на пожертвования, был открыт в Бизерте в 1937 г. Ему присвоили имя св. Александра Невского, и он является действующим по сей день. Его настоятелем был и оставался до своей смерти в 1942 г. о. Константин¹⁹.

Храм производил сильное впечатление. Фрески, иконы, украшения были выполнены руками прихожан. Часть фресок написал игумен Пантелеймон (Рогов). Иконы иконостаса и фигуры двух евангелистов в верхней части свода были написаны художником Г. Чапегой. На одной из стен храма была помещена мраморная доска с названиями кораблей, пришедших в Бизерту в конце 1920 — начале 1921 г.²⁰.

Как светские общественные объединения, так и местные православные приходы заботились о сплочении соотечественников на основе сохранения национальных традиций, культурных ценностей. Отмечались религиозные и российские праздники, организовывались концерты, балы, литературные вечера.

Широко отмечалась 100-летняя годовщина со дня смерти А.С.Пушкина. Памятные вечера, посвященные великому поэту, прошли в 1937 г. в городах Тунис и Бизерты. В Тунисе слово о Пушкине произнес А.П.Подушко. Лекцию о поэте прочитал о. Константин. Были показаны любительские спектакли по мотивам пушкинских произведений, поставленные режиссерами

Е.И.Борисовой и П.Д.Люцерновым. В тот же день состоялся пушкинский вечер в Бизерте. Его устроителями с русской стороны был вице-адмирал Ворожейкин, а с французской — местный филиал «Альянс франсэз»²¹.

В декабре 1939 г. в г. Тунисе Союз русских офицеров организовал празднование 950-летия принятия христианства на Руси. После вступительного слова о. Константина доклад о государственной и просветительной деятельности киевского князя Владимира сделал А.В.Зернин. Хор под управлением С.И.Русановича исполнил религиозные песнопения и произведения русской классики. В.М. и П.Д. Люцерновы поставили спектакль «Сватовство» по мотивам стихотворений А.К.Толстого, инсценировку по стихам А.С.Хомякова. По мысли организаторов, одной из главных целей празднования было дать детям изгнанников хоть какое-то представление о неведомой им России.

Русская колония Туниса постоянно входила в контакт с другими общинами, в первую очередь европейскими (французской, итальянской, греческой). Русские участвовали в культурной, спортивной жизни протектората²². Особенно тесными и плодотворными были связи с французами, многие из которых симпатизировали русским морякам, и с греческими единоверцами. И те и другие оказывали россиянам моральную, а нередко материальную поддержку. В какой-то своей части русская колония влилась в европейский сегмент колониального общества. Но это одновременно осложняло ее жизнь. Русские не имели тех же прав, что и местные французы. Они не располагали материальными возможностями итальянцев или греков. К тому же они были сильнее изолированы от коренного арабо-берберского населения. Между россиянами и тунисскими арабами и берберами высились конфессиональный, языковой, психологический барьеры.

В отношении властей протектората русские демонстрировали стопроцентную лояльность. Чего здесь было больше — благодарности за то, что Франция, хотя бы и заморская, их приютила, или опасения новых скитаний, — сказать трудно. Так или иначе, люди стойко переносили выпавшие на их долю тяготы. Иногда, правда, роптали и жаловались, но открытый протест был редкостью. Самой распространенной формой несогласия был отъезд по разным причинам из Туниса в Европу или Америку. Так, одними из первых покинули протекторат казаки-кубанцы; было это в 1922 г.²³.

Те из русских, кто оставался в Тунисе, трудились, как говорили они сами, не за страх, а за совесть. И их труд, каким бы он ни был, даже самый простой и малозаметный, служил вкладом в развитие страны, в наращивание ее культурного потенциала. Отмечались и крупные достижения, достойные внимания и через много десятилетий после описываемых событий.

Один из примеров таких достижений — научная работа и практическая деятельность биолога, хирурга и терапевта А.Т.Васильева. Он открыл новые методы борьбы с чумой в условиях тропиков и субтропиков (помимо Туниса врач работал в Ливии и Сенегале). Благодаря применению его методов борьбы с чумой вспышки страшной болезни пошли в Тунисе на убыль. Еще одно имя, которым гордится отечественная наука, — профессор В.К.Агафонов, один из авторитетнейших почвоведов своего времени. В Северной Африке он проработал не один год. Изучал местные почвы, составлял почвенные карты (в том числе Туниса), которыми пользуются в странах Магриба до сих пор. Десятки лет трудились в Тунисе онколог и хирург А.Н.Поздняков, инженер А.В.Иванов и землемер В.С.Махров (бывший полковник Генерального штаба)²⁴.

Большой популярностью в европеизированной арабской среде пользовались частные уроки. Арабские юноши, сдавшие экзамен на диплом бакалавра (т. е., проще говоря, получившие аттестат о среднем образовании), могли претендовать на поступление во французские университеты. Тут-то и пригодилось педагогическое умение эмигрантов. Бывшие офицеры и их жены давали частные уроки практически по всем предметам — от математики до музыки. Среди педагогов выделялся блестящей эрудицией поэт и композитор, филолог и математик Л.Д.Тяжлов. Многие молодые тунисцы были его питомцами. Тяжлова ценил и считал своим другом член семьи тунисского бея — принц Мехмед²⁵.

Тяжлову не без труда, но все же удавалось совмещать поэтическое творчество с частными уроками. Будущая поэтесса Ирина Кнорринг воспитывалась в Сфаяте в семье опытного педагога, преподавателя Морского корпуса, т. е. в относительно неплохих материальных условиях²⁶. Гораздо труднее приходилось в Тунисе поэту Виктору Мамченко, бывшему матросу. Начинал он портовым грузчиком. Тяжелый физический труд пришлось познать и другим начинающим поэтам, например В.Смоленскому. Правда, обоим удалось вскоре перебраться во Францию и заняться литературным трудом.

В произведениях литераторов, публицистов, ученых неизменно присутствовали думы о России. Неизбежно вставал вопрос и о возвращении на родину. Большинство считало его невозможным. Ведь в Тунис попали в основном люди, чуть ли не до последнего дня Гражданской войны сражавшиеся против большевиков. Для нового режима, утвердившегося в России, они оставались заклятыми врагами.

Вернуться для них означало поставить свою жизнь под смертельную угрозу или обречь себя на жалкое существование. В рассказе «Моряк», действие которого происходит в Джебель-

Кебире, герой размышляет: «Кто мы? Враги своего народа, объявленные вне закона, и если кто-нибудь из нас захотел вернуться к себе, что встретило бы его там? Жалкие парии, возбуждающие ненависть у одних, презрение и насмешки у других, нахлебники...»²⁷.

Накануне Второй мировой войны русская колония в Тунисе была все еще многочисленной; насчитывала она несколько сот человек. Ее составляли инженеры, техники, чиновники, владельцы небольших предприятий, ферм. Все они были людьми среднего достатка. Между тем старшее поколение, первопоселенцы 1920—1921 годов, постепенно уходило из жизни. Все больше встречалось русских могил, разбросанных по всей стране, от средиземноморской прибрежной полосы до песков Сахары. В городах Бизерта и Тунис оборудовались русские кладбища. Но могилы изгнанников можно было встретить и в других местах: Сфаксе, Сусе, Гафсе. На городских кладбищах Бизерты и Туниса погребены военачальники, командующие эскадрой, руководители Морского корпуса, командиры кораблей. Они умерли вместе с эскадрой или от горя, вызванного ее гибелью. Там покоятся адмиралы Ворожейкин, Герасимов, Беренс, Тихменев, Подушкин, генералы Завалишин, Басов, Пржилуцкий, Лопатин, капитаны 1-го и 2-го рангов Монастырев, Морозов, Афанасьев, Алмазов, полковники Чафыков, Андрушкевич, Унгерн-Штернберг, протоиереи Константин и многие другие.

В годы Второй мировой войны русская община в Тунисе пережила четыре режима: Третьей Французской республики, правителей Виши, оккупационных властей держав «оси» и, наконец, деголлевской администрации. Те из русских, которые успели стать французскими гражданами, были призваны в армию. Служили они либо в войсках метрополии, либо в ФАА, дислоцированной в Магрибе. До 1,5 тыс. человек несло службу в частях Иностранного легиона.

С началом формирования отрядов «Свободной Франции» некоторые русские из стран Магриба вступили в них. К сожалению, не удалось найти документов, свидетельствующих об их участии в боях на стороне союзников. Только в последние годы нашему читателю стали известны некоторые имена: Николай Румянцев, Кирилл и Николай Шаровы, Александр Слюсарев, Николай Вырубов, Василий Франк, Андрей Лосский. Генерал де Голль высоко оценил заслуги русских офицеров на французской службе, участников всемирной борьбы против фашизма.

Закончилась война, русских в Тунисе стало больше. Эмигранты первой волны, жившие в разоренной Европе, стремились к более спокойной и обеспеченной жизни. Они надеялись найти ее в Магрибе, менее затронутом войной. Так до Туниса докатилась новая волна россиян. На этот раз из Франции. Сюда при-

езжали «русские французы», имевшие гражданство Франции и поэтому надеявшиеся на легкое трудоустройство и более достойную жизнь. Об увеличении русских общин можно судить по некоторому росту числа прихожан в православных храмах.

Однако радужные для русских первые послевоенные годы пронесли слишком быстро, а жизнь что-то не менялась к лучшему. Больше всего пугало всех европейцев неуклонное нарастание антиколониальной борьбы. Тунисский народ требовал от правительства Франции осуществления обещанных в годы войны реформ. Уже в 1946 г. Национальный конгресс, созданный по инициативе левонационалистической партии «Новый Дустур» (с ним сотрудничал Всеобщий союз тунисских трудящихся), принял Декларацию независимости. Лидер партии Х.Бургиба настоял на переговорах с Парижем. Их срыв послужил сигналом к разворачиванию массового движения, которое порой принимало не слишком мирные формы. В 1954 г. нарастание антиколониальной волны вынудило Францию предоставить протекторату внутреннюю автономию, а через два года признать его независимость.

Начался массовый отъезд из страны европейцев. Потянулись и русские семьи. О сокращении численности русской общины говорило не только уменьшение числа прихожан, но и священнослужителей. Так, в г. Тунисе прихожан стало в четыре раза меньше. Остававшиеся молились теперь в греческих церквях.

Жизнь колонии постепенно затухала, активность ее организаций становилась малозаметной и не столь эффективной. Сообщения из Туниса, которые появлялись в эмигрантской прессе Европы и Америки, становились редкими, преобладали в них некрологи. К тому же община как бы раздваивалась на отцов и детей. Первые тосковали по родине, вспоминали о ней. Для большинства же вторых родина была некой абстракцией. Они жили реалиями настоящего времени, думали о приспособлении к меняющимся условиям послевоенной жизни. И в Тунисе в результате правительственной политики «тунисизации» возможностей для достойной жизни становилось все меньше. Вот и начинали молодые искать их в других странах, на других материках.

Среди детей эмигрантов было немало и таких, которые гордились своим российским происхождением, пытались сохранять и на тунисской земле национальные традиции, духовные ценности. Но даже они испытывали на себе неумолимое и возрастающее влияние ассимиляции. Излишне говорить о степени культурной ассимиляции, которой подверглось третье поколение местных русских, внуки тех, кто пришел вместе с эскадрой чetyрyмy десятилетиями раньше.

Русская диаспора в Тунисе прошла такой же путь, как и в других странах Северной Африки: путь тяжких испытаний,

унижений, борьбы за выживание, путь несбывшихся надежд и разочарований. Любовь к России, преданность ей они пронесли через десятилетия и доказали в годы Второй мировой войны. И еще один существенный момент: они не жили в Тунисе на чужих хлебах. Своим тяжелым трудом они заслужили право на благодарность нескольких поколений тунисцев. Недаром ведь считают ныне в Тунисе Александра Рубцова не только русским, но и тунисским художником. И недаром местный музей в Метлауи был назван именем Владимира Шумовича, флотского офицера, ставшего в Тунисе неутомимым исследователем местной фауны и флоры, организовавшего три зоологическо-ботанические экспедиции в Сахару.

Тонкие, едва различимые нити соединяют в наши дни некогда прерванные связи между двумя Россиями, между двумя пластами отечественной культуры. С тем большим уважением относимся мы к людям, олицетворяющим ныне эти связи.

Живет в Тунисе 88-летняя Анастасия Александровна Манштейн-Ширинская, дочь командира миноносца «Жаркий», старшего лейтенанта А.С.Манштейна. В ее памяти запечатлелись ценнейшие детали, бытовые подробности жизни россиян в Тунисе, которых не найдешь ни в книгах, ни в архивных документах. Она щедро делится этими подробностями с историками эмиграции, журналистами, кинематографистами²⁸. Как и Мария Шереметева в Марокко, Анастасия Манштейн-Ширинская получила после 1991 г. паспорт гражданки Российской Федерации. По приглашению командования ВМС России она принимала участие в праздновании 300-летия российского флота. В 1999 г. издала в Москве интереснейшую книгу воспоминаний.

Закончим мы небольшим эпизодом, тоже связанным с историей флота. На одной из недавних неформальных встреч московских ревнителей отечественной истории²⁹ собравшимся был продемонстрирован подлинный Андреевский флаг, изготовленный в 1920 г. До конца 1924 г. он развевался над посыльным судном «Якут» (командир — капитан 2-го ранга Ульянов), которое с невероятными трудностями пришло в Бизерту из Владивостока. Из поколения в поколение флаг хранился в семье командира «Якута» в качестве драгоценной реликвии.

Флаг этот явился как бы символом той, некогда ушедшей России, с которой все ее сыны во все времена неразрывно связаны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее об этом см.: Африка. Энциклопедический справочник. М., 1987, с. 474; Иванов Н.А. Кризис французского протектората в Ту-

нисе (1918–1939). М., 1971; Тунисская Республика. Справочник. М., 1993, с. 92–117.

² Таким образом Франция с согласия Англии присвоила себе право распоряжаться судьбой русских кораблей, а значит, и русских моряков. Насколько законными были эти притязания? Сошлемся на оценки помощи Франции и Англии белому движению генерала А.С.Лукомского, который был у А.И.Деникина главой правительства (Особого совещания), а у П.Н.Врангеля — его представителем при союзном командовании в Константинополе. Лукомский признавал, что французы и англичане оказали «добровольцам» огромную денежную поддержку. Но с ноября 1918 г. по апрель 1919 г. французы в своей зоне действий (Крым, Украина) бесконтрольно и безвозмездно пользовались российским имуществом (например, судами с русскими экипажами), снабжались из местных ресурсов провиантом, топливом, сырьем. Здесь Лукомский касается лишь одной стороны англо-французской помощи — материальной. Но была и другая сторона — политическая, стратегическая. Достаточно вспомнить их поддержку самостийников Украины, сепаратистов Северного Кавказа и Закавказья.

³ *КAGESНИКОВ Н.* Краткий очерк Белой борьбы под Андреевским флагом на суше, морях, озерах и реках России. Нью-Йорк, 1965 (М., 1993, с. 74–76); Морской энциклопедический словарь. Т. 1. М., 1991; *БЕРЕЗОВСКИЙ Н.Ю.* Последний поход Русской эскадры. — Военно-исторический журнал. М., 1995, № 4, с. 53–57; *ГУСАРОВ В.* Бизерта — последний причал. — Известия, сентябрь 1993 г. Приложение № 33. В.Гусаров называет цифру 5200 человек, но при этом приводит утверждение одного из эмигрантских авторов (А.П.Святославского) о том, что всего вместе с личным составом русской эскадры в Тунис прибыло около 10 тыс. человек. В.Абданк-Коссовский говорит о том, что в Бизерту вместе с личным составом эскадры прибыло около 6 тыс. беженцев (Возрождение. Париж, 1956, тетрадь 51). Никто из исследователей не называет, однако, точных данных, касающихся отдельно численности экипажей, семей военных моряков, военных из сухопутных войск и гражданских лиц.

⁴ Лучшее написал о Сфаяте Н.Н.Кнорринг. См.: *Кнорринг Н.Н.* Сфаят. Очерки из жизни Морского Корпуса в Африке. Биб-ка «Иллюстрированной России». Париж, 1935, кн. 42, с. 45–60.

⁵ *ДАВАТЦ В.Х., ЛЬВОВ Н.Н.* Русская армия на чужбине. Белград, 1923; *КОВАЛЕВСКИЙ П.* Зарубежная Россия. Paris, 1973, с. 51–53; *МОНАСТЫРЕВ Н.А.* Гибель царского флота. СПб., 1995, с. 122; Часовой. Париж, 1936, № 177, 1940, № 247.

⁶ *ВРАНГЕЛЬ П.Н.* Записки. Часть вторая. (Белое дело. Последний главок.) М., 1995, с. 257; Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов. Документы и материалы. Т. 1. Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. Книга вторая. На чужбине. М., 1998, с. 199, 589.

⁷ *БЕРЕЗОВСКИЙ Н.Ю.* Последний поход Русской эскадры.; *ГУСАРОВ В.* Бизерта — последний причал.

⁸ *БЕЛОГОРСКИЙ.* Доколе-же... Берлин, 1931, с. 60.

⁹ *Документы внешней политики СССР.* Т. VII. М., 1963, с. 578. По иронии судьбы в состав комиссии входил брат контр-адмирала

М.А.Беренса военно-морской атташе СССР в Лондоне и Париже
Е.А.Беренс.

¹⁰ Там же, с. 582.

¹¹ Березовский Н.Ю. Последний поход Русской эскадры.; Гусаров В. Бизерта — последний причал.

¹² Африка и вторая мировая война. М., 1996, с. 59—62.

¹³ См.: Туроверов Н. Стихи. М., 1995, с. 75.

¹⁴ Часовой. Париж, 1936, № 175; 1956, № 371; 1959, № 396; С берегов Америки. Сборник русских морских офицеров в Америке. 1923—1928. Нью-Йорк, 1939.

¹⁵ Студенческие годы. Прага, 1922, № 3—4; 1923, № 1; Младорусь. Периодический сборник, книга 1-я. Прага, 1922, с. 87—92.

¹⁶ Русский альманах. Париж, 1930; Зарубежная русская школа. 1920—1924. Париж, 1924; Отчет о деятельности Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей (февраль 1921 — апрель 1922 г.). Париж, 1929.

¹⁷ Нестор Монастырев как нельзя лучше оправдал свое имя, став одним из первых историков русского военного зарубежья. Проводил серьезные исследования по истории российского флота. Автор более десяти трудов, изданных в Париже, Берлине, Праге, Тунисе. Закончил свои дни в Тунисе в 1957 г.

¹⁸ См.: о. Георгий Спасский. 1877—1934. Париж, 1938, с. 338—348. В Париже, куда о. Георгий был переведен из Туниса, он стал настоятелем Свято-Александро-Невского собора. Доверительные отношения связывали его с великим Шалапиным, духовником которого он был (См.: Шалапин Федор. Страницы из моей жизни. Маска и душа. М., 1990, с. 416—419, 456).

¹⁹ Часовой, 1937, № 195, 202; Эхо планеты, 1990, № 26; 1991, № 39.

²⁰ Эхо планеты, 1990, № 26.

²¹ Иллюстрированная Россия, 1937, № 35; Часовой, 1937, № 189; 1939, № 228—229; Хохлова В. Пушкин — символ духовного единения всех русских. — Азия и Африка сегодня, 2000, № 7, с. 62—63.

²² Едва успели корабли эскадры стать на якорь в Бизерте, как начались футбольные матчи моряков с местными командами. Иные флотские спортсмены переехали затем в Европу, но наиболее способные из оставшихся стали выступать за местные французские клубы, в частности за «Метлауи спорт». Благодаря русским игрокам команда этого клуба дважды выходила в финал чемпионата Туниса по футболу. Ее вратарь Н.Ф.Федоров, бывший мичман, был бессменным членом правления клуба. Мастерство русских легкоатлетов, футболистов, теннисистов высоко оценивала местная пресса — газеты «Тюнизьен спортив», «Ла депеш тюнизьен», «Африк спортив» (Иллюстрированная Россия, 1930, № 14).

²³ Альманах. Русская эмиграция. 1920—1931. Выпуски I и II. Белград 1931. Худоборогов А.А. Вдали от родины: русские казаки в эмиграции. Челябинск, 1997, с. 219.

²⁴ О В.С.Махрове и его семье см.: Махрова Г. Из России в Россию. Воспоминания. СПб., 1998, с. 84—87.

²⁵ Иллюстрированная Россия, 1935, № 6; 1937, № 17; Новиков М.М. Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за

границей. Прага, 1935, с. 25—26; Альманах. Русская эмиграция. Белград, 1931; *Махров П.С.* В Белой армии генерала Деникина. СПб., 1994, с. 226—240; Часовой, 1960, № 407.

²⁶ О жизни семейства Кноррингов в Тунисе см.: *Кнорринг Н.Н.* Книга о моей дочери. — Простор. Алма-Ата, 1993, № 12, с. 96—110.

²⁷ Иллюстрированная Россия, 1932, № 23.

²⁸ Интервью с А.А.Манштейн-Ширинской неоднократно печатались в российской периодике, в частности в журналах «Эхо планеты» и «Азия и Африка сегодня». Известны также ее телевизионные интервью. Одна из тем интервью органично вошла в авторский фильм «Лики времени», снятый во Франции и Тунисе режиссером С.Л.Зайцевым. Другая легла в основу видеофильма, снятого к.и.н. А.В.Хренковым.

²⁹ Имеется в виду заседание секции «История» Центрального дома ученых Российской академии наук 10 ноября 1998 г. Тема: «Флот в Бизерте». Краткий отчет о нем см.: Восток. М., 1999, № 3, с. 162—163.

Из последних работ по теме укажем следующие: *Манштейн-Ширинская А.* Всеу приходит свое время. — Крымский альбом. Феодосия—Москва, 1997, с. 156—165; *Панова М.* Русский Тунис. — Русская мысль. Париж, 26.11—02.12.1998; Узники Бизерты. Документальные повести о жизни русских моряков в Африке в 1920—1925 гг. М., 1998; *Ширинская А.А.* Бизерта. Последняя стоянка. М., 1999.

А.В.Хренков

РОССИЙСКАЯ ДИАСПОРА В ЭФИОПИИ

Весна опять зазеленела,
Но нам неясен жданный срок.
Мы неуверенно, несмело
Бредем в пыли чужих дорог...
И молодежь уже не помнит
Далекой Родины лица,
Не знает Иверской Часовни,
Не знает Зимнего Дворца.

Павел Булыгин

Эфиопия стала первой из африканских стран, где впервые, еще в конце 80-х годов прошлого века, была предпринята попытка основания русского поселения. Инициатором этой идеи был довольно известный в свое время международный авантюрист Н.И.Ашинов, называвший себя атаманом «вольных казаков». За несколько лет до этой попытки, в 1885—1886 гг., Ашинов побывал в Эфиопии.

Хотя попытка Ашинова основать русскую колонию на Красном море не удалась, она вольно или невольно спровоцировала в России усиление интереса к Африке, и в частности к Эфиопии.

В начале 1890-х годов в Африку отправляются одна за другой русские исследовательские экспедиции поручика В.Ф.Машкова, доктора А.В.Елисеева, Н.С. Леонтьева.

Головокружительная карьера в Эфиопии путешественника-любителя Н.С.Леонтьева, отставного поручика русской армии, в одночасье ставшего сначала советником императора Менелика II, а позже *деджазмачом*^{*} и губернатором южных областей страны, вновь пробудила в России жгучий интерес к Эфиопии и способствовала притоку в эту страну русских людей.

Обстоятельства превращения малоизвестного отставного поручика в эфиопского деджазмача и графа Эфиопской империи

---

^{*} *Деджазмач* — один из высших военно-феодалных титулов старой Эфиопии.

мы здесь не рассматриваем, хотя коллизии его африканской карьеры достойны страниц авантюрного романа.

Еще до того как Николай Степанович Леонтьев был официально утвержден императором Менеликом II в должности губернатора (1898 г.), он начал собирать вокруг себя преданных людей, преимущественно из соотечественников, — молодых офицеров и обедневших дворян, готовых рискнуть «черствым, но верным куском хлеба» дома ради неизвестных благ в далекой африканской стране. Из этих людей, а также из тех, что пришли вслед за ними, и начала складываться первая российская диаспора в Эфиопии, процесс формирования которой продолжался в последующие десятилетия.

Среди сподвижников Леонтьева следует прежде всего упомянуть поручика И.Ф.Бабичева, который с самого начала активно принимал участие во всех эфиопских проектах Леонтьева, а после заката карьеры «графа Леонтьева» он, не желая покидать Эфиопию, перешел на службу к Менелику II. Еще одним сподвижником Леонтьева был его земляк с Херсонщины, обрусевший потомок французских баронов Николай Николаевич Шедер, ставший одним из управляющих его эфиопскими провинциями. Оба, и И.Ф.Бабичев и Н.Н.Шедер, получили от Леонтьева титулы *фитаурари*^{*}, утвержденные впоследствии эфиопским императором. Кроме них следует упомянуть еще подпоручика Евгения Сенигова², а также нескольких казачьих унтер-офицеров (Семена Гарбузенко, Константина Козенко), служивших в отряде Леонтьева, а также казаков почетного конвоя русской миссии Е.П.Клименко, В.Н.Кузнецова и Седова и некоторых других, также оставшихся в Эфиопии.

В феврале 1898 г. в Аддис-Абебе было официально открыто дипломатическое представительство России и стационарный русский госпиталь. С 1898 по 1906 г. русская колония (община) в Эфиопии значительно выросла, не только за счет приглашенных Леонтьевым, но и за счет сотрудников миссии и русского госпиталя. Некоторые из сотрудников миссии, особенно последнего ее состава, приехавшие в страну в 1912—1915 гг., предпочли после большевистской революции не возвращаться на родину и остаться в Эфиопии.

Наличие русской миссии создавало благоприятные возможности для поездок в страну русских путешественников и просто любителей экзотической африканской охоты. Среди довольно большого числа путешественников-любителей, посещавших Эфиопию в начале XX в., наиболее известен поэт Н.С.Гумилев,

---

^{*} *Фитаурари* — амх. «начальник авангарда», один из высших военно-феодалных титулов Эфиопии, соответствовавший примерно дивизионному генералу.

приезжавший сюда дважды: первый раз просто как путешественник-любитель, а вторично — в качестве представителя Российской Академии наук для сбора этнографических коллекций и записи фольклора. Эфиопия произвела на русского поэта огромное впечатление. Он посвятил ей дневниковые очерки и множество поэтических произведений. Два его стихотворных сборника, «Шатер» и «Под чужим небом», были целиком навеяны эфиопскими сюжетами.

Бывали в Эфиопии в эти годы и титулованные любители африканской охоты, такие, как князь Н.И.Демидов, граф Потоцкий, граф Стенбок-Фермор, и другие представители петербургской «золотой молодежи».

Привлекаемые слухами о деджазмаче Леонтьеве и об особом покровительстве, якобы оказываемом императором Менеликом русским, в эту страну потянулись русские добровольцы, надеявшиеся найти здесь свою удачу. Для многих из них имя Леонтьева было маяком и надеждой на благоприятные перемены в жизни. Даже после его отъезда из Эфиопии в 1902 г. туда продолжали приезжать русские. В течение всего первого десятилетия XX в. в русскую миссию в Аддис-Абебе продолжало поступать большое число писем из России от граждан различного звания и положения, рассчитывавших обосноваться в Эфиопии. Для таких писем в миссии было даже заведено отдельное дело: «Прошения желающих поступить на службу в Миссию, на строящуюся ж/д или к Эфиопскому правительству».

Среди писем встречались обращения врачей и фармацевтов, желавших устроиться на работу в русский госпиталь, телеграфистов, инженеров и путейцев, ищущих вакансии на строительстве железной дороги Джибути — Аддис-Абеба. Довольно типичным можно было бы назвать и письмо «дворянского сына» Виталия Семеновича Трофимова из Вятской губернии от 27 января 1911 г. о желании поступить на службу в Эфиопии к какому-нибудь частному коммерсанту из русских³.

Встречались среди русских желающие стать землевладельцами; они запрашивали здешнюю дипломатическую миссию о возможности «купить в Абиссинии землю». Один из них, некий акцизный чиновник Т.А.Григорьев из Воронежской губернии, сообщал, что хотел бы «купить 500—1000 дес. земли», а если повезет, то устроиться на службу к Леонтьеву или в миссию. Он до тошно выпрашивал о ценах на землю, о стоимости проезда в Абиссинию от Одессы, «в каком месяце лучше выезжать, чтобы избежать дождливого периода», «какие товары русского производства можно привезти для продажи, чтобы сбыт им был обеспечен», «здоровый ли климат» здесь для русского и «дорога ли

жизнь в Энтото*, а также «жив ли господин Леонтьев, знаменитый русский путешественник, и где он» (с просьбой сообщить адрес)⁴.

Хотя ответы, которые давали на эти письма чиновники миссии, мало кого обнадеживали, некоторое число русских в 1901—1914 гг. все же перебралось на жительство в Эфиопию. Так, в начале века добровольно прибыли казачий хорунжий М.В.Трофимов, поселившийся в Харэре, казак Е.П.Клименко и несколько осетинских (братья Хаджиевы), армянских (Геворкяны/Кеворковы) и других семей.

Новую волну русских переселенцев принесла в Эфиопию Октябрьская революция в России. После нее здесь осело несколько десятков бывших офицеров царской армии, эмигрировавших из России вместе с семьями. Среди них были и представители известных фамилий: адмирал Д.Л.Сенявин, полковник Ф.Е.Коновалов, большая семья графа П.Н.Татищева⁵, переехавшая сюда из Франции, и др.

Российская дипломатическая миссия в Эфиопии после 1917 г. Еще более двух лет после Октябрьской революции и фактической потери связи с родиной российская дипломатическая миссия в Эфиопии под началом поверенного в делах России Н.И.Виноградова продолжала функционировать⁶. Она просуществовала до конца 1919 г.⁷, исполняя по преимуществу консульские обязанности и оказывая разного рода помощь российским подданным.

В целом, если судить о работе российской миссии в Эфиопии после 1917 г. по сохранившимся (далеко не полным) ее документам, следует по достоинству оценить деятельность ее начальника Н.И.Виноградова. В этот период безвременья, когда роль России в мире упала почти до нуля, он показал себя человеком долга, считавшим своей обязанностью защищать интересы россиян в Эфиопии, даже когда его собственный статус здесь сделался более чем неопределенным. До последнего дня своего пребывания в стране он продолжал оказывать им содействие. И весьма часто его заступничество играло не последнюю роль.

Иван Филаретович Бабичев. Жизнь русских, даже относительно благополучно устроившихся, складывалась далеко не гладко. Ярким примером может служить судьба И.Ф.Бабичева. Поручик Бабичев впервые появился в пределах Эфиопии в 1897 г. Своей энергичностью и исполнительностью он пришелся по душе Н.С.Леонтьеву, который сделал его своим помощником

---

* Энтото — старое название столицы Эфиопии, поселение в пригороде современной Аддис-Абебы, на вершине одноименной горы, где некогда, в начале 1890-х годов, находилась ставка Менелика II.

и доверенным лицом. Используя предоставленное ему официальным статусом правителя области право, Леонтьев возвел Бабичева в высокий чин фитаурари, который тому удалось сохранить и впоследствии, на службе у эфиопского монарха.

С годами Бабичев стал в Эфиопии старожилом, но, как и его прежний начальник Н.С.Леонтьев, не смог удержаться от увлечения различными финансовыми комбинациями. Будучи весьма активным и деятельным человеком, Бабичев состоял в деловой переписке едва ли не со всей европейской колонией Эфиопии и многими сановниками империи. Стремясь во что бы то ни стало разбогатеть, он частенько увлекался достаточно сомнительными аферами. То пытался заработать на перепродаже правительству купленного им по дешевке подержанного оружия, то заполучить от правительства винную монополию⁸.

В начале 1919 г. Бабичев оказался в тяжелой финансовой ситуации. Английский банк требовал уплаты долга в размере 1422 *талеров*^{*}, грозя в противном случае описать и продать с аукциона его имущество. Выйти из положения удалось лишь после того, как российская миссия приняла на себя посредничество в урегулировании его долговых обязательств. Имущество Бабичева на протяжении 1919 г. описывали трижды⁹, но всякий раз ему при вмешательстве и поручительстве Н.И.Виноградова в самый последний момент удавалось раздобыть денег на оплату процентов или получить новую отсрочку и тем самым избежать неприятной процедуры распродажи имущества за долги.

Непросто складывалась и его личная жизнь. В 1900-х годах Бабичев женился на девушке из аристократической эфиопской семьи. Но этот брак оказался недолгим (остался он вдовцом или развелся с женой, точно неизвестно). Следующей женой Бабичева стала одна из его эфиопских служанок. Этот мезальянс закрыл чете Бабичевых доступ в дома немногочисленной, но влиятельной русской колонии, образовавшейся в Эфиопии в 20-е годы. Спесивые русские дворянки и жены царских офицеров не желали принимать у себя на равных бывшую прислугу. Если Бабичева и приглашали на различные светские рауты, то, как правило, без жены. Это привело к некоторому обособлению семьи Бабичевых от остальной русской колонии. Они были ближе к эфиопам, чем к русской общине.

Из детей Бабичева (всего их было пятеро: двое сыновей и три дочери) наиболее известен старший сын Михаил, избравший военную карьеру, окончивший за границей летную школу и ставший первым эфиопским летчиком и командиром авиаэскадрильи,

---

^{*} *Талер* — эфиопская серебряная монета, в начале XX века равная по достоинству примерно одному российскому серебряному рублю.

принимавшей участие в итало-эфиопской войне 1935—1936 гг. После освобождения Эфиопии в мае 1941 г. Михаил Бабичев переходит на дипломатическую службу. В 1943 г. он назначается поверенным в делах Эфиопии в Москве (М.И.Бабичев умер в конце 40-х годов). С открытием в Аддис-Абебе в 1945 г. официальной советской дипломатической миссии семья Бабичевых устанавливает дружеские отношения с советскими дипломатами. Это еще больше отдаляет И.Ф.Бабичева и его детей от других представителей здешней русской колонии, в большинстве своем настроенных антисоветски.

Из других старожилов «леонтьевской» волны эмиграции упомянем также о бывшем хорунжем Уральского казачьего войска Михаиле Васильевиче Трофимове, прибывшем в Эфиопию в 1902 г. Вот что докладывал о нем Б.Н.Чемерзин (российский поверенный в делах в Эфиопии в 1911—1914 гг.) в своем донесении в Первый департамент МИД 20 июня 1911 г.: «Окончив в 1896 г. классическую гимназию в г. Уральске, М.В.Трофимов поступил в Оренбургское юнкерское училище, каковое и окончил в 1898 г. В том же году был зачислен в Уральскую учебную сотню... В конце 1900 г. он поступил добровольцем в армию, действующую против китайцев¹⁰, и был назначен командующим 3-й сотней 2-го Читинского полка Забайкальского казачьего войска, каковою и командовал до лета 1901 г. Затем поступил в Читинское Городское Полицейское Управление на должность Пристава 1-й части. В 1902 г. покинул полицейскую службу по прошению, выехал из России по заграничному паспорту, выданному Самарским Губернатором 29 Октября 1902 г. ... и, прибыв в Абиссинию, поселился в окрестностях Харара на участке земли, полученном от раса* Маконена¹¹. Здесь он занимался разведением овощей»¹².

В августе 1906 г. Трофимов возвратил каньязмачу Банти¹³ взятую у него в аренду землю и переехал в принадлежащее Бабичеву имение «Ада»¹⁴ близ Аддис-Абебы, где до 1908 г. был управляющим. В мае 1908 г. по предложению министра земледелия кантибы** Уольдэ Тадика он перешел на государственную службу, вступил в должность Государственного агронома в стране Марок'o¹⁵, освободившуюся за отъездом занимавшего ее прежде германского подданного Костлянда¹⁶.

Б.Н.Чемерзин писал, что «жалованья в месяц получает Трофимов 135 талеров (около 125 рублей), службой и жизнью в Абиссинии доволен и продолжает находиться в наилучших отношениях со своим Начальником — Министром Земледелия. На

---

* Рас — высший титул в эфиопской военно-феодальной иерархии.

** Кантиба — эфиопский феодальный титул, дававшийся обычно крупным градоначальникам и правителям некоторых округов.

обязанности М.Трофимова лежит разведение кофейных деревьев в указанной провинции, составляющей удельное имение Императора Эфиопии...»¹⁷.

В заключение Б.Н.Чемерзин упоминал, что по личным своим качествам Трофимов представляется ему «человеком трудолюбивым, обладающим достаточными познаниями в огородничестве и садоводстве и вообще в сельском хозяйстве, уживчивым, но увлекающимся и несколько неуравновешенным»¹⁸.

К сожалению, других сведений о М.В.Трофимове почти не имеется. Известно лишь, что он оставался в Эфиопии и после 1917 г.

Представители российского монархического офицерства в Эфиопии. С 1918 г. в Эфиопию из России, а позже и из некоторых других стран потянулся ручеек эмигрантов. Это была белогвардейская волна русской диаспоры, поскольку значительная часть ее состояла из офицеров, участвовавших в Гражданской войне с большевиками и покинувших родину после поражения белого движения. Случайный визитер из Советской России, побывавший в Эфиопии в начале 30-х годов, писал: «Исконными абиссинцами считают себя полсотни русских офицеров, белых эмигрантов. Появившись в Абиссинии, они стали уверять, что являются единоверцами амхарцев. Богомольная императрица Заудиту* взяла их под свое покровительство и „пристроила этих тунеядцев на государственную службу“»¹⁹. Этот же источник, достоверность которого в настоящее время проверить весьма затруднительно, сообщал, что императрица Заудиту живет затворницей в Геби** и к ней из всех иностранцев свободный доступ имеет только «белый русский адмирал Сенявин, объявивший себя министром опереточного царя Кирилла Владимировича»²⁰.

Действительно, в Эфиопии конца 20-х годов среди членов русской эмигрантской колонии было немало представителей старой русской аристократии и монархически настроенного офицерства. Можно упомянуть здесь графа А.В.Татищева и его братьев В.В.Татищева и П.Н.Татищева, князя Монтвид-Морфиса, графа И.Д.Хризосколео де Платана, генерал-майоров Л.Свешникова и Л.А.Дроздовского, полковника Ф.Е.Коновалова, флотских офицеров В.Дидерихса, П.Крузенштерна, Э.Э.Петерсона и упомянутого выше Д.Л.Сенявина с двоюродным братом Д.К.Сенявиным, бывших офицеров царской армии Г.А.Турчанинова²¹, Бенкловского, П.П.Булыгина, А.Г.Трахтенберга, С.М.Карташова, А.Фермора, В.Н.Вартенева, братьев М.В. и С.В.Банкул²². Всего

---

* Заудиту (Зоудиту) — дочь Менелика II, императрица Эфиопии с 1916 по 1930 г. С 1928 г. была фактически отстранена от власти регентом и наследником престола расом Тэфэри Мэконным.

** Геби — императорский дворец в Эфиопии.

же русская община насчитывала в эти годы вместе с членами семей и русской прислугой более ста человек.

При этом тунеядцами эти люди в Эфиопии отнюдь не были. Например, граф П.Н.Татищев, знавший несколько европейских языков, служил при императорском дворе переводчиком. Инженерами-путейцами работали сыновья протоиерея Павла Вороновского Николай и Борис, а также механик Мельников; врачебной практикой занимались врачи Гаврилов, Гогин и А.Л.Дебберт. Довольно известным адвокатом в 20—30-е годы был в Аддис-Абебе один из самых активных членов русской колонии И.С.Хвостов. Частную юридическую практику имел также Д.Н.Каплинский.

Старшим инженером городского муниципалитета Аддис-Абебы состоял Ф.А.Шиманский. Частными предпринимателями стали эмигрировавшие из России коммерсанты Зайончек и Б.К.Бу-таев, а также двоюродный брат А.В.Татищева В.С.Татищев; в министерстве земледелия служил агроном Земляницын. Значительная часть русских офицеров была принята инструкторами в эфиопскую армию, а полковник Ф.Е.Коновалов в начале 30-х годов выполнял обязанности начальника штаба.

Для такой страны, какой была Эфиопия 20-х годов XX в., даже сравнительно небольшая группа хорошо подготовленных и образованных русских специалистов, принятых на службу, представляла большую ценность. Они не только выполняли свои непосредственные обязанности, но и готовили местные кадры.

В 20—30-х годах русская община в Эфиопии принадлежала в какой-то степени к привилегированной части эфиопского общества. Еще с конца XIX в., с первой итало-эфиопской войны и пребывания в Эфиопии отряда Российского Красного Креста, в этой стране сложилось особое отношение к русским. Их здесь считали не только единоверцами, но еще и самыми искренними и бескорыстными из европейцев. А весьма ревностные в вопросах веры представители эфиопской знати старались отправлять учиться своих детей не в западноевропейские страны, а в единоверную Россию.

Именно поэтому представители русской колонии были приближены к императорскому двору и пользовались его покровительством. Их охотно принимали и в домах самых знатных и влиятельных эфиопских вельмож. Косвенным подтверждением значимости и авторитета русской послереволюционной колонии в Эфиопии является факт посещения страны в 1927 г. великим князем Александром Михайловичем, двоюродным братом и зятем Николая II. К сожалению, цель визита остается до сего времени неизвестной. В своих воспоминаниях великий князь об этом не упоминает.

В целом сведения о жизни русской колонии в Эфиопии в 1918 — 1935 гг. довольно скудны, мало подробностей известно и о людях, ее составлявших. Впрочем, о некоторых из них среди разрозненных бумаг русской миссии последних лет ее существования в Эфиопии²³ сведения сохранились.

Так, например, среди упомянутых выше встречается имя Ивана Дмитриевича Хризосколео де Платан (иногда встречается написание Платон). Если судить по сохранившейся в архиве его визитной карточке, то Иван Дмитриевич — бывший полковник императорской гвардии и к тому же граф. Правда, о русском графе со столь характерной греческой фамилией нам прежде слышать не приходилось. Однако других оснований подвергать сомнению его российское подданство и графский титул у нас нет, тем более что Хризосколео де Платан в 1918 — 1919 гг. находился в Эфиопии под официальным покровительством российской миссии²⁴.

Неизменным компаньоном и приятелем де Платана был другой русский офицер, старший лейтенант флота Эрнест Эрнестович Петерсон, ранее служивший инженером-механиком на крейсере «Аскольд».

В 1918 г. де Платан и Петерсон пытались при посредничестве Н.И.Виноградова устроиться в Эфиопии на государственную службу. Предлагаемый ими потенциальным работодателям перечень профессиональных умений и навыков весьма внушителен и вполне пригодился бы не только для Эфиопии. Вот, например, что мог предложить старший лейтенант Э.Э.Петерсон:

1. Проектирование паровых машин и котлов.
2. Учет и ремонт паровых установок.
3. Моторы.
4. Электрические установки.
5. Насосы, турбины и помпы.
6. Управление мастерскими.
7. Составление карт и чертежей, географических и технических.
8. Производство всякого рода чертежных работ.
9. Морское дело.
10. Общее знание военного дела.
11. Знание языков: русского, французского, английского и немецкого²⁵.

Аналогичный список у де Платана не менее значителен:

1. Моторы (диплом механика).
2. Автомобильное дело.
3. Методы обучения стрельбе.
4. Пристрелка и испытание ружей и револьверов.
5. Съёмка местности и обучение съёмке²⁶.
6. Военная тактика.

7. Фортификационные работы.
8. Общее знание артиллерийского дела.
9. Конструирование аэропланов.
10. Полеты на аэропланах.
11. Знание языков: русского, французского и английского.

В июне 1918 г., как свидетельствуют архивные документы, обоим удалось подписать предварительный договор с аддис-абеским градоначальником кантибой Воссэне Замэнуэлем о поступлении на службу в столичный муниципалитет с окладом 500 талеров в месяц. Однако был ли на деле реализован этот контракт и оставались ли оба в Эфиопии после 1919 г., из документов миссии неясно²⁷.

Казаки и другие. Помимо аристократов проживали в Эфиопии в 1918—1920 гг. и россияне званием попроще. Весьма колоритной фигурой был некий Ефим Петрович Клименко, отставной казачий урядник Войска Донского, служивший сначала поваром в российской миссии в Аддис-Абебе, а позже поступивший на эфиопскую службу²⁸.

Клименко поселился в Эфиопии в 1913 г. Обстоятельства его появления здесь нам неизвестны. Но из-за того, что за ним на родине остался долг в 677 руб. крестьянину Федору Игнатьевичу Мигунову, сведения о Клименко попали в переписку миссии и благодаря этому стали известны некоторые подробности его жизни и занятий в Эфиопии. После отъезда Б.Н.Чемерзина, у которого он служил поваром, Клименко решил сделаться фермером. В июне 1917 г. временный поверенный в делах России в Эфиопии Н.И.Виноградов доносил в МИД, что «Е.Клименко начал в последнее время заниматься разведением и продажей овощей и фруктов, каковое ремесло едва дает ему возможность пока кое-как пропитаться, и ввиду неимения у него никакого имущества Миссии едва ли удастся взыскать с него что-либо по упомянутому исполнительному листу, по крайней мере в ближайшем будущем»²⁹.

До января 1918 г. Клименко служил управляющим имением у министра иностранных дел Эфиопии *битвагэда* Хайле Гийоргиса. Потом между ними произошли какие-то денежные недоразумения, и в январе 1918 г. Клименко даже подал судебный иск против Хайле Гийоргиса. Рассмотрение этого дела в чилоте (эфиопском суде) состоялось 7 июля 1918 г.³⁰, причем ввиду иностранного подданства истца и высокого ранга ответчика заседание проходило под председательством самого регента Эфиопии раса Тэфэри Мэконнына (будущего императора Хайле Селассие I). Удовлетворения по своему иску Клименко не получил, так как не смог представить суду убедительных доказательств своей правоты. Как выясняется из обстоятельной записки Н.И.Виноградова³¹, хотя Клименко в своих претензиях к Хайле

Гийоргису был во многом прав, выиграть это дело у него было мало шансов, так как в счетах и бумагах казак был весьма неаккуратным и к тому же по натуре являлся человеком довольно скандальным. Считая себя безусловно правым, он не утруждался поиском доказательств и свидетельств в свою пользу. По всей видимости, Клименко остался жить в Эфиопии, поступив в услужение к кому-то из перебравшихся в Эфиопию состоятельных русских.

Неправославные российские подданные. Помимо казаков в начале XX в. в Эфиопию приехало несколько семей кавказцев-дагестанцев, армян, азербайджанцев. Из неправославных российских подданных в Эфиопии к 1918 г. находились Хаджи Хассан Абдулла Карси, Ханефи Магомет Оглу, Абд-уль-Латиф и семья армян Геворкянов (Кеворковых). Все они занимались в Эфиопии преимущественно торговыми операциями.

Наиболее крупным из этих предпринимателей был Ханефи Магомет Оглу. Его семья в 20-е и начале 30-х годов считалась довольно состоятельной. Среди русской колонии семья Ханефи (или Ганафи) пользовалась известностью и славилась хлебо-сольством. Из вновь приезжавших в Эфиопию русских почти все бывали у них в гостях. В середине 30-х годов, накануне итальянской оккупации, Ханефи владели многочисленными коммерческими предприятиями, хлопковыми плантациями в провинции Сидамо и несколькими доходными домами в Аддис-Абебе. Им принадлежало также предприятие по выработке древесного угля, поставляемого для эфиопской государственной железной дороги. Во время итальянской оккупации они всего этого лишились. Сам Ханефи Магомет Оглу, его жена, дочь и еще несколько членов семьи были арестованы по обвинению в сочувствии и помощи эфиопским партизанам и четыре года провели в неаполитанской тюрьме. Их собственность и имущество были конфискованы.

Итальянская оккупация и русская колония. В период итальянской оккупации 1936—1941 гг. численность русской колонии в Эфиопии значительно сократилась. Часть русских офицеров во время итало-эфиопской войны 1935—1936 гг. служили в эфиопской армии в качестве военных специалистов. Полковник Ф.Е.Коновалов, капитан М.Бабичев, В.Дидерихс и некоторые другие принимали непосредственное участие в боевых действиях. После поражения эфиопов семьям русских, активно помогавших эфиопским патриотам или просто сочувствовавших им, пришлось покинуть страну. Большинство членов русской колонии выехало в Европу. Лишь немногие из них вернулись после окончания войны обратно. События Второй мировой войны фактически привели к исчезновению той части российской диаспоры, которая сложилась на базе первой волны эмиграции. К

концу 40-х годов от первой русской колонии остались лишь осколки.

Что же касается Ханефи Магомет Оглу, то он после войны вернулся с семьей в Эфиопию и восстановил там свой бизнес. Дочь Ханефи Магомет Оглу, Мария Магометовна Ханефи, жива до сих пор и по-прежнему проживает в Аддис-Абебе. В конце 40-х годов Мария Магометовна вышла замуж за русского эмигранта, представителя американской компании «Дженерал Моторс» Г.Д.Лапина, приехавшего в Эфиопию в 1946 г. В начале 50-х годов Георгий (Юрий) Дмитриевич Лапин, бывший в то время человеком без гражданства и имевший паспорт беженца, принял эфиопское подданство и остался на постоянное жительство в Эфиопии.

Послевоенная волна русской эмиграции (1946—1955). После Второй мировой войны из Европы по некоторым странам Африки прокатилась новая волна русской эмиграции, состоявшая из людей, освобожденных из фашистского плена или лагерей для перемещенных лиц, находившихся в западных зонах оккупации.

В 1945—1947 гг. в странах Северной Африки — Тунисе, Алжире, Египте, Марокко — оказалось довольно много русских; по разным причинам они не желали возвращаться на родину. Они скрывались в немногочисленных тогда полузависимых африканских странах — Марокко, Египте или в африканских колониях Франции в надежде поступить во французский Иностранный легион. Французы охотно принимали в Иностранный легион русских офицеров, но тщательно скрывали это от советских миссий по репатриации. Русским легионерам рекомендовалось выдавать себя за поляков, словаков, сербов и представителей других славянских народов, чтобы избежать сдачи советским властям.

Пополнилась после войны и русская колония в Эфиопии. Но в отличие от первого эшелона русских беженцев, которые прибыли сюда после революции, новоприбывшие приезжали не просто на удачу, а зачастую имея на руках готовые контракты с эфиопскими властями или частными компаниями, оформленными через содействие международных организаций. Их проезд был оплачен, как правило, специальной Комиссией ООН по беженцам. В конце 40-х — начале 50-х годов в стране проживало около 50 русских семей. Но считать их русской диаспорой можно было уже с некоторой натяжкой. Сознывая свои российские корни, они в большинстве своем считали себя скорее «гражданами мира», чем людьми, принадлежащими России, тем более Эфиопии.

Из русских эмигрантов второй волны можно упомянуть Л.Лисицына, служившего начальником эфиопской метеослужбы, профессоров агрономии и юриспруденции А.Шиншина и К.Ти-

хомирова. Архитектором в муниципалитете Аддис-Абебы работал выходец из России С. фон Клодт.

Эмигрантов второй волны сейчас почти не осталось. Они или скончались, или покинули Эфиопию (преимущественно после антимонархической революции 1975 г.). Из людей послевоенной волны мне удалось застать в живых и пообщаться лишь с Г.Д.Лапиным. Довольно продолжительное время он сотрудничал с эфиопским правительством по различным коммерческим проектам (создание сети зернохранилищ, организация смешанной частно-государственной пароходной компании «Этиопиан шиппинг», о которой он до сих пор с гордостью говорит: «Это моя компания, это я ее устроил!»). Позже Г.Д.Лапин основал в Эфиопии собственную частную техническую компанию «Мотор инжиниринг» (МОЕНКО), которую лишь недавно, отойдя от дел из-за преклонного возраста, продал фирме «Тойота»³².

После революции 1975 г. довольно значительное недвижимое имущество семьи Лапиных — Ханефи (несколько домов в Аддис-Абебе и хлопковая плантация недалеко от г. Арба-Минча в провинции Сидамо) было национализировано. За ними сохранили лишь один жилой дом в Аддис-Абебе. Г.Д.Лапин — нередкий гость российского посольства в Аддис-Абебе. Именно благодаря содействию посольства мне удалось встретиться с ним и послушать его рассказ про «дела давно минувших дней».

Культурная жизнь русской колонии. Большинство русских, поселившихся в Эфиопии после большевистской революции, были людьми высокообразованными и принадлежали к привилегированным слоям общества: дворянству, буржуазии, интеллигенции. Некоторым из них удалось вывезти из России какие-то накопления. Расположение к русским и некоторое покровительство со стороны эфиопского двора позволяло и тем русским, кто не имел накоплений, устроиться здесь достаточно благополучно, поступить на государственную или военную службу, получить разрешение открыть свое дело или частную практику.

Благодаря высокому уровню образования, знанию одного-двух европейских языков почти все русские, прожившие в Эфиопии более двух лет, достаточно свободно говорили на амхарском языке, что в немалой степени помогало им устраиваться на государственную службу.

Сохранению родной речи способствовали чтение и развитие земляческие связи. Обменивались русскими книгами из личных библиотек, устраивали совместные музыкальные и поэтические вечера, ставили русские пьесы. Среди представителей первой русской колонии были и литераторы. В частности, военным инструктором в эфиопской армии служил поэт Павел Булыгин³³. Некоторые из его стихов, написанные в Эфиопии, были посвящены Н.С.Гумилеву и И.А.Бунину. Позже часть их вошла в по-

этический сборник «Янтари», изданный в Риге в 30-е годы. Много стихов об Эфиопии написал также Б.Н.Волков³⁴. В 1930—1931 гг. в Аддис-Абебе русская колония выпускала даже свой журнал, который назывался «Наш отдых»³⁵.

Центрами культурной жизни и общения русских в Аддис-Абебе были большие городские виллы Турчаниновых, братьев Сенявиных, Татищевых, дом Ханефи Магомет Оглу. Дети русских воспитывались в русских культурных и православных традициях, в то же время с детства усваивая местные языки и приобщаясь к эфиопскому этикету и традициям. Своих детей русские из привилегированных классов, как правило, отдавали во французские лицеи, где они учились вместе с детьми эфиопских аристократов и крупных чиновников. Практически все молодые россияне свободно говорили на трех языках: русском, французском и амхарском. Многие знали также английский и немецкий. Однако языком семейного общения оставался по преимуществу русский, или, точнее, своеобразный русско-амхарский сленг, когда в русскую речь вставляются местные понятия и выражения.

Состоятельные русские старались отправить детей за границу для получения высшего образования. Многие из них в Европе и оставались. Это, естественно, приводило к тому, что уже в 30-е годы местная русская колония постепенно старела и сокращалась. Однако к началу итальянской оккупации она была еще достаточно многочисленной и влиятельной среди эфиопской элиты.

Оккупация отразилась не только на численности, но и на самой судьбе русской колонии в Эфиопии. Прежнего русского влияния на культурную и светскую жизнь в послевоенной Эфиопии уже практически не ощущалось. Вновь приехавшие в Эфиопию русские были по преимуществу людьми иной исторической и культурной формации. Они с трудом находили общий язык со сторожилами, да и старались держаться от них обособленно, не признавая их за людей своего круга. По признанию Г.Д.Лапина, каких-то общерусских мероприятий уже не устраивалось. Послевоенная русская колония была раздроблена на несколько небольших обособленных кружков, которые формировались уже больше не по национальному, а по профессиональному интересу. Так, например, Г.Д.Лапин говорил, что из живших в 50-х годах в Аддис-Абебе русских он поддерживал постоянные отношения не более чем с двумя-тремя русскими семьями, а его близкими друзьями помимо русского эмигранта Павлова³⁶ были европейцы и эфиопские офицеры и дипломаты, получившие образование за границей.

Вместо послесловия. Говоря о российской диаспоре в Эфиопии, надо делать четкое различие между эмиграцией первой и

второй волны и эмиграцией третьей волны. Эмиграция первой волны образовала в Эфиопии небольшую, но сплоченную общностью языка и культуры русскую (точнее все же, русскоязычную) колонию. Ее основой были полностью сложившиеся на родине русские семьи.

Третье поколение сильно отличается от эмигрантов первой и даже второй волны. Прежде всего, воспитанием, значительно меньшей привязанностью к православной вере, нежели у представителей «старой» эмиграции. Нынешнее поколение русских, приехавшее в страну большей частью в конце 80-х — начале 90-х годов, живет преимущественно замкнуто в кругу своих семей, которые мало общаются друг с другом. Русской церкви, которая могла бы, как, скажем, в Тунисе, стать неким объединяющим началом, в Эфиопии нет³⁷, а в греческую ходят очень немногие.

Различные обстоятельства, при которых сложилась диаспора первой-второй волны и диаспора третьей волны, обусловили и различное восприятие русскими эмигрантами самой Эфиопии. На приехавших в Эфиопию в правление императора эта страна производила преимущественно положительное впечатление. Еще и сегодня в воспоминаниях, например, Г.Д.Лапина сквозит ностальгия «по старому доброму времени», когда «народу было еще мало», а перед образованным белым человеком здесь были открыты все пути и все границы и из Эфиопии можно было на автомобиле свободно проехать до Заира, не обращая внимания на пограничные кордоны.

Различны и впечатления об эфиопском обществе. На вопрос, каково было отношение к ним эфиопов, старик Г.Д.Лапин ответил с оттенком недоумения: «Какое отношение? Приятное было отношение. Они же все учились за границей: офицеры из Франции, ученые. Они все, и министры в том числе, бывали у меня дома. С ними можно было разговаривать». Его недоумение понятно: ведь эмигрантам первой и второй волны, принадлежавшим преимущественно к состоятельным классам российского дореволюционного общества, приходилось общаться здесь главным образом с представителями эфиопской аристократии или интеллигенции, получившими образование за границей. В то же время третье поколение русской эмиграции в Эфиопии не понаслышке знакомо с жизнью африканского общества. Материальное положение большинства нынешних смешанных русско-эфиопских семей довольно скромное. Многие не только не могут себе позволить роскоши иметь машину или поехать в отпуск за границу, но зачастую должны отказывать себе и в более насущном. К тому же за четверть века, прошедшую после падения в стране монархического режима и правления сначала прокоммунистического, а затем нынешнего демократического правительства, в Эфиопии не осталось и следа от бытовавшего при

императоре прежнего отношения к европейцам как носителям образования и культуры.

Повсеместное распространение среднего образования, гораздо большая доступность образования высшего привели к вытеснению европейцев с высокооплачиваемых мест в государственной администрации, в высших учебных заведениях, которые они зачастую занимали при Хайле Селассие. Вслед за этим ушел в прошлое и некий «колониальный стереотип» (белый хозяин — черный слуга), бытовавший в общении белых с местным населением и импониравший европейцам.

За последние полвека Африка сильно изменилась. Из вотчины трех-четырех колониальных держав она превратилась в континент десятков национальных государств, среди граждан которых растущее чувство национального самосознания нередко стало соседствовать с ксенофобией и враждебным отношением к чужой (в особенности «белой») культуре. И, судя по всему, эта тенденция в ближайшие годы сохранится. В силу этого численность белой диаспоры в Черной Африке в последние десятилетия постоянно сокращалась и продолжает сокращаться. В полном объеме этот процесс распространяется и на русскую диаспору в Эфиопии, которая в начале наступившего века, по всей видимости, совершенно сойдет на нет.

Ныне в Эфиопии, по официальным данным российского консульства, проживает около 155 человек¹ бывших и нынешних российских подданных (включая детей). Однако собственно русской эмигрантской общины в Эфиопии уже не существует. Сегодня подавляющее большинство живущих в Эфиопии русских — это жены бывших эфиопских студентов, обучавшихся в разные годы в СССР (России). Именно по этой причине нынешнюю русскую диаспору в Эфиопии нельзя признать полноценной, поскольку ее представители (точнее, представительницы) не составляют самостоятельной национально-культурной общины в стране проживания. Диаспора такого рода, если ее все же назвать таким словом, — явление недолговечное. Дети от смешанных браков довольно быстро ассимилируются, и новое поколение будет полностью осознавать себя уже эфиопами, а не русскими.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Н.С. Леонтьев попросил императора Менелика возвести его в титул графа, хотя такого титула в эфиопской феодальной иерархии не суще-

^{*} 101 из них уже сменили гражданство и официально считаются гражданами Эфиопии или третьих стран.

ствовало. Таким образом, он был первым эфиопским графом. Об экспедиции Леонтьева см. подробно в кн.: Российско-эфиопские отношения в XIX — начале XX в. Сборник документов. Сост. А.В.Хренков. М., 1998; о В.Ф.Машкове см.: А.В.Хренков. Машков в Эфиопии (между подвигом и авантюрой). — Вопросы истории, 1999, № 2, с. 123–137.

² Евгений Сенигов приехал в Эфиопию в 1897–1898 гг. по собственной инициативе. Он служил сначала у Леонтьева, потом у Бабицева и, наконец, стал военным советником у раса Уольдэ Гийоргиса. Е.Сенигов был прекрасным художником-самоучкой, оставившим после себя большое собрание картин и рисунков, посвященных Эфиопии. В 1921 г. он вернулся в Россию.

³ АВПРИ, ф. 165/1, оп. 1. д. 10, л. 14–15.

⁴ Там же, л. 53–53 об.

⁵ Граф П.Н.Татищев, который эмигрировал из России сначала во Францию, а оттуда в Эфиопию, служил придворным переводчиком. Из детей П.Н.Татищева до сих пор живет в г. Назрете его сын Василий. У Василия, по сведениям его сводного брата, эфиопского врача Сыйюма Татищева, сохранились семейные фотографии и герб дома Татищевых. Старый граф умер в 1965 г. и похоронен в Эфиопии.

⁶ Так же, как и контора Российского общества Пароходства и Торговли (РОПиТ) в Джибути. В июле 1919 г. ее представителем там по-прежнему оставался российский вице-консул Галеб (АВПРИ, ф. 165/1, оп. 1, д. 10, л. 160).

⁷ В конце 1919 — начале 1920 г. миссия была закрыта, Н.И.Виноградов вместе с архивом миссии уехал в Париж. Позже он был назначен директором Каирского бюро по регистрации русских эмигрантов в Египте.

⁸ АВПРИ, ф. 165/1, оп. 1, д. 10, л. 65.

⁹ Там же, л. 37.

¹⁰ В 1900–1901 гг. в числе других европейских держав Россия участвовала в подавлении восстания ихэтуаней в Китае.

¹¹ Маконен (Мэконнын), рас — крупный эфиопский вельможа второй половины XIX — начала XX в., близкий родственник императора Менелика II (принадлежал к побочной линии царствующей в Эфиопии династии Соломонидов). Прославился как полководец и государственный деятель. В 1887 г. завоевал и присоединил к Эфиопии Харэровский эмират, который в награду был отдан Менеликом II ему в вотчину. Был сторонником сближения Эфиопии с Францией и Россией. Отец последнего эфиопского императора Хайле Селассие I (1896–1974).

¹² Ф. 149 Турецкий стол (новый), оп. 5026, д. № 5456, 1911 г., «Трофимов, бывший хорунжий, находящийся на службе в Абиссинии», л. 3.

¹³ Банти, каньязмач (эф. военно-феодалный титул) — градоначальник Харэра, доверенное лицо и заместитель раса Мэконнына, а впоследствии его сына раса Тэфэри Мэконнына.

¹⁴ «Ада» — бывшее имение Н.С.Леонтьева, подаренное ему Менеликом. После отъезда Леонтьева из Эфиопии это имение было передано императором И.Ф.Бабицеву.

¹⁵ Один из округов на юге области Шоа.

¹⁶ Ф. 149 Турецкий стол (новый), оп. 5026, д. № 5456, 1911 г., «Трофимов, бывший хорунжий, находящийся на службе в Абиссинии», л. 4.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, л. 3—4.

¹⁹ *Ниаало, Азиз. Путешествие по Абиссинии. М. — Л. 1936, с. 73—74.*

²⁰ Там же.

²¹ Младший из сыновей Г.А.Турчанинова, Иван уехал из Эфиопии в Италию лишь в 1975—1976 гг.

²² При написании данной статьи были использованы некоторые материалы Н.А.Крыловой и Ю.В.Луконина.

²³ Эти документы (правда, с большими изъятиями), возвращенные в 80-е годы французской стороной советскому правительству, хранятся ныне в АВПРИ.

²⁴ АВПРИ, ф. 165/1, оп. 1, д. 10, л. 54.

²⁵ Там же, л. 62.

²⁶ На франц. яз.: *Levée des plans et l'enseignement de la levée.*

²⁷ АВПРИ, ф. 165/1, оп. 1, д. 10, л. 63—64.

²⁸ Там же, л. 101 (подлинное письмо раса Тэфэри, будущего императора Хайле Селассие I).

²⁹ Там же, л. 171.

³⁰ Там же, л. 102—106.

³¹ Там же, л. 111. — Записка Н.Виноградова от 21 мая 1918 г.

³² Эта компания является в настоящее время генеральным дилером в Эфиопии японской корпорации «Тойота».

³³ В 1918 г. Павел Булыгин состоял начальником личной охраны вдовствующей императрицы Марии Федоровны, матери Николая II, в 1919 г. находился в войсках адмирала Колчака и вместе со следователем Н.А.Соколовым участвовал в расследовании фактов убийства царской семьи в Екатеринбурге в июле 1918 г. (см.: *Bulygin P. The Murder of the Romanov. London, 1935*). См. о Булыгине также: *Булыгин П. Пыль чужих дорог. М., 1998.*

³⁴ Борис Николаевич Волков, уроженец Екатеринослава (1894 г.). Принадлежал к первой волне русской эмиграции в Эфиопии. Позднее выехал в США. Умер в Сан-Франциско в 1953 г.

³⁵ К сожалению, установить, кто был его издателем или сотрудниками, не удалось.

³⁶ По словам Г.Д.Лапина, Павлов служил в эфиопском министерстве финансов, а также имел земельные владения в юго-западной Эфиопии. После выхода в отставку он стал профессиональным охотником и проводником европейских охотничьих партий.

³⁷ В 20—30-х годах она существовала, хотя и размещалась в частном доме.

В.П.Хохлова

«ДРУГАЯ РОССИЯ» В МЕЖВОЕННОЙ АФРИКЕ (БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ)

Мы дети России, бездомные птицы,
Мы бедствуем всюду, под небом всех стран.
Летят разоренных скитальцев станицы
В Египет, в Алжир, на седой океан.

Иван Умов

Данные библиографические материалы являются первой в российской историографии попыткой дать читателю представление о жизни россиян первой волны эмиграции, оказавшихся на Африканском континенте в 20–40-е годы. В библиографию вошли как книги самих эмигрантов, так и литература о них, изданная в Зарубежье и в России в 20–90-е годы XX столетия.

История появления и расселения российских граждан на Африканском континенте в первой половине XX в. как следствия Первой мировой войны, Октябрьского переворота (1917 г.) в России и разгоревшейся вслед за ними Гражданской войны постоянно находит свое отражение в публикациях двух последних десятилетий.

Тема пребывания россиян в Африке интересна и важна как для понимания вклада российских граждан в культуру африканских стран, так и для изучения условий жизни эмигрантов в Африке, проблемы сохранения родного языка и духовных ценностей. Историческая справедливость требует восстановить имена всех людей, покинувших Россию не по своей воле в трагический час истории. К проблеме исследования этого феномена российские ученые-африканисты только приступают в отличие от своих коллег, занимающихся историей российской диаспоры в Европе, Америке, Китае, Австралии.

Начало изучению проблемы в России было положено публикациями в научных и научно-популярных журналах, а также книгой В.В.Белякова «По следам Пересвета» (Каир, 1994), где в форме популярных очерков описаны жизнь русских первой вол-

ны эмиграции в Египте и тот вклад в культуру и общественную жизнь, который они внесли. Несколько раньше появилась монография Б.Носика (М., 1992), написанная на основе документальных источников и труднодоступных материалов. Журналист и писатель Б.Носик уже много лет живет во Франции. Книга содержит несколько десятков имен русских, в чьей жизни и творчестве Африканский континент сыграл не последнюю роль. Это художники И.Билибин, В.Шухаев, А.Яковлев, Н. де Сталь, С.Малевский-Малевич, философ Г.Федотов, актер МХАТа Н.Колин, журналисты и писатели В.Жаботинский и З.Шаховская и др.

До недавнего времени архивы и литература, содержащая сведения о россиянах в Африке, были сосредоточены в спецхранах. Российские ученые знали об их существовании, но опубликовать подобные материалы было невозможно.

Трудность поиска сведений о россиянах в Африке состоит также в том, что они разбросаны по всем видам литературы и чаще всего мизерны и фрагментарны. Таких центров русской диаспоры, как в Германии, Франции, Югославии, Чехословакии, Китае, в Африке не существовало. Продолжительность пребывания россиян в отдельных африканских странах иногда была очень краткой. Поэтому в общих работах мы чаще всего не встречаем континент в целом даже в перечислении мест проживания беженцев. И тем не менее в справочно-библиографических, биобиблиографических материалах, словарях, антологиях, альманахах, докладах конференций, воспоминаниях, переписке, художественных каталогах, отчетах многочисленных организаций, на первый взгляд как будто не связанных с Африкой, — везде можно обнаружить интересные факты, цифры, подробности, детали, свидетельства не только пребывания россиян на Африканском континенте, но и вклада в культуру, науку, общественную жизнь стран, приютивших их.

В литературе встречаются упоминания о специалистах, военных, писателях, художниках и просто родных и знакомых тех, кто жил или умер в одной из африканских стран. Находясь в изгнании, русские люди переезжали из одной страны в другую, вели активную переписку не только друг с другом, но и через русскую зарубежную печать, разыскивали друзей и близких, страдали от одиночества, искали общения с родственными душами.

Причины эмиграции могли быть самыми разными. Покидая родину, тысячи и тысячи россиян уходили через Крым, Дальний Восток, Финляндию с отступающей белой армией или же эмигрировали сами по себе, опасаясь за свою жизнь, за жизнь своих детей, не соглашаясь оставаться в Советской России по политическим мотивам. Среди эмигрантов были люди разных классов и сословий, богатые и бедные, но всех их объединяла российская

культура, российское воспитание, любовь к отчизне и вера в скорое возвращение на родину.

Большинство россиян считало Африку, как, впрочем, и другие континенты, местом временного проживания. Одни жили в Африке дни, месяцы, для других она стала последним приютом. Многие смогли вырваться в Европу, Америку. После Второй мировой войны некоторые соотечественники бежали в Африку из европейских стран, занятых советскими войсками, так как хорошо понимали, какая участь их ожидает. Большинство россиян, видимо, покинуло Африканский континент с возникновением независимых государств, в первую очередь в Северной Африке. Их численность на континенте не была постоянной, и посчитать ее можно только приблизительно, сопоставляя то, что русские сами говорили о себе. Но даже приблизительные подсчеты позволяют утверждать, что Африка дала приют и работу, спасла от экономического кризиса и фашизма десятки тысяч россиян. В то же время тоска по родине и тяжелый климат являлись причиной их преждевременной смерти. С Африкой связали свою судьбу писатели, ученые, поэты, живописцы, артисты, педагоги, врачи, авиаторы, агрономы, инженеры, геологи, военные, священнослужители. Мы знаем теперь сотни русских имен, в душах которых оставила свой след Африка.

Ценность довоенных и послевоенных работ наших соотечественников велика. Написаны они участниками событий и, скорее всего, в самые тяжелые для них времена. Авторы считали себя ответственными перед последующими поколениями и за сохранение российской культуры, своего родного языка, и за то, что произошло с их страной.

До 80-х годов литература Русского Зарубежья и о Русском Зарубежье издавалась исключительно на Западе — в Париже, Берлине, Белграде, Софии, Праге, Риге, городах Америки, Шанхае. Это библиографии, справочники, отчеты многочисленных обществ, исторические исследования, поэтические альманахи, воспоминания, художественные произведения, герои которых — русские люди — жили (или продолжают жить) в одной из африканских стран. Среди этой обширной литературы назовем библиографию научных трудов, изданную в Белграде в 1931 и 1941 гг., библиографию русской зарубежной литературы, составленную Людмилой Фостер (Бостон, 1970). Из исследований Русского Зарубежья прежде всего отметим труды историка, библиографа П.Е.Ковалевского (Мюнхен, 1960; Париж, 1971, 1973), обобщившего достижения, которые были сделаны в самых разных областях литературы, науки и искусства нашими соотечественниками за рубежом, в том числе и в Африке.

В.И.Алексинский, а позже В.С.Варшавский одними из первых назвали имена россиян, сражавшихся в армии де Голля на аф-

риканском театре военных действий в период Второй мировой войны, — Дмитрия Амилахвари, Петра Дуракова (прямого потомка Е.Пугачева), военного историка Сергея Андоленко, Ромена Гари, Николая Вырубова и многих других. Из мемуарной литературы особенно интересны воспоминания военных В.Х.Даватца и В.В.Берга, педагога-историка Н.Н.Кнорринга о пребывании российской армии в Тунисе, а также писателя и журналиста А.Маркова (Шарки), много лет служившего в египетской армии, о жизни в Египте. Отметим поэтические сборники Н.Войтенкова, Н.Альникина, Артуа. Первый долгие годы жил в Египте. Альникин, донской казак, в 30-е годы работал геологом в Марокко. Артуа, врач, поэт, жил восемь лет в Конго и перебрался в 1936 г. в Парагвай. Туда же приехали из Эфиопии агроном Ю.Ф.Бутилов и поэт П.П.Булыгин.

На французском языке была опубликована книга о путешествии в глубь Африки в 1924—1925 гг. рекламной автомобильной экспедиции, организованной французским инженером и создателем автомобильной фирмы А.Ситроеном. В ее составе находился и проживающий в Париже русский художник А.Е.Яковлев, получивший в 20—30-е годы широкую известность во Франции и Америке. В книге приводятся дневниковые записи, а также многочисленные иллюстрации художника. Из экспедиции он привез более 300 рисунков и картин. Во Франции была организована выставка работ Яковлева, имевшая огромный успех. В 1927—1928 гг. в СССР были сделаны два разных перевода этой книги.

Интересны дневниковые записи, вплетенные в канву художественных произведений В.Унковского и В.Солонихи, работавших врачами в Экваториальной и Западной Африке. Многие русские писатели — Р.Гуль, А.Ренников (А.М.Селитренников) и другие — в своих произведениях отражали в художественной форме жизнь эмигрантов, попавших в Африку.

Заголовки книг, как правило, не имеют никакого отношения к Африке. И все же мы находим у журналиста Е.Недзельского в статье, опубликованной в сборнике «За чертой», сведения о том, как русские, оказавшиеся на Черном континенте, не только работали, но и отдыхали, сочиняли куплеты, частушки на тему знаменитого «Яблочка». Журналист К.К.Парчевский, проехав Парагвай и Аргентину, встречается и здесь русских, успешных несколько лет прожить в Африке и выпустить поэтические сборники (П.П.Булыгин, Артуа) (Париж [1936]). А.Марьюшкин, говоря о судьбе русского офицерства, пишет: «Куда только ни бросала судьба офицера. В далекой знойной Аргентине и Бразилии, в рудниках Калифорнии и в Канаде, в Китае и джунглях Индии, на Филиппинских и изнурительных Зондских островах, в Абиссинии и даже в Иностранном легионе

Туниса и Мадагаскара — везде слышится русская речь...» (Новый Садъ, 1923).

Оставшись в африканских странах, наши соотечественники не забывали родную историю. Они хотели передать свои знания и последующим поколениям русских, и интересующимся российской историей иностранцам. Некоторые русские авторы писали книги в Египте, Тунисе, издавая их в Европе. В качестве примера можно привести труды российского военного моряка Н.А.Монастырева.

В 80-е и 90-е годы объем литературы, содержащей сведения о русских в Африке, значительно увеличился. Отрядным фактом сотрудничества ученых, исследователей, библиографов из стран дальнего Зарубежья и России явилось издание «Хроники научной, культурной и общественной жизни русской эмиграции во Франции» в период между двумя мировыми войнами (Париж—Москва, 1994—1997). В 2000 г. вышел дополнительный, пятый том, охватывающий военные и послевоенные годы. Обращаясь к периодике, которая была использована при составлении хроники, легко обнаружить обширный материал о россиянах в Африке. Издание дает новые имена россиян, связанных с культурной, научной, производственной деятельностью, и побуждает к дальнейшему научному поиску.

Работа российских исследователей облегчается благодаря нашим соотечественникам, которые еще до Второй мировой войны начали собирать сведения о русской диаспоре и продолжают обобщать накопленное.

В Нью-Йорке в 1993 г. вышла двухтомная библиография С.П.Постникова. Составитель многие годы заведовал библиотекой русского заграничного архива в Праге. Библиография, плод многолетней работы, наиболее полно отражает публикации на русском и французском языках, выходившие в Египте, Тунисе, Франции, а также периодику, печатавшуюся в Северной Африке на примитивной множительной технике.

В «Словаре русских зарубежных писателей» В.Ф.Булгакова (Нью-Йорк, 1993), вышедшем благодаря усилиям библиографов Чехословакии, США и России, мы находим биографии поэтов, писателей, журналистов со сведениями об их пребывании в странах Африки. России эти имена или мало знакомы, или не знакомы вовсе.

В Стэнфорде в 1991 г. был издан четырехтомный биобиблиографический справочник (сост. Ю.И.Абызов), где можно найти много имен россиян, писавших об Африке в латвийской прессе 1917—1944 гг.

Среди изданных за рубежом книг отметим ценный труд человека, много лет занимающегося русской генеалогией, француза Жака Феррана. В 90-х годах в Париже вышло несколько томов

его книги, где собраны материалы о представителях российских дворянских родов. В издание вошли не только сведения о жизни россиян в разных африканских странах, но и фотографии русских людей, эмигрировавших в Африку, и их потомков, воевавших за свободу Франции, умерших на чужбине или продолжающих работать и отдавать свои знания и способности Африке.

В 1996 г. в Париже вышла в свет книга страстного пропагандиста Русского Зарубежья Никиты Струве «Семьдесят лет русской эмиграции». В указателе наряду с уже хорошо знакомыми именами мы встречаем имена М.И.Терещенко, служившего советником на Мадагаскаре в 20—30-е годы, Ромена Гари (настоящая фамилия Касев), летчика, воевавшего в Северной Африке во время Второй мировой войны и ставшего впоследствии литератором и дипломатом, а также совершенно забытого на родине писателя В.В.Корсака (настоящая фамилия Завадский). У последнего среди его многочисленных книг есть воспоминания о времени, проведенном на лечении в Египте в 1919 г.

Из публикаций, появившихся в России в 90-е годы, нельзя не назвать вышедший в издательстве РОССПЭН энциклопедический словарь «Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века» (М., 1997). Хорошо изданный словарь, собравший 400 биографий, можно рассматривать как начало большой работы. К сожалению, среди людей, внесших свой вклад в мировую культуру и науку, мы найдем очень немного имен тех, чья судьба так или иначе была связана с Африкой, причем в биографиях некоторых из них африканский период просто не упоминается.

В «Материалах к биографическому словарю» С.Г.Исакова (Тарту, 1996) отмечен вклад И.П.Соломенцева (1896—1934), одного из основателей Общества русских студентов при Тартуском университете. Ученый, врач, он до Второй мировой войны несколько лет проработал во Французской Экваториальной Африке, собрал большую коллекцию этнографических и культурных материалов. Сегодня все собранное им хранится в Эстонском национальном музее.

В 1995 г. был опубликован «Морской биографический словарь» (сост. В.Д.Доценко), где представлены биографии адмиралов флота, исследователей морей и путешественников, чьи имена были вычеркнуты из российской истории после 1917 г., — А.М.Герасимова, М.А.Беренса, Б.А.Вилькицкого*, многие годы проживших в Африке.

---

* 20 ноября 1996 г. прах Б.А.Вилькицкого был привезен из Брюсселя и перезахоронен на Смоленском кладбище в Санкт-Петербурге, на семейном участке Вилькицких. — Дворянский вестник. М., 1997, № 2 (33).

В 1994—1996 гг. вышли ценные справочники «Писатели Русского Зарубежья (1918—1940)» и «Литературная энциклопедия Русского Зарубежья», подготовленные Институтом научной информации по общественным наукам РАН. На базе первого издания в 1997 г. выпущена «Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918—1940. Т. 1. Писатели Русского Зарубежья». Не все писатели и поэты вошли в эту энциклопедию, и уж совсем нет в ней сведений о том, как Африка повлияла на их творчество. Но биографические сведения во многих случаях отражают факт пребывания литераторов в Африке. В справочнике, изданном в 1996 г., есть материал о журнале «Иллюстрированная Россия» с упоминанием всего лишь одного факта пребывания русских в Африке. Просмотрев журнал *de visu*, автор данной публикации обнаружила в самых разных его разделах богатейший материал, связанный с деятельностью наших соотечественников в Африке.

Нельзя обойти вниманием и «Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России (Материалы к истории Белого Движения)» Н.Рутыча (Н.Н.Рутченко), бывшего редактора журнала «Грани». Книга вышла при участии парижского Общества ревнителей русской истории.

В справочной литературе, комментариях, некрологах, биобиблиографических материалах о россиянах, живших в Африке, африканский период чаще всего просто опускается, видимо, как не заслуживающий внимания. Эту особенность можно отнести ко многим изданиям, как российским, так и зарубежным. Часто можно встретить слишком скупые строки о том или ином нашем соотечественнике, ничего или почти ничего не сообщающие, сколько лет, месяцев человек прожил в одной, а то и в нескольких африканских странах. А ведь у многих из них этот период был значимым и даже переломным в их жизни, как это было, например, с молодой талантливой поэтессой Ириной Кнорринг или поэтами Виктором Мамченко и Владимиром Смоленским, которые именно в Африке начали писать свои стихи.

В последние годы в России вырос интерес к поэтическому наследию русской эмиграции. В антологиях представлены имена поэтов, чье творчество напрямую связано с Африкой. Среди них Н.Туроверов, А.Блох, Н.Воробьев (Богаевский), Б.Волков, П.Булыгин, И.Никонов, И.Умов, И.Гончаров, А.Ладинский и др. Кроме того, отдельными книжками выходили за рубежом, а теперь и в России и странах СНГ стихи Н.Туровой, В.Смоленского.

Необычайно интересна судьба Павла Петровича Булыгина. Участник расследования убийства царской семьи в 1918 г., он провел почти десять лет в Эфиопии, где был инструктором в ар-

мии негуса, а также заведовал правительственной кофейной плантацией. В 1934 г. он уехал в Парагвай, организовал там старообрядческое поселение и вскоре умер. Его жена Агата Шишко-Богуш, чтобы издать второй, посмертный сборник стихотворений мужа «Янтари», устроила в Риге выставку-продажу своих абиссинских акварелей. А в 1998 г. в Москве внучатая племянница поэта Т.С.Максимова издала собрание стихотворений Павла Булыгина.

В многотомных собраниях сочинений С.Черного и М.Цветаевой — в стихах, очерках, переписке, комментариях — есть и африканская тематика, навеянная коллекциями, сувенирами и рассказами друзей, живших на Африканском континенте.

В 80—90-е годы в России изданы переписка и каталоги известных во Франции и в дореволюционной и советской России художников З.Серебряковой, А.Яковлева, В.Шухаева, в чьем творчестве была широко представлена Африка. В 1987 г. были опубликованы письма Зинаиды Серебряковой, среди них есть письма из Марокко, где она побывала дважды. К столетию А.Е.Яковлева и В.И.Шухаева в 1988 г. был выпущен каталог их выставки. В него вошли цветные иллюстрации с картин африканского периода творчества А.Е.Яковлева, проехавшего чуть ли ни весь Африканский континент с экспедицией А.Ситроена, и с картин В.С.Шухаева марокканского периода.

Петербургские исследователи Олег Лейкин, Дмитрий Северюхин вместе с французским специалистом Кириллом Махровым выпустили второе издание биографического словаря, переработанное и существенно дополненное, «Художники Русского Зарубежья. 1917—1939» (СПб., 1999), из которого можно узнать о художниках, живших какое-то время под африканским небом. Каждая статья снабжена подробной библиографией. Новое издание по сравнению с прежним пополнилось многочисленными статьями о мастерах, в чьем творчестве отражены Египет, Тунис, Марокко, Алжир, Эфиопия. Их имена — Ольга Гогина, Александр Рубцов, которого тунисцы признают своим художником, Ольга Бернацкая, Наталья Маркова, Всеволод Стрекаловский, Вера Накамули (Бек), Сергей Кислаков, Лев Гаспар, Илья Павиль, Борис Фредман-Клюзель, Александр Шем (Шеметов), Лев Шульц, Николай де Сталь. О последнем рассказано в каталоге «Они унесли с собой Россию» (составитель Рене Герра — французский славист, многие годы собирающий материалы, связанные с российской эмиграцией, активно пропагандирующий российское искусство за рубежом) и в «Русском альманахе» (Париж, 1995), изданном при участии Р.Герра. В каталоге французского искусствоведа Ж.-П.Жуффруа (Париж, 1981) также представлено творчество Николая де Сталя. Прекрасное издание научного каталога (каталога-резоне) из собраний Никиты и Ни-

ны Лобановых-Ростовских (М., 1994) также отразило искусство наших соотечественников, посещавших Африку в начале века.

Необыкновенно разнообразна мемуарная литература. К сожалению, почти все авторы уже ушли из жизни, успев, однако, многое рассказать о своей эпохе, упомянуть своих близких и знакомых, чья судьба оказалась связанной с Африкой. В воспоминаниях наших зарубежных соотечественников Р.Гуля, В.Яновского, С.Толстого, З.Шаховской, Н.Кривошеиной, Н.Тихомировой, Е.Рачинской, Н.Берберовой есть многочисленные свидетельства пребывания в Африке русских людей, представителей самых разнообразных профессий. Некоторые мемуаристы сами побывали в африканских странах. Поводы были разные: гастроли, учеба или работа в Морском корпусе (Бизерта), служба в Иностранном легионе, медицинская практика, создание церковных приходов и совершение треб — частных молитв и церковных обрядов, исполняющихся по требованию (молитвы, крестины, венчания, панихиды и т.д.).

О строительстве православных храмов русскими прихожанами в Тунисе и Марокко можно узнать из воспоминаний о. Георгия Спасского и митрополита Евлогия. Картина жизни русских церковных приходов в Африке до и после Второй мировой войны дается во втором томе двухтомника «Русская православная Церковь за границей 1918 — 1968». Создание церковных приходов начиналось сразу же, как только русские выбирали место своего жительства. В литературе рассказывается не только о священниках, подвижниках, объединявших свою паству, помогавших преодолеть тяготы жизни на чужбине, но и о прихожанах — живописцах, архитекторах, музыкантах, строителях, оставивших свой след в русской культуре на африканской земле.

В серии книг, издаваемой под общей редакцией А.И.Солженицына в издательстве ИМКА-Пресс, заслуживают внимания мемуары Н.А.Кривошеиной — жены крупного общественного и политического деятеля России. В них рассказывается о русском художнике Александре Рубцове, уехавшем в годы революции в Тунис, судьбе семьи Грее и о многих россиянах, воевавших в Северной Африке во время Второй мировой войны и проявивших героизм, отмеченный правительством Французской республики.

В африканских странах долгие годы жили потомки и родственники А.С.Пушкина, Л.Н.Толстого, Н.М.Языкова, В.М.Гаршина, Н.Ф. фон Мекк.

В Марокко, Египте оказались представители многих дворянских родов — Апраксины, Урусовы, Шереметевы, Игнатьевы. Рассказывая историю своего знатного и славного рода, в котором были и министры, и дипломаты, Михаил Игнатьев упоминает о своем брате, инженере, работавшем в Сьерра-Леоне, и пле-

мяннике, почвовед, уехавшем в Северную Африку (М.Игнатьев. Русский альбом. СПб., 1996).

Т.Аксакова-Сиверс в книге «Семейная хроника» пишет о Сергее Сергеевиче Аксакове, служившем в Бизерте на учебном судне «Орел» в 1923–1924 гг.

Некоторые страницы воспоминаний балерины Нины Тихоновой посвящены судьбе сына известного российского книгоиздателя З.Гржебина — Анатолия Гржебина, который стал крупным ученым-биологом, работал в Тунисе и на Мадагаскаре, написал монографию о сонной болезни.

Роман Гуль, публиковавший свои произведения в СССР в 20-е годы, в одном из которых, «Белые по Черному», рассказывается о жизни российских эмигрантов в Африке, незадолго до своей смерти в 80-е годы издал в Нью-Йорке трилогию воспоминаний под названием «Я унес Россию». На страницах его мемуаров присутствуют многие россияне, в чьем творчестве или судьбе Африка сыграла не последнюю роль. Это и художник А.Е.Яковлев, а также В.Н.Унковский, работавший врачом в Дагмее в 20-е годы, друживший с А.М.Ремизовым, знавший известного поэта Сашу Черного, поэта и певца Александра Вертинского.

С.С.Малевский-Малевич, получивший образование в Белградском университете и Сорбонне, едет работать в 20-е годы в Конго вместе с женой, поэтессой и журналисткой З.А.Шаховской. Молодожены пишут оттуда в Париж писателю А.М.Ремизову, любившему собирать марки экзотических стран. Обо всем этом можно прочитать в воспоминаниях Зинаиды Шаховской.

В книге воспоминаний Александра Вертинского «Дорогой длиною...» есть упоминание о киносъёмках в Африке и описание Александрии 30-х годов.

В книгах, изданных в 1994 г. на французском языке М.Доринье, «Сергей Прокофьев» (Париж) и «Александр Рубцов, тунисский художник» (Тунис) упоминается о русском композиторе и музыканте Георгии Николаевиче Горчакове. В 30-х годах Г.Н.Горчаков был музыкальным секретарем С.С.Прокофьева, жившего в Париже. С отъездом композитора Г.Н.Горчаков переехал в Тунис и с 1938 г. обосновался там, пережив немецкую оккупацию, как и художник А.Рубцов. Произведения композитора Г.Н.Горчакова исполняются во всем мире. В Тунисе у него было много учеников. Из книг мы узнаем, что и художник и музыкант вели аскетический образ жизни и редко общались со своими соотечественниками. Можно предположить, что в 90-х годах Г.Н.Горчакову было за 90 лет. Другими сведениями о нем мы, к сожалению, не располагаем.

В современной России издается много работ о судьбе русского казачества. В сборнике «Трагедия казачества. Андрей

Шкуро, Петр Краснов, Петр Врангель, Петр Донсков» в отдельный раздел выделены письма казаков, в том числе из Африки. Тысячи казаков вынесло революционной волной сначала на греческий остров Лемнос, а затем, после кратковременного пребывания там, на африканский берег, в совершенно непривычную обстановку. Одни, донцы, кубанцы, терцы, связали свою судьбу с Иностранным легионом, другим удалось, вырвавшись из легиона, окончить учебные заведения, в том числе высшие, во Франции, Бельгии, Чехии, Сербии, третьи занимались в Африке сельским хозяйством. В этой связи нельзя не упомянуть подготовленную известным петербургским историком В.Г.Бортневским (1954—1996) публикацию воспоминаний его двоюродного деда подполковника русской армии Эраста Николаевича Гиацинтова. Автор мемуаров в 1921—1922 гг. начал свою службу рядовым и дослужился до капрала во французском Иностранном легионе на Ближнем Востоке. Тяжело заболев, он более полугода провел в госпиталях Алжира и Марокко. В своих воспоминаниях он подробно описал жизнь legionera, охарактеризовав ее как «белое рабство». В отличие от многих русских, чьи жизни были загублены легионом в Африке и на Ближнем Востоке, Эрасту Гиацинтову удалось добиться отставки, в 1926 г. закончить Пражский политехнический университет и работать в Европе и Америке до 70-х годов.

Другой эмигрант, А.П.Яремчук 2-й, издал воспоминания «Русские добровольцы в Испании 1936—1939» (Сан-Франциско, 1983). Это книга о трагической судьбе россиян, которые пришли в армию генерала Франко не только из Северной Африки, но даже с Мадагаскара. Высокопрофессиональные русские военные, авиаторы, они снова добровольно воевали против своих российских соотечественников, но уже в Испании. Некоторые из них вернулись в 1940 г. в Африку, уже навсегда. Это трагическая страница не только испанской, но и российской истории.

Упомянем также о переизданиях книг, где есть африканский материал. К 300-летию Российского флота была издана работа Н.А.Монастырева и Н.З.Кадесникова. В их книгах содержатся сведения о Русской эскадре, ушедшей в 1920 г. в Бизерту.

Стоит сказать еще о нескольких интересных изданиях, проливающих свет на жизнь наших соотечественников на Африканском континенте. Книга М.Пархомовского «Сын России, генерал Франции» повествует о судьбе Зиновия Пешкова, крестника М.Горького, бывшего посланником Франции в Южной Африке, а ранее служившего в Иностранном легионе в Марокко. Его письма из Марокко опубликованы в пятитомном издании «Евреи в культуре Русского Зарубежья». Там же содержится интересный материал об упомянутом ранее Анатолии Гржебине, биологе, оставившем труды по Тунису и Мадагаскару, о жури-

листе В.Жаботинском, служившем в Первую мировую войну в Северной Африке, о египтологе Г.Познере. Книга «Страна Синей птицы» вышла в 1995 г. в Москве стараниями ее составителя историка В.К.Ронина, живущего и работающего ныне в Антверпене. Одна из статей — «Русская эмиграция в Бельгии в межвоенный период» — написана Алексеем Гедройцем. Автор упоминает и о россиянах, служивших в Бельгийском Конго. А их, по имеющимся у нас сведениям, было много — врачи, авиаторы, инженеры, агрономы, гидрографы, геологи, юристы, военные. Конечно, в бельгийских архивах материалов больше, чем в российских. Но и в России можно найти немало свидетельств пребывания наших соотечественников как в Бельгийском, так и во Французском Конго.

Сведения о россиянах в Африке можно почерпнуть из докладов, сделанных на различных конференциях и конгрессах, заседаниях «круглых столов», проходивших в Москве, Санкт-Петербурге и других российских городах в 1992 — 1997 гг. Так, доклад О.Е.Осовского был посвящен жизни крупного филолога и философа Н.М.Бахтина, прослужившего три года в Иностранном легионе в Алжире и оставившего оригинальные очерки об этом периоде своей жизни, опубликованные в журнале «Звено» (Париж) в 20-х годах. Упоминалось в докладах о встрече выдающегося ученого Н.И.Вавилова с соотечественниками в период его пребывания в Эфиопии в 1927 г. и о парижском журналисте К.К.Парчевском, много путешествовавшем и писавшем о жизни россиян в Северной Африке. Отрадно, что совместными усилиями соотечественников за рубежом и российских ученых Русское Зарубежье возвращается к нам, обогащая, хотя и с опозданием, историю России.

Просмотр литературы выявил десятки, сотни имен россиян с указанием срока их пребывания в африканских странах, сведений об их профессиях, роде занятий, членстве в различных объединениях, творческой судьбе. Там, где были российские беженцы, появлялись русские книги, устраивались русские литературные вечера, ставились любительские спектакли, давались благотворительные балы, звучала русская песня, ежегодно проводились Дни русской культуры, приуроченные ко дню рождения А.С.Пушкина. Врачи лечили не только земляков, но и местных жителей, учителя учили не только русских детей, но и африканских. Всего этого не могли не видеть местные жители. Это должно было оставить след в их душах, и этот след предстоит отыскать.

Издание совместных работ, постоянные творческие встречи, контакты с соотечественниками за рубежом и людьми, интересующимися проблемой Русского Зарубежья, презентация новых книг по Русскому Зарубежью, наконец, интерес СМИ, в том

числе областных, к своим землякам, побывавшим в Африке, сильно отличаются 80—90-е годы от предшествующих десятилетий. Необходимость дальнейшего изучения проблемы и составление в перспективе хотя бы приблизительного перечня россиян, живших в Африке, в частности в 20—40-е годы XX в., очевидны.

Владимир Абданк-Коссовский, ученый, побывавший в Африке в межвоенный период, человек, много потрудившийся для того, чтобы поведать о деяниях россиян, живших в эмиграции, писал, обращаясь к землякам: «Россия в изгнании — „Зарубежная Русь“ — страна обширная, но мало исследованная. Без сомнения, в своих недрах она таит великое множество русских имен — больших и малых, прославленных и неведомых, — достойных быть упомянутыми и занять почетное место на страницах коллекции „Зарубежная Русь“. Чем полнее будет представлена эта коллекция, тем красноречивее и обстоятельнее поведаст она грядущим поколениям о том, как жил, трудился, боролся, достигал, радовался и страдал русский зарубежный человек».

* * *

В библиографию включены как произведения авторов-эмигрантов, так и литература о них, вышедшая в 20—90-е годы XX столетия.

Библиографический материал систематизирован по географическому принципу (по регионам). Внутри региона выделена литература, относящаяся к той или иной стране проживания. В общий раздел включены книги на русском и иностранных языках, где сведения о жизни и деятельности россиян относятся к Африканскому континенту в целом или нескольким странам различных регионов. Введены рубрики: библиография, антологии, справочники; воспоминания; литература. Внутри рубрик материал расположен в алфавитном порядке. В основном так же структурированы страновые разделы.

В предлагаемые библиографические материалы вошли только книги. Включены труды по Африке самих россиян-эмигрантов, а также их работы (по большей части это исторические исследования и поэтические произведения), либо написанные в Африке, либо там изданные. Приведены выходные данные переиздания некоторых книг.

При подготовке библиографии составитель пользовался каталогами и литературой РГБ, ГПИБ России, ВГБИЛ им. Р.И.Рудомино, ИНИОН РАН, Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье», а также «Архива Русского Зарубежья», хранящегося в Культурном центре «Дом-музей Марины Цветаевой» (музей входит в состав Музейного Фонда Российской Федерации). Составитель

выражает глубокую благодарность сотрудникам этих библиотек, оказавшим помощь в подборе материала.

Как следует из Введения к сборнику, это первый выпуск. В последующих предполагается продолжить публикацию книжной библиографии, возможно дополнив ее материалами периодической печати Русского Зарубежья.

Составитель не претендует на полноту охвата всех изданных книг, но надеется, что собранный материал поможет будущим исследователям при изучении проблемы русского рассеяния в Африке в XX в.

Публикация рассчитана как на специалистов-историков, так и на широкий круг читателей, интересующихся биографией россиян, оказавшихся волею судеб на африканских берегах.

АФРИКА

Библиография, антологии, справочники

- Абызов Юрий. Русское печатное слово в Латвии. 1917—1944 гг. Библиографический справочник. Ч. 1—4. Stanford, 1990—1991.
- Алексеев А.Д. Литература русского зарубежья. Книги 1917—1940. Материалы к библиографии. СПб., 1993.
- Армия и Флот. Военный справочник. Париж, [1937].
- Богомолов Н.А. Материалы к библиографии русских литературно-художественных альманахов и сборников. 1900—1937. Т. 1—2. М., 1994.
- Булгаков Валентин. Словарь русских зарубежных писателей. New York, 1993.
- В память павших воинов. Сост. Н.В.Вырубов. Париж, [1991].
- Вернуться в Россию — стихами... 200 поэтов эмиграции. Антология. М., 1995.
- Вронская Джин, Чугуев Владимир. Кто есть кто в России и бывшем СССР. Выдающиеся личности бывшего Советского Союза, России и эмиграции. Пер. с англ. М., 1994.
- Грезин И.И. Кладбища коммун Ixelles и Uccle в Брюсселе. Алфавитный список русских захоронений. СПб., 1996.
- Доценко В.Д. Морской биографический словарь. СПб., 1995.
- Евтушенко Евгений. Строфы века. Антология русской поэзии. Минск—Москва, 1995.
- Зёрнов Николай. Русские писатели эмиграции. Биографические сведения и библиография их книг по богословию, религиозной философии, церковной истории и православной культуре. 1921—1972. Boston, 1973.
- Исаков С.Г. Русские общественные и культурные деятели в Эстонии. Материалы к биографическому словарю. Т. 1 (до 1940 г.). Словник. Изд. 2-е, испр. и доп. Тарту, 1996.
- Казачий словарь-справочник. Т. I. Кливленд, 1966; Т. II. Сан Ансельмо, 1968; Т. III. Сан Ансельмо, 1969.
- Клавинг В.В. Кто был кто в Белой Гвардии и военной контрреволюции (1917—1923 гг.). Энциклопедический справочник. СПб., 1998.
- Книга Русского Зарубежья в собрании Российской государственной библиотеки. 1918—1991. Библиографический указатель. Ч. 1. А—К. СПб., 1997.
- Краткий путеводитель по бывшему спецхрану РГАЛИ. Москва—Париж, 1994.
- Лейкинг О.Л., Махров К.В., Северюхин Д.Я. Художники Русского Зарубежья. 1917—1939. Биографический словарь. СПб., 1999.

- Литературная энциклопедия русского зарубежья. Т. 2. Ч. 1. М., 1996.
- Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918—1940. Т. 1. Писатели русского зарубежья. М., 1997.
- Литературная энциклопедия Русского Зарубежья 1918—1940. Т. 2. Периодика и литературные центры. М., 2000.
- Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом (1920—1930). Вып. 1. Белград, 1931.
- Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом (1930—1940). Вып. 2. Ч. 1. Белград, 1941.
- Муза Диаспоры. Избранные стихи зарубежных поэтов. 1920—1960. Frankfurt am Main, 1960.
- «Мы жили тогда на планете другой...». Антология поэзии русского зарубежья. 1920—1990. (Первая и вторая волна). Кн. 1—3. М., 1994—1996.
- Незабытые могилы. Российское зарубежье: Некрологи 1917—1997 в шести томах. Сост. В.Н.Чуваков. Т. 1. А—В. М., 1999; т. 2. Г—З. М., 1999.
- Новиков М.М. Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей. Опыт введения в русско-эмигрантскую научную библиографию. Прага, 1935, с. 25—26.
- Носик Б.М. На погосте XX в. СПб., 2000.
- О муза русская, покинувшая дом... Поэзия Русского Зарубежья. Из собрания А.В.Савина. Каталог. СПб., 1998.
- Писатели русского зарубежья (1918—1940). Справочник. Ч. I—III. М., 1993—1995.
- Попов А.В. Русское Зарубежье и архивы. Документы Российской эмиграции в архивах Москвы. Проблемы выявления, комплектования, описания, использования. М., 1998.
- Постников С.П. Политика, идеология, быт и ученые труды русской эмиграции. 1918—1945. Библиография. Из каталога библиотеки РЗИ Архива. Т. 1—2. New York, 1993.
- Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов. Документы и материалы. Т. I. Так начиналось изгнание. 1920—1922 гг. Книга первая. Исход. Книга вторая. На чужбине. М., 1998.
- Русская зарубежная книга. Ч. 1. Библиографические обзоры. Вып. 1. Труды Комитета русской книги. Прага, 1924.
- Русские в Африке. — Всеславянский календарь «Пламя». 1926. Прага, 1926.
- Русские в Праге. 1918—1928 гг. Прага, 1928.
- Русские писатели 20 века. Биографический словарь. М., 2000.
- Русский альманах. Справочник. Paris, 1931.
- Русский эмигрантский альманах «Россия». Шанхай, 1926.
- Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М., 1997.
- Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920—1940. Франция. Т. 1—4. Париж—Москва, 1995—1997.
- Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни 1940—1975. Франция. Т. 1 (5). 1940—1954. Париж—Москва, 2000.

- Рутыч Н. (Рутченко Н.Н.) Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России (Материалы к истории Белого Движения). М., 1997.
- Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий Русского зарубежья в библиотеках Москвы (1917–1996 гг.). М., 1999.
- Северюхин Д.Я., Лейкинг О.Л. Художники русской эмиграции (1917–1941). Биографический словарь. Пб., 1994.
- Словарь поэтов Русского Зарубежья. Под общ. ред. Вадима Крейда. СПб., 1999.
- Союз пажей. Список пажей, составленный по странам с годами выпуска и адресами. Париж, 1954.
- Справочник и путеводитель по Европе. Paris, 1928.
- Струве Глеб. Русская литература в изгнании. Опыт исторического обзора зарубежной литературы. Изд. 3-е, испр. и доп. — Вильганова Р.И., Кудрявцев В.Б., Лаппо-Данилевский К.Ю. Краткий биографический словарь русского Зарубежья. Париж—Москва, 1996.
- Тестаччо. Некатолическое кладбище для иностранцев в Риме. Алфавитный список русских захоронений. Сост. В.Гасперович, М.Катин-Ярцев, А.Шумков. СПб., 2000.
- Труды русской, украинской и белорусской эмиграции, изданные в Чехословакии в 1918–1945 гг. (Библиография с биографическими данными об авторах). Ч. 1–3. Praha, 1996.
- Флейшман Лазарь, Абызов Юрий, Равдин Борис. Русская печать в Риге. Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов. Кн. I–IV. Stanford, 1997.
- Фонды Русского Заграничного исторического архива в Праге. Межархивный путеводитель. М., 1999.
- Фостер Людмила А. Библиография русской зарубежной литературы. 1918–1968. Т. 1–2. Boston, 1970.
- Шевеленко Ирина. Материалы о русской эмиграции 1920–1930-х гг. в собрании баронессы М.Д.Врангель (Архив Гуверовского Института в Стэнфорде). Stanford, 1995.
- Штейн Эммануил. Поэзия русского Зарубежья в библиотеке Эммануила Штейна. Под общ. ред. Ольги Штейн. Orange, 2000.
- Штейн Эммануил. Поэзия русского рассеяния 1920–1977. Ashford, Conn., USA, 1978.
- Эстафета. Сборник стихов русских зарубежных поэтов. Париж—Нью-Йорк, 1948.
- Beyssac Michèle. La vie culturelle de l'émigration russe en France. Chronique (1920–1930). Paris, 1971.
- Ferrand Jacques. Descendances naturelles des souverains et grands-ducs de Russie de 1762 à 1910. Répertoire Généalogique. Paris, 1995.
- Ferrand Jacques. Noblesse Russe: Portraits. [Т.] 3–6. Paris, 1987; 1988; 1993; 1996.
- Ferrand Jacques. Les princes Obolensky. Recueil Généalogique et photographique (31e, 32e, 33e et 34e générations). Paris, 1992.
- Grezzine Ivan. Inventaire nominatif des sépultures russes du cimetière de Ste-Geneviève-des-Bois. Алфавитный список русских захоронений на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Paris, 1995.

Plotto Alexandre V. Au service du Pavillon de Saint-André. Biographies d'amiraux de la Marine Impériale Russe rédigées d'après les documents d'archives collationnés par Alexandre E.Ioffé. Avec la collaboration de Gérard Gorokhoff et Jacques Ferrand. P., 1998.
Russian Émigré Literature. A Bibliography of Titles Held by the University of California, Berkeley Library. Compiled by Allan Urbanic. Berkeley, 1993.

Воспоминания

Александров Виктор. На чужих берегах. Пер. с англ. М., 1987.
Александровский Б.Н. Из пережитого в чужих краях. М., 1969.
Воспоминания о Марине Цветаевой. М., 1992.
Гессен И.В. Годы изгнания. Жизненный отчет. Paris, 1979.
Гуль Роман. Я унес Россию. Апология эмиграции. Т. I—III. Нью-Йорк, 1981, 1984, 1987.
Зерновы. На переломе. Три поколения одной московской семьи (семейная хроника Зерновых). Paris, 1970.
Игнатъев Михаил. Русский альбом. Семейная хроника. СПб., 1996. Пер. с англ.
Императорский Александровский лицей. 1811 — 19 октября 1961. Памятная книжка лицейстов. Париж, 1961.
Каратеев М. Белогвардейцы на Балканах. Буэнос-Айрес, 1977, с. 27.
Любимов Лев. На чужбине. М., 1963.
Мейснер Дмитрий. Миражи и действительность. М., 1966.
Немирович-Данченко Вас. И. (о нем). Венок незабвенному старшине, дорогому Василию Ивановичу Немировичу-Данченко Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии. Praha, [1936].
Павел Попов, протоиерей. На рубеже двух эпох. Из пережитого. Варна, 1933.
Памятная книжка лицейстов за рубежом. 1811 — 19 октября (1 ноября) 1929. Париж, 1929.
Рытченков С. 259 дней лемноского сидения. Париж, 1933.
Сергиевский Б.В. Полет над Африкой. — Борис Васильевич Сергиевский 1888—1971. Нью-Йорк, 1975.
Яновский В.С. Поля Елисейские. Книга памяти. Нью-Йорк, 1983; СПб., 1993.
Яремчук А.П. 2-й. Русские добровольцы в Испании 1936—1939. Сан-Франциско, 1983.

Литература

Амфитеатров А. Литература в изгнании. Белград, 1929.
Афанасьев А. Полюнь в чужих полях. М., 1987.
Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Вып. IV. Материалы к истории. Материалы к общественной жизни. Литература и искусство. Мемуары. Рига, 1999.
Бегидов А.М., Ершов В.Ф., Пивовар Е.И. Военно-учебные заведения За-рубежной России. 1920—1930-е годы. Нальчик, 1999.

- Бегидов А.М., Ершов В.Ф., Парфенова Е.Б., Пивовар Е.И. Российская военная эмиграция в 1920—30-е годы. Нальчик, 1998.
- Бенуа Александр. Художественные письма. 1930—1936. Газета «Последние новости», Париж. М., 1997.
- Варшавский В.С. Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956; М., 1992, 1997.
- Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 1999.
- Гаардт Г.-М. и Огуен-Дюбрей Л. На автомобиле через Африку. Пер. с франц. Л., 1929.
- Гаардт Г.-М. и Огуен-Дюбрей Л. По Черному Континенту. На автомобилях через Центральную Африку. Пер. с франц. Л., 1928.
- Галич Ю.И. (Гончаренко). Золотые корабли. Скитания. Рига, 1927.
- Галич Ю.И. Орхидея. Стихи. Рига, 1927.
- Гари Ромен (Роман Касев). Обещание на рассвете. Леди Л. Романы. Пер. с франц. М., 1996.
- Голлербах Э. Александр Яковлев. Выставка. Л., 1928.
- День Русской культуры. Краткий отчет о праздновании в 1928 году. Составил Н.А.Цуриков. Прага, 1928, с. 3.
- Евреи в культуре Русского Зарубежья. Сборник статей, публикаций, мемуаров и эссе. Вып. 1—3. Иерусалим, 1992—1994.
- Кашинов Е.Е. Русские художники. Сборник статей. New York, 1974.
- Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа Русского Зарубежья за полвека (1920—1970). Paris, 1971.
- Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. Дополнительный выпуск. Paris, 1973.
- Ковалевский П.Е. Наши достижения. Роль русской эмиграции в мировой науке. Вып. I. Мюнхен, 1960.
- Костиков В. Не будем проклинать изгнание... Пути и судьбы русской эмиграции. М., 1994.
- Крылова Н.Л. Соотечественники в Африке: третья волна (постановка вопроса). — Африка в меняющемся мире. VII Всероссийская конференция африканистов. (Москва, 1—3 октября 1997 г.) Тезисы докладов. Вып. II. М., 1997.
- Летнев А.Б. Алжирская одиссея. Из истории Русского экспедиционного корпуса на Западном фронте. — Африка глазами современников и историков. М., 1998.
- Летнев А.Б. Колониальный вариант адаптации: российская диаспора в странах Африки. Попытки организации (1920—1940-е гг.). — Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX — XX в.). Сборник статей. М., 1999.
- Летнев А.Б. Российская диаспора «первой волны» (африканский аспект). — Африка в меняющемся мире. VII Всероссийская конференция африканистов. (Москва, 1—3 октября 1997 г.) Тезисы докладов. Вып. II. М., 1997.
- Маркюшкин Ал. Трагедия русского офицерства (очерк). Новый Садъ, 1923.
- Материалы по эмиграции и по устройству земледельческих колоний в окрестностях Константинополя. Вып. II. Совет по расселению русских беженцев. Константинополь, 1921.

- Мирский М.Б.* Российское медицинское зарубежье. — Культурное наследие российской эмиграции. 1917—1940. Книга первая. М., 1994.
- На чужбине.* Сборник произведений русских воинов. 1914—1919. Париж, 1920, с. 127—136.
- Некрасов С.Н.* Лицей после Лицея. М., 1997, с. 42, 103, 105.
- Немирович-Данченко В.* Наши в даях. Очерк. — «Пламя». Всеславянский календарь. 1926. Прага, 1926.
- Носик Борис.* Привет эмигранта, свободный Париж! М., 1992.
- Они унесли с собой Россию...* Русские художники-эмигранты во Франции 1920-е—1970-е. Из собрания Ренэ Герра. Каталог выставки. М., 1995.
- Пархомовский Михаил.* Книга об удивительной жизни Ешуа Золомона Мовшева Свердлова, ставшего Зиновием Алексеевичем Пешковым, и необыкновенных людях, с которыми он встречался, в четырех частях, с прологом и эпилогом. Изд. 2-е, перераб. и доп. Иерусалим, 1999.
- Пархомовский Михаил.* Сын России, генерал Франции. Об удивительной жизни Зиновия Алексеевича Пешкова и необыкновенных людях, с которыми он встречался. М., 1989.
- Парчевский К.К.* В Парагвай и Аргентину. Очерки Южной Америки. Париж, [1936], с. 29—31, 123—130, 206—211.
- «Последние Новости»* 27 апреля 1920—1930 гг. Юбилейный сборник газеты. Париж, [1930].
- Пронин А.А.* Историография российской эмиграции. Екатеринбург, 2000.
- Раев Марк.* Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919—1939. Пер. с англ. М., 1994.
- Русская православная Церковь за границей 1918—1968.* Т. II. Иерусалим, 1968.
- Русская эмиграция в фотографиях.* Франция, 1917—1947. Авт.-сост. Андрей Корляков. Париж, 1999.
- Русский Париж.* М., 1998.
- Соболев Д.А.* Наши соотечественники в зарубежном авиастроении. М., 1996, с. 41, 106.
- Трагедия казачества.* Андрей Шкуро, Петр Краснов, Петр Врангель, Петр Донсков. М., 1994.
- Хохлова В.П.* Пушкинский юбилей 1937 г. и российская эмиграция в Африке. — Африка и прошедший век. Материалы VIII Конференции африканистов. М., 2000.
- Хохлова В.П.* «Первая волна» эмиграции из России на Африканском континенте (источники и литература, 80-е—90-е гг.). — Африка в меняющемся мире. VII Всероссийская конференция африканистов. (Москва, 1—3 октября 1997 г.) Тезисы докладов. Вып. II. М., 1997.
- Худобородов А.Л.* Вдали от родины. Российские казаки в эмиграции. Учебное пособие по спецкурсу. Челябинск, 1997.
- Художники русского театра, 1880—1930: Собрание Никиты и Нины Лобановых-Ростовских.* Джон Э.Боулт. Каталог-резюме. Статьи. М., 1994.
- Цветаева Марина.* Собрание сочинений в восьми томах. М., 1994, т. 6, с. 309, 394; т. 7. с. 31, 141.
- Черный Саша.* Собрание сочинений в пяти томах. М., 1996, т. 2, с. 326—330, 393—442, 484—485; т. 4, с. 351—359.

Яковлев А.Е. (1887 — 1938), Шухаев В.И. (1887 — 1973). К 100-летию со дня рождения. Каталог выставки. Л., 1988.

Banine. La France étrangère. Paris, 1968.

Birnbaum Martin. Iacovleff and Other Artists. New York, 1946.

Brunon Jean, Manue Georges-R. Le Livre d'Or de la Légion Etrangère (1831 — 1955). Paris — Limoges — Nancy, 1958, p. 193 — 194.

De Montmartre à Tripoli. [Б.м., б.г.]

Delage Jean. La Russie en exil. Paris, 1930.

Gary Romain. La promesse de l'aube. Paris, 1980.

Haardt G.-M. et Dubreuil L.-A. La Croisière noire. Expédition Citroën Afrique. Paris, 1927.

Iacovleff Alexandre. Dessins et Peintures d'Afrique, Exécutés au Cours de l'Expédition Citroën Centre Afrique. Paris, 1927.

Khokhlova Valentina. "The First Wave" of Emigration from Russia in the African Continent (a Bibliographer's Notes). — African Studies in Russia. Yearbook 1997. Moscow, 1999.

Memorandum sur la question des réfugiés russes présenté au Conseil de la Société des Nations par la Conférence des organisations russes réunie à Paris en Août 1921. Paris, 1921.

Struve Nikita. Soixante-dix ans d'émigration russe (1919 — 1989). Paris, 1996.

Veber Václav, Sládek Zdeněk, Bubeníková Miluša, Harbulová Ľubica. Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918 — 1945. Seminář pro dějiny východní Evropy při Ústavu světových dějin FFUK v Praze. Praha, 1996, с. 53, 102.

СЕВЕРНАЯ АФРИКА

Библиография, антологии, справочники

Адресный указатель русских учреждений и организаций за границей. Berlin, [1924].

Календарь-справочник по Европе и Америке 1921. Копенгаген, 1921.

На Западе. Антология русской зарубежной поэзии. Нью-Йорк, 1953.

Русский альманах, изданный в Париже. Paris, 1930.

Содружество. Из современной поэзии Русского зарубежья. Вашингтон, 1966.

Справочник-альманах. Берлин, 1922.

Воспоминания

Аксакова-Сиверс Т.А. Семейная хроника. Т. 1. Книга вторая. Paris, 1988, с. 48.

Берберова Нина. Курсив мой. Автобиография. New York, 1983; М., 1996, с. 487 — 488.

Гиацинтов Эраст. Записки белого офицера. СПб., 1992.

- Жаботинский Владимир* (Зеев). Повесть моих дней. [Иерусалим], 1989.
- Жаботинский В.Е.* Слово о полку. История еврейского легиона по воспоминаниям его инициатора. Париж, 1928.
- Кривошеина Н.А.* Четыре трети нашей жизни. Paris, 1984; М., 1999.
- Лосский Н.О.* Воспоминания. Жизнь и философский путь. München, 1968, с. 294.
- Рубакин А.Н.* В водовороте событий. Воспоминания о пребывании во Франции в 1939—1943 гг. М., 1960.
- Тихонова Нина.* Девушка в синем. М., 1992.

Литература

- Бахтин Николай.* Из жизни идей. Статьи. Эссе. Диалоги. М., 1995, с. 5—9.
- Бен-Ари Иеуда.* Зеев Жаботинский. Краткий биографический очерк. Тель-Авив, 1974.
- Илишкин Наран.* Сладкий запах полыни. Элиста, 1994.
- Илишкин Наран.* Сородичи с разных континентов. Ойрат-Калмыцкое зарубежье. Элиста, 1996.
- Ипполитов С.С., Негбаевский В.М., Ругенцова Ю.И.* Три столицы изгнания. Константинополь. Берлин. Париж. Центры зарубежной России 1920-х — 1930-х гг. М., 1999.
- Каталог художественных собраний Русского культурно-исторического музея при Русском свободном университете в Праге. Прага, 1938.
- Колупаев В.Е.* Русские в Северной Африке 1920—1998 гг. Автореф. канд. дис. М., 1999.
- Крымов В.П.* Люди в паутине. Берлин, 1930, с. 67—90.
- Маркаэз В.* Бездонная глубина живописи Н. де Сталя (Петербург 1914 — Антиб 1955). — Русский Альманах. Париж, 1981.
- Орехова Т.О.* «По русским углам». — К.К.Парчевский о русской диаспоре во Франции в период между первой и второй мировыми войнами. — Русская литература XX века в контексте мировой культуры. VI Крымские международные Шмелевские чтения. Материалы научной конференции. Алушта, 1997.
- Осовский О.Е.* Николай Бахтин на страницах журнала «Звено» (1926—1928). — Культурное наследие российской эмиграции. Кн. 2. М., 1994.
- Парчевский О.К.* О первой волне русской эмиграции в период между Первой и Второй мировыми войнами по материалам К.К.Парчевского. — Международная научная конференция «Культурное наследие российской эмиграции: 1917—1940-е годы». Москва, 8—12 сентября 1993. Сборник материалов. М., 1993.
- Постников Е.С.* Адаптация российского студенчества в эмиграции в начале 20-х годов XX века. — История Российского Зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX—XX веках. Сборник статей. М., 1996.
- Российский зарубежный съезд в Париже 4—11 апреля 1926 г. Paris. 1926.
- Российский земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей. Отчет о деятельности. (Февраль 1921 г. — апрель 1922 г.) Paris, 1922.
- Русское искусство за рубежом. Прага—Рига, 1938.

- С.С. Обзор Академической жизни в Праге. — «Младорусь». Периодический сборник. Книга первая. Прага, 1922, с. 7, 87—92.
- Сегых Андрей (Як. Цвибак). Мой легионер. — Звездочеты с Босфора. New York, 1948; 1973.
- Сегых Андрей. Париж ночью. Париж, 1928, с. 113—120.
- Стойко Н.М. Русские астрономы. — П.К.Ковалевский. Зарубежная Россия. Дополнительный выпуск. Paris, 1973.
- Туроверов Николай. Двадцатый год — прощай, Россия! М., 1999.
- Туроверов Николай. Стихи. М., 1995.
- Туроверов Николай. Стихи. Книга пятая. Париж, 1965.
- Туроверов Н. Стихи. Легион. — Казачий Крут. Альманах. Спец. вып. 1. М., 1991.
- Туроверов Н.Н. Храня бессмертники сухие... (Избранное). Ростов-на-Дону, 1999.

- Andolenko [S.] La filiation des bataillons de la Légion Etrangère. 1831—1936. Sidi-Bel-Abbès. [Б.м.], 1936.
- Andolenko S. Histoire de l'armée russe. Paris, 1967.
- Bachtin Nicholas. Lectures and Essays. Birmingham, 1963, p. 62—75.
- Jouffroy Jean-Pierre. La mesure de Nicolas de Staël. Neuchâtel, 1981.
- Peniakoff Vladimir. Private Army. Oxford, 1991.
- Vassilieff Alex. La guerre des soldats inconnus. Nice, 1991.

МАРОККО

Справочники

- Дворянский календарь. Справочная родословная книга российского дворянства. Тетр. 3. СПб., 1997, с. 106—107.
- Ferrand Jacques. Histoire et Généalogie des nobles et comptes Moussine-Pouchkine. Paris, 1994, p. 177.
- Tolstoy-Miloslavsky Dimitry. The Tolstoys. Genealogy and Origin. Javea, 1991.

Воспоминания

- Евлогий (В.С.Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам Т.Манухиной. Paris, 1947; М., 1994, с. 548—554.
- Толстой С.М. Дети Толстого. Пер. с франц. Тула, 1994.

Литература

- Альникин Николай (Борис Незлобин). Рифмованные кончики. Казачьи Думы — Песни о Родине 1915—1927-х годов: На Дону. В горах Кавказа. В Крыму и в Сев. Таврии. В лагерях под Константинополем. На Лемносе. В Болгарии. В Париже. В Марокко. Ч. 1. Paris—Casablanca, 1960.

- Востокова Софья*. Марокко. Встреча с Родиной. Из дневника. — В краях чужих. Литературно-художественный сборник. Берлин, 1962, с. 95 — 106.
- Князева В.П.* Зинаида Евгеньевна Серебрякова. М., 1979.
- Мямин Игорь*. Василий Иванович Шушаев. Л., 1972.
- Назаров М.В.* Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992.
- Никулин Л.* Письма об Испании. М., 1931, с. 223 — 237, 294 — 306; М., 1935, с. 220 — 221.
- Рихтер В.Г. фон*. Собрание трудов по русской военной медалистике и истории. Париж, 1972, с. 12, 66, 184, 610.
- Русаков В.М.* Рассказы о потомках Александра Сергеевича Пушкина. Л., 1992; М., 1999, с. 346 — 349.
- Русаков В.М.* Уважены за имя... Рассказы о потомках А.С.Пушкина. М., 1987, с. 228 — 229.
- Сегых Андрей*. Дорога через океан. Касабланка. — Пути, дороги. New York, 1980.
- Серебрякова*. Альбом. М., 1969.
- Серебрякова З.* Избранные произведения. М., 1988.
- Серебрякова Зинаида*. Письма. Современники о художнице. М., 1987.
- Серебрякова З.* Сборник материалов и каталог экспозиции к 100-летию со дня рождения художника. М., 1986.
- Станиславский К.С.* Собр. соч. в восьми томах. Письма 1918 — 1938. Т. 8. М., 1961, с. 184, 419 — 422, 531, 578.
- Шушаев Василий Иванович*. К восьмидесятилетию со дня рождения. Каталог выставки. Л., 1968.

Pechkoff Zinovi. La Légion Etrangère au Maroc. Paris, 1927.

ТУНИС

Справочники

- Бизертинский Морской Сборник 1921 — 1923. Указатель статей. Биографии авторов. Сост. В.В.Лобыцын. М., 2000.
- Брежне Б.* Русские музеи и архивы вне России. [Б.м., б.г.]

Воспоминания

- Аленникова Н.С.* Дороги дальние, невозвратные. Париж, 1979, с. 324 — 329.
- Вениамин (И.А.Федченков)*, митрополит. На рубеже двух эпох. М., 1994.
- Маништейн-Ширинская Анастасия*. Всеу приходит свое время... Андреевский флаг. Жизнь в изгнании. — Крымский альбом. Феодосия — Москва, 1997.
- Махрова Г.А.* Из России в Россию. Воспоминания. СПб., 1998.

Рачинская Елизавета. Калейдоскоп жизни. Воспоминания. Paris, 1990.

о. Георгий Спасский. 1877—1934. Париж, 1938.

Ширинская А.А. Бизерта. Последняя стоянка. М., 1999.

Литература

А.З. Во имя истины. Бизерта, 1923.

Антропов О.К. История отечественной эмиграции. Учебное пособие.

Книга первая. Социальная и политическая сфера жизнедеятельности. Ч. 1. Астрахань, 1996, с. 57—60, 82.

Берг В. фон. Последние гардемарины. (Морской корпус.) Трилогия. Париж, 1931.

Бортневский В.Г. Загадка смерти генерала Врангеля. СПб., 1996, с. 117, 138, 163.

Гуль Р. Белые по Черному. М. — Л., 1928.

Даватц В. Годы. Очерки пятилетней борьбы. Белград, 1926, с. 197—204.

Даватц В.Х., Львов Н.Н. Русская армия на чужбине. Белград, 1923, с. 76, 100, 115, 116.

Кадесников Н.З. Краткий очерк Белой борьбы под Андреевским флагом на суше, морях, озерах и реках России в 1917—1922 гг. Нью-Йорк, 1965; М., 1993.

Канкрин А.В. Мальтийские рыцари. М., 1993, с. 101—102.

Кнорринг Ирина. После всего. Стихи. 1920—1942 гг. Алма-Ата, 1993.

Кнорринг Ирина. После всего. Третья книга стихов (посмертная). Париж, 1949.

Кнорринг Ирина. Стихи о себе. Париж, 1931.

Кнорринг Н.Н. Сфаять. Очерки из жизни Морского корпуса в Африке. Париж, [1935].

Колыбель флота. Навигацкая школа — Морской корпус. К 250-летию со дня основания Школы математических и навигацких наук, 1701—1951 г. Париж, 1951, с. 268, 276, 290—316.

Мамченко Виктор. Воспитание сердца. Париж, 1964.

Мамченко Виктор. Тяжелые птицы. Париж, 1936.

Монастырев Н.А. Гибель царского флота. СПб., 1995. Пер. с нем.

Морская выставка Общества офицеров Российского имп. флота в Америке, ИНК. и Американского общества русской морской истории, ИНК. 24—27 января 1959 г. New York, 1959, с. 16 и сл.

Незельский Евгений. «Яблочки». — За чертой. Прага, [1922], с. 60—62.

Никонов Илья. Путешествие на Джербу. Париж, 1939.

Рачинская Е.Н. Джебел-Кебир. Сборник рассказов. Харбин, 1937.

Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом. М., 1999, с. 68—88, 222.

Русская армия в изгнании. 1920—1923. [Б.м., б.г.], с. 17—20.

Русская средняя школа (б. Морской корпус) в Бизерте. — Зарубежная русская школа. 1920—1924. Париж, 1924.

«С берегов Америки». Юбилейный исторический сборник о-ва русских морских офицеров в Америке 1923—1938. New York, 1939, с. 308—309, 348—356.

Северный Алексей. На фоне ночи. Стихи и этюды. Бизерта — Надор, 1921.
Смоленский Владимир. Жизнь ушла, а лира все звучит. Стихи. М., 1994.
Тарсаудзе А.Г. Морской Корпус за четверть века 1901 — 1925. Нью-Йорк, 1944.

Узники Бизерты. Владимир фон Берг. Последние гардемарины. Николай Кнорринг. Сфаят. Документальные повести о жизни русских моряков в Африке в 1920 — 25 гг. М., 1998.

Черная лилия. Альманах. Тунис. 1922.

Шварц Е.М. Севастопольская морская библиотека и русское зарубежье. — Революция и Гражданская война 1917 — 1920 годов: новое осмысление. Тезисы докладов Международной научной конференции. Крым, Ялта, 10 — 18 ноября 1995 г. Симферополь, 1995.

Agafonov V.K. Les sols-types de la Tunisie. Paris, 1937.

Dorigne Michel. Serge Prokofiev. Paris, 1994, p. 374 — 375.

Dubreucq P. Alexandre Roubtsoff: Une vie en Tunisie. Paris, 1996.

Dumas P. Roubtsoff, peintre de la lumière. Toulouse, 1951.

El Goulli Sophie. La peinture en Tunisie, origine et développement. Tunis, 1994.

Monastirev N. Dans la mer Noire. Paris, 1928.

Monastirev N. Sur trois mers. Tunis, 1932.

La peinture européenne en Tunisie, sous le protectorat [Catalogue]. Tunis, 1989.

Roubtsoff Alexandre. Exposition: Galerie la Boétie. Paris, 1947.

Roubtsoff Alexandre, peintre tunisien. Tunis, 1995.

Stone N., Glenny M. The Other Russia. London — Boston, 1990, p. 282 — 283.

ЕГИПЕТ

Библиография, справочники

Алабин И.М., Белявский Д.А., Корягин С.В. Бабичевы и другие. Серия: Генеалогия и семейная история Донского казачества. Вып. 12. М., 2000, с. 22.

Геринг Алексей. Материалы к библиографии русской военной печати за рубежом. Париж, 1968.

Залевский Войцех, Голлербах Евгений. Распространение русской печати в мире. 1918 — 1939 гг. Справочник. СПб., 1998.

Кабузан В.М. Русские в мире. Динамика численности и расселение (1719 — 1989). СПб., 1996.

Корягин С.В. Табунщиконы и другие. М., 2000 (Генеалогия и семейная история Донского казачества. Вып. 13), с. 135.

Корягин С.В. Черновы и другие. М., 2000 (Генеалогия и семейная история Донского казачества. Вып. 10).

Русская зарубежная книга. Ч. 2. Библиографический указатель 1918 — 1924 гг. Прага, 1924.

Русская эмиграция 1920 — 1930 гг. Альманах. Вып. I — II. Beograd, 1931.

Воспоминания

- Беллин В.В. Жизнь русских в Египте. — П.Е.Ковалевский. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920 — 1970). Paris, 1971.
- Вертинский А. Дорогой длинною... М., 1991.
- Волков-Муромцев Н.В. Юность. От Вязьмы до Феодосии (1902 — 1920). Paris, 1983; М., 1997.
- Воспоминания 500 русских детей. Прага, 1924, с. 17, 19.
- Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Т. II. Париж, 1970, с. 68 — 70.
- Иванова Лидия. Воспоминания. Книга об отце. Paris, 1990, с. 161, 169.
- Корсак В. (Завадский). Под новыми звездами. Париж, 1933.
- Цуриков Н. Дети эмиграции. (Обзор 2400 сочинений учащихся в русских эмигрантских школах на тему: «Мои воспоминания».) — Дети эмиграции. Сб. статей под ред. проф. В.В.Зеньковского. Прага, 1925.

Литература

- Байков Н.А. По Белу Свету. Харбин, 1937, с. 145.
- Бахрах Александр. По памяти, по записям. Литературные портреты. Париж, 1980, с. 146 — 150.
- Беляков В.В. По следам «Пересвета». Россияне в Египте. Каир, 1994.
- Билибин Иван. По материалам собрания Е.П.Климова. М., 1999.
- Билибин Иван Яковлевич. Статьи. Письма. Воспоминания о художнике. Л., 1970, с. 178—201, 237—240, 242, 362.
- Войтенков Николай. Стихотворения. Александрия, [1937].
- Выдающийся русский востоковед В.С.Голенищев и история приобретения его коллекции в Музей изящных искусств (1908 — 1912). Вып. 3. Из архива ГМИИ. М., 1987.
- Гаврилова А.М. Святые Египта. Буэнос-Айрес, 1960.
- Гребнев Леонид (Л.Файнберг). На паперти дорог. Стихи. Берлин, 1923.
- Донской кадетский корпус. Памятка. [Б.м.], 1930.
- Жернаков В.Н. Николай Аполлонович Байков. Мельбурн, 1968.
- Зарубежный Союз русских военных инвалидов 1920 — 1938. Paris, [1938], с. 8.
- Кадесников Н.З. Гардемарины на Дальнем Востоке. Нью-Йорк, 1965, М., 1993.
- Кадетские корпуса за рубежом. 1920 — 1945 гг. New York, 1970.
- Клинский Емельян. Сергей Жаров и его Донской казачий хор. Berlin, 1931, с. 38.
- Коростовцев М.А. Становление египтологии в России. — Изучение Африки в России. М., 1977.
- Красовская В. Анна Павлова. М. — Л., 1965.
- Краткий отчет деятельности В[сероссийского] З[емского] С[юза]. Апрель 1919 г. — октябрь 1920 г. София, 1920, с. 23.

- Крымов Вл. Обрывки мысли. Berlin, [1938], с. 126—139.
- Крымов Вл. Радость бытия. Берлин, 1923.
- Лагинский Ант. Путешествие в Палестину. София, 1937.
- Лукомский А.С. Воспоминания генерала А.С.Лукомского. Т. I. Период Европейской войны. Начало разрухи в России. Борьба с большевиками. Берлин, 1922, с. 222, 228—230, 236.
- Марков Анатолий (Шарки). Родные гнезда. Сан-Франциско, 1962, с. 216—222.
- Носова В.П. Балерины. М., 1983.
- Окороков А.В. Молодежные организации русской эмиграции (1920—1945 гг.). М., 2000, с. 59—60.
- Отчет о деятельности Донского правительства за границы. По 25 сентября 1921 г. Константинополь, 1921, с. 35—36, 52, 58, 59.
- Очерк деятельности Всероссийского земского Союза за границы. (Апрель 1920 г. — 1 января 1922 г.). София, 1922.
- Анна Павлова, 1881—1931. М., 1956. Пер. с англ.
- Памятка кадету Донского кадетского корпуса. Гильф-Эль Кебир. 1920.
- Письма М.И.Цветаевой к Л.Е.Чириковой-Шнитниковой. М., 1997, с. 50—54.
- Почему мы вернулись на родину. Свидетельства реэмигрантов. М., 1987, с. 203.
- Ратушняк О.В. Донское и кубанское казачество в эмиграции (1920—1939 гг.). Учебное пособие. Краснодар, 1997, с. 24.
- Ратушняк О.В. Южнороссийское казачество в первые годы своей эмиграции. — Проблемы истории казачества. Волгоград, 1995.
- Скифский роман. Под общ. ред. акад. Г.М.Бонгард-Левина. М., 1997.
- Смирнов Алексей. Стихотворения. Т. 1—2. Каир, 1917—1919.
- Степанов Н.Ф. Масонство в русской эмиграции (к 1 января 1932 г.). Париж, 1932.
- Стефан Джон. Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции. 1925—1945. М., 1992. Пер. с англ.
- Струве В.В. Значение В.С.Голенищева для египтологии. — Очерки по истории русского востоковедения. Сб. III. М., 1960.
- Толстой Н.Д. Жертвы Ялты. М., 1996. Пер. с англ., с. 82, 107, 488.
- Умов Иван. Незримый гость. Стихи. Southbury, Conn., 1949, с. 9.
- Фамилия Эссен в Санкт-Петербурге. Материалы научного семинара 23—24 ноября 1999 г. СПб., 1999, с. 49, 70.
- Френкель М.Ю. Революционное влияние России на Египет в 1902—1917 гг. — Из истории социалистических идей в Африке. М., 1990, с. 65—67.
- Хоффманн Й. История Власовской армии. Париж, 1990. Пер. с нем.
- Яблоновский Александр. Русским детям. — Молодая Россия. Сборник для детей под редакцией А.М.Черного. Париж, 1927.
- Языков Николай. Записки журналиста (встречи, поэзы и рассказы). Шанхай, 1937, с. 76—79.

Annales du Service des Antiquités de l'Égypte. [Paris]—[Le Caire], 1939. Т. 39*.

---

* Том посвящен В.С.Голенищеву.

- Bordato Ennio.* Sotto un cielo straniero. Vita e memorie di una Principessa russa in esilio. Rovereto, 2000, p. 152—153, 221.
- Flamburiani Dimitri.* Les Russes sur la terre Egyptienne. Aperçu historique. Alexandrie, 1932.
- Oumov Ivan.* Oiseaux de passage. Alexandrie, 1954.
- Pozner Valérie.* Les Archives Pozner en France. — La première émigration russe. Vie politique et intellectuelle. Cahiers de l'émigration russe. 1. Institut d'études slaves. Paris, 1994.
- Sainte-Fare-Garnot Jean.* Un témoignage sur Vladimir Golénischeff. — Древний Египет. Сборник статей. М., 1960.
- Tolstoï S.M.* Etudes des représentations pathologiques dans l'art égyptien... Paris, 1938.
- Volkoff Oleg V.* A la recherche des manuscrits en Egypte. Le Caire, 1970.
- Volkoff Oleg V.* Le Caire. 969–1969. Histoire de la ville des «Mille et Une Nuits». Le Caire, 1971.
- Volkoff Oleg V.* Comment on visitait la Vallée du Nil: les «Guides» de l'Egypte. Le Caire, 1967.

ПРОЧИЕ СТРАНЫ

Справочники

- Мартиролог. Перечень деятелей русской культуры в Эстонии, подвергшихся репрессиям после установления советской власти. Составление и публикация В.А.Бакова. — Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. 1. Таллин, [б.г.], с. 133, 151.

Воспоминания

- Александр Михайлович.* Великий князь. Воспоминания. Две книги в одном томе. М., 1999, с. 423—439.
- Литвинов А.* С лейб-драгунами в гражданской войне. — Лейб-драгуны дома и на войне. Вып. III. Париж, 1930, с. 126—142.
- Наша дань Бестужевским Курсам.* Воспоминания бывших бестужевков за рубежом. Париж, 1971, с. 100—102, 163—164.
- Померанцев Кирилл.* Сквозь смерть. Воспоминания. London, 1986, с. 121—122.
- Резникова Н.В.* Огненная память. Воспоминания о Алексее Ремизове. Berkeley, 1980, с. 101.
- Шаховская Зинаида.* Отражения. Paris, 1975.
- Шаховская Зинаида.* В поисках Набокова. Отражения. М., 1991.

- Schakovskoy Zinaïda.* "Tel est mon siècle". [Т. 2.] Une manière de vivre. Paris, 1965, p. 147—197.

Литература

- Артуа [Шабод'Артуа Н.Б?]. На земной лад. Стихи. Конго 1929—1930. Париж, 1931.
- Артуа. Песенный лад. Стихи. Париж, 1935.
- Булыгин Павел. Пыль чужих дорог. Собрание стихотворений. М., 1998.
- Булыгин Павел. Янтари. Стихотворения. Рига, 1937.
- Воробьев Александр. Русская Бельгия. Путевые заметки с отступлениями. Орел, [б.г.].
- Гегройц Алексей, князь. Русская эмиграция в Бельгии в межвоенный период. — Страна Синей птицы. Русские в Бельгии. М., 1995.
- Давидсон Алан. Муза странствий Николая Гумилева. М., 1992.
- Дик Е.И. [Сост.] Русские белоэмигранты в Гражданской войне в Испании. — Проблемы испанской истории 1992. М., 1992.
- Есаков В.Д., Левина Е.С. Экспедиции академика Н.И.Вавилова в Русское Зарубежье. — Роль русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры. Научная конференция. Москва, 13—15 апреля 1993 г. Тезисы докладов. М., 1993.
- Люди и судьбы на рубеже веков. Воспоминания. Дневники. Письма 1895—1925. СПб., 2000, с. 239.
- Пицхелаури Г.З. Вклад доктора «Мераба» (Петра Мерабишвили) в медицину Эфиопии. — Итоги и перспективы научных исследований по истории медицины. Кишинев, 1973.
- Ренников А. (Селитренников А.М.). Беженцы всех стран. (Индийский бог.) Комедия в трех действиях. София, 1925.
- Ренников А. Души живые. Белград, 1925.
- Российская эмиграция в Турции и Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов. М., 1994, с. 14.
- Ронин Владимир. Колониальные мемуары, дневники и письма русских эмигрантов (20—30-е годы). — Belgian contribution to the 12-th International Congress of Slavists. Cracow, 26 aug. — 3 sept. 1998. Slavica Gandensia. Gand, 1998, № 25/1.
- Российский военный сборник. Вып. IV. Русское зарубежье. Государственно-патриотическая и военная мысль. М., 1994, с. 243—246.
- Сагацкий И.И. Встречи. Стихотворения. Париж, 1942.
- Сагацкий И.И. Память. Стихотворения. Париж, 1938.
- Седых Андрей. Далекие, близкие. New York, 1962; М., 1995, с. 115—116.
- Солониha В. Искры жизни. Ч. I — Рассказы об Африке. Ч. II — Русские врачи в Африке. Буэнос-Айрес, 1969.
- Суд палача. Николай Вавилов в застенках НКВД. Биографический очерк. Документы. М., 1999.
- Унковский В. В мире экзотики. (Из личных воспоминаний.) — Числа. Сборники под ред. Николая Оцуа. Книга десятая, Париж, 1934.
- Унковский В.Н. Перелом. Париж, 1934.

[de Goguine O.] Exposition de O. de Goguine à la Galerie artistique du «Journal» Peinture d'Ethiopie. Paris, 1936.

Jesmen Czesław. The Russians in Ethiopia. An Essay in Futility. London, 1958.

- Kharkevitch Cyrille* (Харкевич К.А.). Journal d'une rébellion. Les Mulelistes. Beersel, 1998.
- Kessel Joseph*. Marchés d'esclaves. Paris, 1933.
- de Monstelle Arnaud*. La débâcle du Congo Belge (Hommes et faits 1940–1960). Bruxelles, 1965.
- Souchara Vladi* (Драшусов В.Е.). Jours de brousse. Congo 1940–1945. Bruxelles, 1983.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абд аль-Крим 12
 Абд уль-Латиф 101
 Абданк-Коссовский В.К. 88
 Абдо М. 26
 Агафонов В.К. 84
 Александр, король, Югославия 10
 Александр III, император 40
 Александр Михайлович, великий князь 98
 Алексеев И.К. 62, 63
 Алексинский В.И. 66
 Алмазов Н.И. 85
 Альберт I, король, Бельгия 11
 Альникин Н.В. 66
 Анастасий, митрополит 31
 Андрушкевич И.И. 85
 Анреп Г.В. 40
 Анучин Д.Н. 26
 Апраксин Н.Е. 63
 Апраксина А.Н. (Быкова) 63
 Афанасьев Г.И. 85
 Ашинов Н.И. 91

 Бабичев И.Ф. 94—96, 107
 Бабичев М.И. 95, 101
 Байков Н.А. 33
 Бакалович С.В. 26
 Балаба 37
 Бальмонт К.Д. 26
 Банкул М.В. 97
 Банкул С.В. 97
 Банги, каньязмач, Эфиопия 96
 Баратынов 26
 Басов В.М. 85
 Батурин Г.В. 80
 Башкиров И.С. 48
 Беллин В.Э. 29, 37, 38
 Белобородова О. 34
 Белый А. (Бугаев Б.Н.) 26, 32
 Беляков В.В. 23, 34
 Бенаки 34
 Бенкловский А.И. 97

 Бенуа А.Н. 65
 Берберова Н.Н. 12
 Беренс Е.А. 89
 Беренс М.А. 72, 73, 76, 78, 85, 88
 Бернацкая О.М. 65
 Бибилов А.С. 34, 39
 Билибин И.Я. 33, 34, 37, 39, 65
 Блюм Л. 35
 Бобровский П. 45
 Богаевский М.М. 39
 Борисова Е.И. 83
 Боткин В.П. 50, 52
 Боткин П.С. 52
 Боткин С.П. 50
 Бретцель А.Я. 38
 Бриан А. 11
 Броуэр 64
 Брысин Г.М. 64
 Булгаков А.В. 41
 Булгаков Б.В. 41
 Булыгин П.П. 97, 103
 Бунин И.А. 26, 103
 Бургиба Х. 86
 Бушуев 26

 Вагнер К.Э. 36
 Валерий Н. 30
 о. Варсонофий (Толстухин) 60
 Вартенев В.Н. 97
 Васильев А.А. 41, 66
 Васильев А.Т. 84
 Венедиктов И.П. 37, 38
 Верный Д.Д. 30
 Вертинский А.Н. 39, 47
 Вещилов К.А. 26
 Викентьев В.М. 40
 Виноградов Н.И. 37, 38, 94, 95, 99, 100, 107, 108
 Владимир, князь киевский 83
 о. Владимир 48
 Власов В.М. 80
 Воеводин А.А. 81

Волков Б.Н. 104, 108
Волков О.В. 42
Вонсяцкий А.А. 39
Воробьев Н.Н. 29, 39
Ворожейкин С.Н. 74, 78, 79, 83, 85
Вороновский Б.П. 98
Вороновский Н.П. 98
Вороновский П. 98
Воссэне Замэнуэль 100
Врангель П.Н. 4, 75, 76
Вырубов Н.В. 85
Вырובה О.А. 63
Вяземский К.А., князь 50

Гаврилов В.И. 98
Галеб 107
Ганнибал А.П. 6
Гарбузенко С. 92
Гари Р. (Касев Р.) 66
Геворкяны (Кеворковы), семья 94, 101
Геденова А.А. 39
Гельмгольц Н.Ф. 38
о. Георгий (Спасский) 82, 89
Герасимов А.М. 74
Герасимов В.А. 85
Гитлер А. 15, 24, 71
Глаголев 37
Глебов А.В. 63
Гогин К.В. 98
Голенищев В.С. 39, 40, 45
Голль де Ш. 66, 85
Гончаров Ю.Ф. 29
Горький М. 47, 68
Гребнев Л.(Файнберг Л.А.) 66
Грибоедов А.С. 44
Григорьев Т.А. 93
Гумилев Н.С. 5, 26, 92, 103
Гуськов Н.В. 64

Давидсон А.Б. 19
Давыдов К.Н. 41
Данкер 38
Дезире 61
Демидов Н.И. 93
Демченко П.А. 42
Деникин А.И. 26, 88
Денисов Г.З. 32
Джибли 60
Дивов А.В. 39
Дивов С.В. 37, 39
Дидерихс В. 97, 101
Добберт А.Л. 98

Добровольская-Завадская Н.А. 29
Добрыня-Конюхов П.Я. 30, 37
Донич Н.Н. 26
Донской Дмитрий, князь 44
Достоевский Ф.М. 32
Дроздовский Л.А. 97

Евлогий (Георгиевский В.С.), митрополит 60
Евфанов В.Н. 38
Екатерина II, императрица 50, 71
Елизавета, королева, Бельгия 11
Елисеев А.В. 5, 71, 91
Ермаков М.П. 72

Живаго А. 26

Завадовский Ю.Н. 64
Завалишин А.Е. 78, 85
Зайончек 98
Зайцев Б.К. 48
Зайцев С.А. 90
Заудиту, императрица, Эфиопия 97
Земляницын 98
Зернин А.В. 83

Иванов А.В. 84
Иванов В.В. 26, 46
Игнатъев М. 48, 81
Ильина Н. 12

Казаков В. 38
Калашников 41
Каплинский Д.Н. 98
Карташов С.М. 97
Кассеситов Е.А. 39
Квитко-Основьяненко Г.Ф. 32
Кедров М.А. 72
Кемаль Ататюрк М. 33
Кирилл Владимирович, великий князь 97
Китицин М.А. 44
Клеопатра, царица, Египет 28
Клименко Е.П. 92, 94, 100, 101
Клодт фон С. 103
Клыков А.М. 72
Кнорринг И.Н. 84
Кнорринг Н.Н. 88
Кобелянский 37
Козенко К. 92
Коковцов М. 71
Колчак А.В. 108

Коненков С.Т. 26
Коновалов Ф.Е. 94, 97, 98, 101
о. Константин (Михайловский) 82, 83, 85
Копьев М.В. 72
Костагли 34
Костяна 96
Краснов П.Н. 6
Крузенштерн П. 97
Крылов А.Н. 76
Куббель А.Е. 19
Кузнецов В.Н. 92
Куприн А.И. 48
Кушталов В. 30

Лапин Г.Д. 102—105, 108
Лебедев В. 80
Леляевский 41
Ленин В.И. 12
Леонтьев Н.С. 91—95, 106, 107
Лиотэ А. 11, 57
Лисицын А. 102
Литвиненко Г.С. 37
Литвинов В.Н. 64
Лозино-Лозинский К.К. 64
Лопатин Н.И. 85
Лопухин Р.Н. 63
Лосский А.Н. 85
Лукин А.П. 53, 54
Лукомский А.С. 88
Лукьянов Г.И. 40
Лукьянова Е.С. 40
Львов А.К. 62
Люцериов В.М. 83
Люцериов П.Д. 83

Мак (Иванов П.П.) 39
Малинин М.В. 45
Мальмберг 26
Мамченко В.А. 84
Манштейн А.С. 78, 87
Манштейн-Ширинская А.А. 87, 90
Мария Федоровна, императрица 108
Марков А.Л. 32, 38
Марченко В.М. 68
Масарик Т. 10
Маслов С.Н. 38
Матисс А. 65
Махров В.С. 84
Машков В.Ф. 91
Машуков Н.Н. 72
Мельников Н.М. 59, 98

Менелик II 91—94, 97, 106, 107
Мериль М. (Гагарина), княжна 63
Меркулов Н.Д. 45
Меркулов С.Д. 45
Мерсье, кардинал 9, 11
Мехмед, принц, Тунис 84
Мигунов Ф.И. 100
Мокин Н.С. 30
Моклер К. 65
Монастырев Н.А. 81, 85, 89
Монтвид Морфиш 97
Монтгомери Б.А. 15
Морозов В.И. 85
Муассани Б. 24, 71, 77
Мутэ М. 11

Нансен Ф. 35
Насер Г.А. 42
Неделько С. 37
Недзельский Е.А. 44
Незлобин Б. 66
Немирович-Данченко Вас.И. 5, 50, 51, 55, 66
Нефертити, царица, Египет 28
Николай II, император 98, 108
Никулин А. 54

Окулич 26
Орсич П.Г. 80
Осоргин М.А. 3
Остелецкий П.П. 72

Павлов И.П. 26, 40
Павлова А.М. 34, 39
Пархомовский М.Я. 55
Парчевский К.К. 57, 61, 62, 66, 69
Перфильев П.П. 70
Петен А.Ф. 73
Петерсон Э.Э. 97, 99
Петр I, император 44
Петров А.М. 29, 37
Петров-Водкин К.З. 26
Пешков З.М. 47, 55, 65, 68
Платонов В.М. 37
Платонова 37
Подушкин М.С. 85
Подушко А.П. 82
Поздняков А.Н. 84
Полев 48
Поль Н.А. 39
Поппен А.Я. 37
Попский (Пейяков В.) 41

Потоцкий М.Н. 93
Правиков М.В. 19
Пржилацкий М.Е. 85
Проценко П.Т. 80
Пуанкаре Р. 11
Пушкин А.С. 63, 82, 44
Пьянков А.Н. 45

Рагозин Н.А. 54, 68
Рантюк П.Н. 37
Рапп 38
Рерих Н.К. 34, 64
Рогов П. 82
Родзаевский К.В. 38
Роммель Э. 15
Ронин В.К. 19
Ростовцев М.И. 40
Рубцов А.А. 18, 87
Румянцев Н. 85
Русанович С.И. 83
Рутковский В.Р. 37
Рутковский В.Я. 39

Савин А.В. 37
Савин Н.В. 37, 39
Сандер О. 34
Сарьян М.С. 26
Сахаров В.П. 80
Сахновский Г.В. 19
Свердлов Я.М. 68
Свешников Л. 97
Святославский А.П. 88
Седов Е. 92
Сенигов Е. 92, 107
Сенютович В.Н. 61
Сенявин Д.А. 94, 97, 104
Сенявин Д.К. 97
Сергиевский Б.В. 19
Серебрякова З.Е. (Лансере) 64, 65
Серигова-Монти Т.Н. 43
Сиди Мухаммед бен Абдаллах 50
Скорятин М.В. 37
Скуратов Н.С. 50
Слюсарев А. 85
Смирнов А.А. 37
Смирнов Я.И. 80
Смоленский В.А. 84
Соколов Н.А. 108
Соловьев В. 26
Сталь де, Н.В. 66
Станиславский К.С. 62
Старицкий А.К. 38, 41

Стенбок-Фермор 93
Столбецов 38
Стрекаловский В.В. 39
Стрекаловский В.Н. 37, 39
Стрекаловский Н.В. 39
Стрекаловский Р.В. 39
Сумаков Г.Г. 26

Татищев А.В. 94, 97, 98, 104
Татищев В.В. 97
Татищев В.П. 107
Татищев В.С. 98
Татищев П.Н. 97, 98, 107
Таубе Г. 38
Твердый Л.Д. 9
Тедди 38
Тихменев А.И. 73, 85
Тихомиров К. 103
Толстая А.В. 62
Толстая А.М. 62, 63
Толстая С.М. 62, 63
Толстая Т. 62
Толстой А.К. 83
Толстой А.Н. 3, 32
Толстой В. 62
Толстой Л.Н. 26, 62
Толстой М.А. 62, 63
Толстой П. 62
Толстой С.М. 62, 63
Трахтенберг А.Г. 97
Трофимов В.С. 93
Трофимов М.В. 94, 96, 97
Троцкий Л.Д. 12
Трубецкой П.П. 39
Тураев Б.А. 26
Туроверов Н.Н. 79
Турчанинов Г.А. 97, 104, 108
Тэффи Н.А. (Лохвицкая) 68
Тэффи Мэконны, рас, Эфиопия 97,
100, 107
Тяжлов Л.Д. 84

Ульянинов 87
Умов И.П. 30
Унгерн-Штернберг К.А. 85
Уольдз Гийоргис, рас, Эфиопия 107
Уольдз Тадик, кантиба, Эфиопия 96
Устинов П. 22

Фатеев А.Н. 29
Федоров Н.Ф. 89
Федотов Г.П. 62

Фотий, патриарх 29
Франк В.С. 85
Франко Ф. 19
Фрейдман-Клюзель Б.О. 39
Фуад, король, Египет 23

Хаджи Хассан Абдулла Карси 101
Хаджиевы (семья) 94
Хайле Гийоргис 100, 101
Хайле Селассие I 100, 106, 107
Ханефи Магомед Оглу 101, 102, 104
Ханефи М.М. 102, 103
Хасан II, король, Марокко 67
Хвостов И.С. 98
Хейфец Я. 39
Хомяков А.С. 83
Хризосколео де Платан И.Д. 97, 99

Цуриков И.А. 37

Чапега Г. 82
Чафыков Ф.А. 85
Чемерзин Б.Н. 96, 97, 100
Черепнин Н.Н. 34
Черный С. (Гликберг А.М.) 21, 44
Чернышов Г.П., граф 50
Чехов А.П. 44
Чириков Е.Н. 33
Чирикова В.Е. 27, 33, 34
Чирикова Л.Е. 33, 39
Чихачев П.А. 71
Чураков М.В. (Прокопец Я.И.) 25

Шалаяпин Ф.И. 39, 89
Шаров К. 85
Шаров Н. 85
Шатилов П.Н. 9
Шаховская З.А., княгиня 11
Шедевр Н.Н. 92
Шереметева М.Д. 67, 87
Шиманский Ф.А. 98
Шиншин А. 102
Шкунов Б. 79
Шкуро А.Г. 12
Шуберт Г. 64
Шумович В.А. 87
Шухаев В.И. 65, 66

Щекатихина-Потоцкая А.В. 34, 39
Щербинина Ф. 30, 32

Эйзенхауэр Д.Д. 15
Эксельманс 75
Эрдели И.Г. 9
Эррио Э. 75

Юрицын С.П. 37

Яблоновский А.А. 44
Яблоновский С. (Потресов С.В.) 27, 29
Яковлев А.Е. 66
Яновский В.Я. 62
Яценков Я.С. 80

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Аббасия 27, 29
 Абиссиния 6, 93, 96, 97
 Австралия 3, 7, 16, 32, 33, 36, 41
 Агадир 49, 56
 Аддис-Абеба 92—94, 96, 98, 100—104
 Азия Юго-Восточная 7
 Александрия 4, 8, 13, 23—31, 33, 34, 36—39, 42, 43
 Алжир 4—6, 8, 13, 15, 50, 52, 54—58, 66, 73, 81, 102
 Алхесирас 51
 Америка 3, 16, 21, 32, 33, 36, 39, 41, 58, 83, 86
     Северная 62
     Южная 7, 62
 Англия 10, 23, 24, 28, 44, 51, 71, 76, 88
 Арабский Восток 65
 Арба-Минча 103
 Атлас 55, 56
 Афины 6
 Африка 3—12, 14—19, 32, 38, 52, 56, 60, 66, 80, 91, 102, 106
     Западная 19
     Северная 3, 5, 8, 9, 15, 41, 42, 48, 49, 58, 59, 66, 79, 81, 84, 86, 102
     Северо-Западная 50
     Центральная 11
     Южная 4, 5, 33
 Багдад 42
 Бельгия 10, 11, 19, 74
 Бени-Меллаль 56
 Берег Слоновой Кости 63
 Берлин 21, 24, 89
 Берн 38
 Бизерта 8, 9, 71, 73, 75—77, 80—83, 85, 87, 89
 Болгария 5, 36, 80
 Бретань 49
 Бургундия 49
 Ваззан 50
 Верден 73
 Вильна (Вильнюс) 82
 Владивосток 33, 72, 87
 Воронеж 29
 Воронежская губерния 93
 Вятская губерния 93
 Галлиполи 53
 Гафса 73, 85
 Гвадалахара 13
 Геби 97
 Гелиополис 42, 43
 Германия 5, 11, 15, 24, 34, 35, 51
     Западная 19
 Гибралтар 66, 67
 Греция 26, 59
 Дальний Восток 3, 5, 25, 32, 33, 52
 Джебель-Кебир 74, 81, 84, 85
 Джибути 93, 107
 Дон 6, 56
 Европа 3—5, 7, 9, 10, 12, 15, 16, 18, 19, 32, 36, 38, 39, 41, 58, 61—63, 66, 67, 70—72, 74, 77, 79, 80, 83, 85, 89, 101, 102, 104
     Западная 52, 76
 Египет 4—6, 9, 10, 13, 15, 16, 22—27, 29—36, 38—47, 57, 58, 72, 78, 102, 107
     Древний 39
 Екатеринбург 108
 Екатеринослав 108
 Женева 35
 Жиронда 49
 Заир 105
 Закавказье 88
 Индия 27, 64
 Индокитай 57

Иран 42
Исмаилия 27, 28
Испания 19, 51, 52, 55
Италия 24, 39, 46, 76

Кавказ Северный 52, 88
Каир 6, 8, 21—25, 27—31, 33, 34, 36—43
Калифорния 16
Канада 63
Карфаген 70, 71
Касабланка 6, 51, 59—64, 66
Керчь 26
Китай 3, 16
Конго 16
Бельгийское 11
Константинополь 27, 53, 71, 82
Красное море 91
Крым 4, 5, 7, 26, 52, 72, 75, 88
Ксар-эс-Сук 56
Кубань 6, 56

Лараш (эль-Араиш) 50, 59
Лейпциг 80
Лемнос 6
Ленинград 34, 48
Ливан 25
Ливия 79, 84
Лондон 23, 89
Луксор 40

Мавритания 52
Магриб 6, 48, 51, 52, 62, 70—72, 84, 85
Мадрид 13
Мазаган (эль-Джадида), Марокко 50
Македония 4
Мальта 7
Маньчжурия 5, 13, 35
Марокко 6, 10, 11, 13, 15, 47—52, 54—
67, 73, 78, 81, 96, 102
Марракеш 49, 50, 56, 59—61, 65
Марсель 6
Мекнес 50, 56, 59, 60, 62, 63, 66
Москва 13, 37, 39, 43, 48, 75, 76, 96
Мулуя 59

Назрет, Эфиопия 107
Нил 23, 32, 35, 38, 41
Новороссийск 4, 26, 27
Нормандия 49

Одесса 4, 26, 27, 45, 51, 93
Оран 52

Орловская губерния 47
Османская империя 23

Палестина 25
Парагвай 16
Париж 8, 9, 29, 38, 39, 44, 55, 60, 62—
65, 70, 75, 76, 80, 86, 89, 107
Петроград 34, 48
Порт-Артур 78
Порт-Санд 8, 24, 25, 37, 38, 43—45
Прага 55, 80, 89
Прованс 15, 49

Рабат 49, 50, 57, 59—64, 67
Рига 104
Рим 24, 46, 77
Риф, Республика 55
Россия 4, 5, 7, 10—12, 14, 18, 23—34,
37, 39, 42, 47—52, 54, 56, 61, 62, 66,
67, 84, 87, 91—94, 96—98, 107
Советская 49, 68, 97

Салоники 18
Санкт-Петербург 37, 40, 50
Сан-Франциско 108
Сахара 73, 85, 87
Севастополь 26, 51, 82
Сенегал 84
Сеута 54
Сидамо, обл., Эфиопия 101, 103
Сиди-Абдалла 71
Сиди-Бель-Аббес 52, 56
Сиди-Бетташ 63
Сиди-Бишр 27—30, 32, 33
Сирия 25, 52, 57
Смоленск 12
Советский Союз 15, 34, 42, 66
Средиземное море 50, 71, 75
Средний Атлас 47
СССР 21, 42, 68, 75, 76, 106
Судан 41
Сус 73, 79, 85
Суэцкий канал 25, 27, 36, 41, 45
Сфакс 73, 85
Сфаят 73, 74, 84
США 10, 26, 35, 39, 42, 58, 62, 108

Тадла 56
Таза, обл., Марокко 55
Танжер 13, 49, 50—52, 59
Тафилалет 50
Тегеран 42

Тель эль-Кебир 27—30, 32, 33, 44

Терек 56

Тетуан 50, 59

Тибет 64

Тимсах, оз. 28

Тлемсен 50

Тоledo 13

Тунис 5, 9, 57, 70—73, 77—87, 89, 90,
102, 105

Турция 4, 5, 7, 25, 26, 52, 57, 72

Уджада 49, 50, 56, 59

Украина 52, 88

Уральск 96

Файид, Египет 27

Феодосия 26

Фес 50, 51, 56, 59, 65

Финикия 40

Франция 4, 5, 9—11, 15, 26, 33—35, 39, 42,
48, 49, 51, 52, 57, 58, 60, 62—64, 70—77,
80, 81, 83—86, 88, 90, 94, 102, 105, 107

Харбин 38

Харэр 94, 96, 107

Харэрский эмират 107

Хурибга 58, 59

Черновцы 12

Чехословакия 5, 10, 34, 36, 72, 74, 80

Шанхай 16

Швейцария 42, 51, 52

Швеция 76

Шоа, обл., Эфиопия 107

Эгейское море 57

Энтото 94

Эфиопия 10, 17, 91—108

Югославия 5, 10, 36, 72, 74, 80

Япония 3

SUMMARY

The book *Russian diaspora in Africa* is a collection of essays covering mainly the Horn and North Africa. Chronologically, it covers the first half of the 20th century.

This book is devoted to the numerous Russian communities scattered throughout the African Continent, from some dozens to some thousands strong, which can be discovered in the inter-war period and analysed. Tribute is paid to the deeds of illustrious Russians who were living in Africa or visiting this Continent between the two world wars. Different types of activities of those, not so prominent ones, are however also dealt with. According to the authors' view the contribution of thousands learned and skilled men and women who, bringing with them their know-how, were working hard at the irrigation of steppe regions, struggling against the locust, the tropical diseases, constructing new railroads and moles, extracting minerals from the earth, educating African children, is worth attention.

Former soldiers and officers of the Russian Expeditionary Corps at the Western front, Cossaks of General Wrangel's army who became members of French or Spanish Foreign Legions; officers and crew from the Russia's Black Sea fleet who became longshoremen or employees of the Hydrology Service... Former local government officers, students, schoolboys and schoolgirls, cadets, all of them started working as farmers, clerks, workers, commercial travellers, school-teachers, medical aids, book-keepers, governesses.

Exiled Russians have undergone in Africa an assimilation process. The opposite trend represented itself, however. Obviously, such an assimilation was rather slow because of the cohesive and distinct nature of emigré communities established as separate groups in the areas which were neither Russian nor Orthodox Christian (Ethiopia and, to a lesser extent, Egypt seem to be special cases).

The dispersed Russians tried to minimize the negative effect of poorly developed contacts between themselves inside Africa by establishing new ones with the fellow-countrymen, partisans of the same Slavic-Orthodox values, residing outside Africa, on other Continents. The cultural interaction helped to strengthen the adaptability of those involved in this global process regardless of their residence (Shanghai or Cairo, Brazzaville or Prague).

Artem B. Letnev, the editor and the author of the *Introduction* to the book, attempts to study the background of the Russian presence

in colonial Africa. Yury V. Lukonin's articles *Nansenists on the Nile Bank* and *Joiless Days of Russian Exiles in Morocco*, discuss in detail the Russian émigrés' situation in Egypt and Morocco. Yury V. Lukonin and Serguei S. Novikov deal with the Russian diaspora in Tunisia. Andrei V. Hrenkov assesses the nature and particularities of the Russian community established in Ethiopia.

The book contains a comprehensive bibliography of Russian diaspora studies conducted in Russia and abroad, "'The Other Russia' in the Interwar Years in Africa", presented and commented by Valentina P. Khohlova, the compiler.

СОДЕРЖАНИЕ

А.Б.Летнев	
Введение.....	3
Ю.В.Луконин	
С «нансеновским паспортом» на берегах Нила	21
Ю.В.Луконин	
Марокканские будни изгнанников	47
Ю.В.Луконин, С.С.Новиков	
Россияне в Тунисе	70
А.В.Хренков	
Российская диаспора в Эфиопии	91
В.П.Хохлова	
«Другая Россия» в межвоенной Африке (Библиографические материалы).....	109
Указатель имен	140
Указатель географических названий	145
Summary	148

Научное издание

**Российская диаспора в Африке
20–50-е годы
Сборник статей**

Утверждено к печати
Институтом Африки РАН

Редактор *Л.Р.Фомина*
Художник *Э.Л.Эрман*
Технический редактор *О.В.Волкова*
Корректор *Н.Н.Щигорева*

ЛР № 020297 от 23.06.97
Подписано к печати 30.03.2001
Формат 60×90¹/₁₆
Печать офсетная. Усл. п. л. 9,5
Усл. кр.-отт. 9,7. Уч.-изд. л. 9,8
Тираж 300 экз. Изд. № 7926
Зак. № 59

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

ООО «Пандора-1»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Кизнь въ Дагомеѣ

нты вдребезги скрѣпы нашего
го и, словно щепки большого
я, носятся русскіе люди по
концамъ земного шара. Гдѣ ихъ
Гдѣ не услышишь русской рѣчи?
местой параллели, т. е. по
экватора, въ южной
Африки, лежатъ
Дагомеѣ

Донъ, начинается ран
носительно прох
не такъ ут
дѣла

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ РОССИЯ

Африкѣ

Русскіе въ Экваторіальной Африкѣ

Очеркъ В. Унковскаго.

Русскіе въ Конго

тивъ четыре раза французскія ко-
Азіи и Африки, и хотѣлъ б
съ читателями "Посл. Нов
іями о житьѣ-бытьѣ русски
образомъ въ Конго, откуда
озвратился.
кое, и Бельгійское
сосѣди, отдѣле
ма различ

постоянныхъ промѣровъ русла капризномъ
въ нижнемъ теченіи Конго. Среди нихъ вы-
ступила фигура одного адмирала
иныхъ эксп

АФРИКАНСКІЕ БУДНИ

Письма русской эмигрантки
изъ Бельгійскаго Конго

Берегъ Слоновой Кости

Докладъ Н. (А. Зубарева въ Союзъ русскихъ инженеровъ

Большевицкій агентъ въ Абиссиніи

этомъ году совѣтскіе агенты про-
вительству, устроиться муниципальны